

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

11

1942

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
СССР

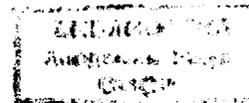
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор
Ем. Ярославский

К Н И Г А

11

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1942

XXV ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ДОКЛАД ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ОБОРОНЫ ТОВАРИЩА И. В. СТАЛИНА НА ТОРЖЕСТВЕННОМ
ЗАСЕДАНИИ МОСКОВСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
С ПАРТИЙНЫМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ
г. МОСКВЫ 6 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

Т о в а р и щ и !

Сегодня мы празднуем 25-летие победы Советской революции в нашей стране. Прошло 25 лет с того времени, как установился у нас Советский строй. Мы стоим на пороге следующего, 26-го года существования Советского строя.

На торжественных заседаниях в годовщину Октябрьской Советской революции обычно принято подводить итоги работы государственных и партийных органов за истекший год. Мне поручено представить вам отчетный доклад об этих именно итогах за истекший год — от ноября прошлого года до ноября текущего года.

Деятельность наших государственных и партийных органов протекала за истекший период в двух направлениях: в направлении мирного строительства и организации крепкого тыла для нашего фронта, — с одной стороны, и в направлении проведения оборонительных и наступательных операций Красной Армии, — с другой стороны.

1.

ОРГАНИЗАТОРСКАЯ РАБОТА В ТЫЛУ.

Мирная строительная работа наших руководящих органов выразилась за этот период в перебазировании нашей промышленности как военной, так и гражданской в восточные районы нашей страны, в эвакуации и устройстве на новых местах рабочих и оборудования предприятий, в расширении посевных площадей и в увеличении озимого клина на востоке, наконец, в коренном улучшении работы наших предприятий, работающих на фронт, и в укреплении трудовой дисциплины в тылу, как на заводах, так и в колхозах и совхозах. Нужно сказать, что это была труднейшая и сложнейшая организаторская работа большого масштаба всех наших хозяйственных и административных наркоматов, в том числе — нашего железнодорожного транспорта. Однако трудности удалось преодолеть. И теперь наши заводы, колхозы и совхозы, несмотря на все

трудности военного времени, работают бесспорно удовлетворительно. Наши военные заводы и смежные с ними предприятия честно и аккуратно снабжают Красную Армию орудиями, минометами, самолетами, танками, пулеметами, винтовками, боеприпасами. Наши колхозы и совхозы также честно и аккуратно снабжают население и Красную Армию продовольствием, а нашу промышленность — сырьем. Нужно признать, что наша страна никогда еще не имела такого крепкого и организованного тыла.

В результате всей этой сложной организаторской и строительной работы преобразились не только наша страна, но и сами люди в тылу. Люди стали более подтянутыми, менее расхлябанными, более дисциплинированными, научились работать по-военному, стали сознавать свой долг перед Родиной и перед ее защитниками на фронте — перед Красной Армией. Ротозеев и разгильдяев, лишенных чувства гражданского долга, становится в тылу все меньше и меньше. Организованных и дисциплинированных людей, исполненных чувства гражданского долга, становится все больше и больше.

Но истекший год является, как я уже говорил, не только годом мирного строительства. Он является вместе с тем годом Отечественной войны с немецкими захватчиками, подло и вероломно напавшими на нашу миролюбивую страну.

2.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СОВЕТСКО-НЕМЕЦКОМ ФРОНТЕ

Что касается военной деятельности наших руководящих органов за истекший год, то она выразилась в обеспечении наступательных и оборонительных операций Красной Армии против немецко-фашистских войск. Военные действия на советско-немецком фронте за истекший год можно разбить на два периода: первый период — это по преимуществу зимний период, когда Красная Армия, отбив атаку немцев на Москву, взяла инициативу в свои руки, перешла в наступление, погнала немецкие войска и в течение 4-х месяцев прошла местами более 400 километров, и второй период — это летний период, когда немецко-фашистские войска, пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, собрали все свои свободные резервы, прорвали фронт в юго-западном направлении и, взяв в свои руки инициативу, прошли местами в течение 5 месяцев до 500 километров.

Военные действия в течение первого периода, особенно же успешные действия Красной Армии в районе Ростова, Тулы, Калуги, под Москвой, под Тихвином и Ленинградом — вскрыли два знаменательных факта. Они показали, во-первых, что Красная Армия и ее боевые кадры выросли в серьезную силу, способную не только устоять против напора немецко-фашистских войск, но и разбить их в открытом бою и погнать их назад. Они показали, во-вторых, что немецко-фашистские войска при всей их стойкости имеют такие серьезные органические недостатки, которые при некоторых благоприятных условиях для Красной Армии могут привести к поражению немецких войск. Нельзя считать случайностью тот факт, что немецкие войска, прошедшие триумфальным маршем всю Европу и сразившие одним ударом французские войска, считавшиеся первоклас-

сними войсками, встретили действительный военный отпор только в нашей стране, и не только отпор, но оказались вынужденными под ударами Красной Армии отступить от занятых позиций более чем на 400 километров, бросая по пути отступления колоссальное количество орудий, машин, боеприпасов. Одними зимними условиями войны никак нельзя объяснить этот факт.

Второй период военных действий на советско-немецком фронте отмечается переломом в пользу немцев, переходом инициативы в руки немцев, прорывом нашего фронта на юго-западном направлении, продвижением немецких войск вперед и выходом в районы Воронежа, Сталинграда, Новороссийска, Пятигорска, Моздока. Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, немцы и их союзники бросили на фронт все свои свободные резервы и, нацелив их на одном направлении, на юго-западном направлении, создали здесь большой перевес сил и добились значительного тактического успеха.

Повидимому немцы уже не столь сильны, чтобы повести одновременно наступление по всем трем направлениям, на юг, на север, на центр, как это имело место в первые месяцы немецкого наступления летом прошлого года, но они еще достаточно сильны для того, чтобы организовать серьезное наступление на каком-либо одном направлении.

Какую главную цель преследовали немецко-фашистские стратеги, открывая свое летнее наступление на нашем фронте? Если судить по откликам иностранной печати, в том числе и немецкой, то можно подумать, что главная цель наступления состояла в занятии нефтяных районов Грозного и Баку. Но факты решительно опровергают такое предположение. Факты говорят, что продвижение немцев в сторону нефтяных районов СССР является не главной, а вспомогательной целью.

В чем же, в таком случае, состояла главная цель немецкого наступления? Она состояла в том, чтобы обойти Москву с востока, отрезать ее от волжского и уральского тыла и потом ударить на Москву. Продвижение немцев на юг в сторону нефтяных районов имело своей вспомогательной целью не только и не столько занятие нефтяных районов, сколько отвлечение наших главных резервов на юг и ослабление Московского фронта, чтобы тем легче добиться успеха при ударе на Москву. Этим собственно и объясняется, что главная группировка немецких войск находится теперь не на юге, а в районе Орла и Сталинграда.

Недавно в руки наших людей попал один немецкий офицер германского генштаба. У этого офицера нашли карту с обозначением плана продвижения немецких войск по срокам. Из этого документа видно, что немцы намеревались быть в Борисоглебске 10 июля этого года, в Сталинграде — 25 июля, в Саратове — 10 августа, в Куйбышеве — 15 августа, в Арзамасе — 10 сентября, в Баку — 25 сентября.

Этот документ полностью подтверждает наши данные о том, что главная цель летнего наступления немцев состояла в обходе Москвы с востока и в ударе по Москве, тогда как продвижение на юг имело своей целью, помимо всего прочего, отвлечение наших резервов подальше

от Москвы и ослабление Московского фронта, чтобы тем легче было провести удар по Москве.

Короче говоря, главная цель летнего наступления немцев состояла в том, чтобы окружить Москву и кончить войну в этом году.

В ноябре прошлого года немцы рассчитывали ударом в лоб по Москве взять Москву, заставить Красную Армию капитулировать и тем добиться окончания войны на Востоке. Этими иллюзиями кормили они своих солдат. Но эти расчеты немцев, как известно, не оправдались. Обжегшись в прошлом году на лобовом ударе по Москве, немцы вознамерились взять Москву в этом году уже обходным движением и тем кончить войну на Востоке. Этими иллюзиями кормят они теперь своих одуряченных солдат. Как известно, эти расчеты немцев также не оправдались. В результате, погнавшись за двумя зайцами — и за нефтью, и за окружением Москвы, — немецко-фашистские стратеги оказались в затруднительном положении.

Таким образом, тактические успехи летнего наступления немцев оказались незавершенными ввиду явной нереальности их стратегических планов.

3.

ВОПРОС О ВТОРОМ ФРОНТЕ В ЕВРОПЕ

Чем объяснить тот факт, что немцам все же удалось в этом году взять в свои руки инициативу военных действий и одержать серьезные тактические успехи на нашем фронте?

Объясняется это тем, что немцам и их союзникам удалось собрать все свои свободные резервы, бросить их на восточный фронт и создать на одном из направлений большой перевес сил. Не может быть сомнения, что немцы без этих мероприятий не смогли бы добиться успеха на нашем фронте.

Но почему им удалось собрать все свои резервы и бросить их на восточный фронт? Потому что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность произвести эту операцию без какого-либо риска для себя.

Стало быть главная причина тактических успехов немцев на нашем фронте в этом году состоит в том, что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность бросить на наш фронт все свободные резервы и создать большой перевес своих сил на юго-западном направлении.

Допустим, что в Европе существовал бы второй фронт, также как он существовал в первую мировую войну, и второй фронт отвлек бы на себя, скажем, 60 немецких дивизий и 20 дивизий союзников Германии. Каково было бы положение немецких войск на нашем фронте? Не трудно догадаться, что их положение было бы плачевным. Более того, это было бы начало конца немецко-фашистских войск, ибо Красная Армия стояла бы в этом случае не там, где она стоит теперь, а где-нибудь около Пскова, Мянска, Житомира, Одессы. Это значит, что уже летом этого года немецко-фашистская армия стояла бы перед своей катастрофой. И если этого не случилось, то потому, что немцев спасло отсутствие второго фронта в Европе.

Рассмотрим вопрос о втором фронте в Европе в историческом разрезе.

В первую мировую войну Германии пришлось воевать на два фронта, на Западе, главным образом, против Англии и Франции, и на Востоке — против русских войск. Стало быть в первую мировую войну существовал второй фронт против Германии. Из 220 дивизий, имевшихся тогда у Германии, на русском фронте стояло не более 85 немецких дивизий. Если к этому прибавить войска союзников Германии, стоявшие против русского фронта, а именно, 37 австро-венгерских дивизий, 2 болгарских и 3 турецких дивизий, то всего составит 127 дивизий, стоявших против русских войск. Остальные дивизии Германии и ее союзников держали фронт главным образом против англо-французских войск, а часть из них несла гарнизонную службу в оккупированных территориях Европы.

Так обстояло дело в первую мировую войну.

Как обстоит дело теперь, во вторую мировую войну, скажем, в сентябре месяце этого года?

По проверенным данным, не вызывающим каких-либо сомнений, из 256 дивизий, имеющихся теперь у Германии, на нашем фронте стоит не менее 179 немецких дивизий. Если к этому прибавить 22 румынских дивизии, 14 финских дивизий, 10 итальянских дивизий, 13 венгерских дивизий, 1 словацкую дивизию и 1 испанскую дивизию, то всего составит 240 дивизий, дерущихся сейчас на нашем фронте. Остальные дивизии немцев и их союзников несут гарнизонную службу в оккупированных странах (Франция, Бельгия, Норвегия, Голландия, Югославия, Польша, Чехословакия и т. д.), часть же из них ведет войну в Ливии за Египет, против Англии, причем ливийский фронт отвлекает всего 4 немецких дивизии и 11 итальянских дивизий.

Стало быть вместо 127 дивизий в первую мировую войну, мы имеем теперь против нашего фронта не менее 240 дивизий, а вместо 85 немецких дивизий мы имеем теперь 179 немецких дивизий, дерущихся против Красной Армии.

Вот где главная причина и основа тактических успехов немецко-фашистских войск на нашем фронте летом этого года.

Нашествие немцев на нашу страну часто сравнивают с нашествием Наполеона на Россию. Но это сравнение не выдерживает критики. Из 600 тысяч войск, отправившихся в поход на Россию, Наполеон довел до Бородино едва 130—140 тысяч войск. Это все, чем он мог располагать под Москвой. Ну, а мы имеем теперь более трех миллионов войск, стоящих перед фронтом Красной Армии и вооруженных всеми средствами современной войны. Какое же может быть тут сравнение?

Нашествие немцев на нашу страну сравнивают иногда также с нашествием Германии на Россию в период первой мировой войны. Но это сравнение также не выдерживает критики. Во-первых, в первую мировую войну существовал второй фронт в Европе, сильно затруднявший положение немцев, тогда как в этой войне нет второго фронта в Европе. Во-вторых, в эту войну против нашего фронта стоит вдвое больше войск, чем в первую мировую войну. Ясно, что сравнение не подходит.

Теперь вы можете представить, насколько серьезны и необычайны те трудности, которые стоят перед Красной Армией, и до чего велик тот героизм, который проявляет Красная Армия в ее освободительной войне против немецко-фашистских захватчиков.

Я думаю, что никакая другая страна и никакая другая армия не могла бы выдержать подобный натиск озверелых банд немецко-фашистских разбойников и их союзников. Только наша Советская страна, и только наша Красная Армия способны выдержать такой натиск. (Бурные аплодисменты). И не только выдержать, но и преодолеть его.

Часто спрашивают: а будет ли все же второй фронт в Европе. Да, будет, рано или поздно, но будет. И он будет не только потому, что он нужен нам, но и, прежде всего, потому, что он не менее нужен нашим союзникам, чем нам. Наши союзники не могут не понимать, что после того, как Франция вышла из строя, отсутствие второго фронта против фашистской Германии может кончиться плохо для всех свободолюбивых стран, в том числе — для самих союзников.

4.

БОЕВОЙ СОЮЗ СССР, АНГЛИИ И США ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ И ЕЕ СОЮЗНИКОВ В ЕВРОПЕ.

Теперь уже можно считать неоспоримым, что в ходе войны, навязанной народам гитлеровской Германией, произошла коренная размежка сил, произошло образование двух противоположных лагерей, лагеря итало-германской коалиции и лагеря англо-советско-американской коалиции.

Неоспоримо также и то, что эти две противоположные коалиции руководствуются двумя разными противоположными программами действия.

Программу действия итало-германской коалиции можно охарактеризовать следующими пунктами: расовая ненависть; господство «избранных» наций; покорение других наций и захват их территорий; экономическое порабощение покоренных наций и расхищение их национального достояния; уничтожение демократических свобод; повсеместное установление гитлеровского режима.

Программа действия англо-советско-американской коалиции: уничтожение расовой исключительности; равноправие наций и неприкосновенность их территорий; освобождение порабощенных наций и восстановление их суверенных прав; право каждой нации устраиваться по своему желанию; экономическая помощь потерпевшим нациям и содействие им в деле достижения их материального благополучия; восстановление демократических свобод; уничтожение гитлеровского режима.

Программа действия итало-германской коалиции привела к тому, что все оккупированные страны Европы — Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Франция, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, оккупированные области СССР — пылают ненавистью к итало-германской тирании, вредят немцам и их союзникам, как только могут, и ждут

удобного момента для того, чтобы отомстить своим работодателям за те унижения и насилия, которые они переносят.

В связи с этим одна из характерных черт современного момента состоит в том, что прогрессивно растет изоляция итало-германской коалиции и иссякание ее морально-политических резервов в Европе, растет ее ослабление и разложение.

Программа действия англо-советско-американской коалиции привела к тому, что все оккупированные страны в Европе полны сочувствия к членам этой коалиции и готовы оказать им любую поддержку, на какую только они способны.

В связи с этим другая характерная черта современного момента состоит в том, что морально-политические резервы этой коалиции изо дня в день растут в Европе,—и не только в Европе,—и что эта коалиция прогрессивно обрастает миллионами сочувствующих людей, готовых биться вместе с ней против тирании Гитлера.

Если рассмотреть вопрос о соотношении сил двух коалиций с точки зрения человеческих и материальных ресурсов, то нельзя не прийти к выводу, что мы имеем здесь бесспорное преимущество на стороне англо-советско-американской коалиции.

Но вот вопрос: достаточно ли одного лишь этого преимущества, чтобы одержать победу? Бывают ведь такие случаи, когда ресурсов много, но расходуются они так бестолково, что преимущество оказывается равным нулю. Ясно, что кроме ресурсов необходима еще способность мобилизовать эти ресурсы и умение правильно расходовать их. Есть ли основание сомневаться в наличии такого умения и такой способности у людей англо-советско-американской коалиции? Есть люди, которые сомневаются в этом. Но на каком основании они сомневаются? В свое время люди этой коалиции проявили умение и способность мобилизовать ресурсы своих стран и правильно расходовать их для целей хозяйственного и культурно-политического строительства. Спрашивается, какое имеется основание сомневаться в том, что люди, проявившие способность и умение в деле мобилизации и распределения ресурсов для хозяйственных и культурно-политических целей, окажутся не способными проделать ту же работу для осуществления военных целей? Я думаю, что таких оснований нет.

Говорят, что англо-советско-американская коалиция имеет все шансы на победу и она наверняка победила бы, если бы не было у нее одного органического недостатка, способного ослабить и разложить ее. Недостаток этот, по мнению этих людей, выражается в том, что эта коалиция состоит из разнородных элементов, имеющих неодинаковую идеологию и что это обстоятельство не даст им возможности организовать совместные действия против общего врага.

Я думаю, что это утверждение неправильно.

Было бы смешно отрицать разницу в идеологии и в общественном строе государств, входящих в состав англо-советско-американской коалиции. Но исключает ли это обстоятельство возможность и целесообразность совместных действий членов этой коалиции против общего

врага, несущего им угрозу порабощения? Безусловно, не исключает. Более того, — создавшаяся угроза повелительно диктует членам коалиции необходимость совместных действий для того, чтобы избавить человечество от возврата к дикости и к средневековым зверствам. Разве программа действия англо-советско-американской коалиции недостаточна для того, чтобы организовать на ее базе совместную борьбу против гитлеровской тирании и добиться победы над ней? Я думаю, что вполне достаточна.

Предположение этих людей неправильно еще и потому, что оно полностью опровергается событиями истекшего года. В самом деле, если бы эти люди были правы, мы наблюдали бы факты прогрессивного отчуждения друг от друга членов англо-советско-американской коалиции. Однако мы не только не наблюдаем этого, а наоборот, мы имеем факты и события, говорящие о прогрессивном сближении членов англо-советско-американской коалиции и объединении их в единый боевой союз. События истекшего года дают прямое к тому доказательство. В июле 1941 г., через несколько недель после нападения Германии на СССР, Англия заключила с нами соглашение «О совместных действиях в войне против Германии». С Соединенными Штатами Америки мы еще не имели тогда никаких соглашений на этот предмет. Через 10 месяцев после этого, 26 мая 1942 г. во время посещения Англии т. Молотовым, Англия заключила с нами «Договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны». Договор этот заключен на 20 лет. Он знаменует собой исторический поворот в отношениях между нашей страной и Англией. В июне 1942 года, во время посещения США т. Молотовым, Соединенные Штаты Америки подписали с нами «Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», соглашение, делающее серьезный шаг вперед в отношениях между СССР и США. Наконец, следует отметить такой важный факт, как посещение Москвы премьер-министром Великобритании г-ном Черчиллем, установившее полное взаимопонимание руководителей обеих стран. Не может быть сомнения, что все эти факты говорят о прогрессивном сближении СССР, Великобритании и Соединенных Штатов Америки и об объединении их в боевой союз против итало-германской коалиции.

Выходит, что логика вещей сильнее всякой иной логики.

Вывод один: англо-советско-американская коалиция имеет все шансы, чтобы победить итало-германскую коалицию и она без сомнения победит.

5.

НАШИ ЗАДАЧИ.

Война порвала все покровы и обнажила все отношения. Положение стало до того ясно, что нет ничего легче, как определить наши задачи в этой войне.

В своей беседе с турецким генералом Эркилет, опубликованной в

турецкой газете «Джумхурьет», людоед Гитлер говорит: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Кажется, ясно, хотя и глуповато. (Смех). У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию. Но уничтожить гитлеровское государство — можно и должно. (Бурные аплодисменты).

Наша первая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей. (Бурные аплодисменты).

В той же беседе с тем же генералом людоед Гитлер продолжает: «Мы будем продолжать войну до тех пор, пока в России не останется организованной военной силы». Кажется, ясно, хотя и безграмотно. (Смех). У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить всякую организованную военную силу в Германии, ибо любой грамотный человек поймет, что это не только невозможно в отношении Германии, как и в отношении России, но и нецелесообразно с точки зрения победителя. Но уничтожить гитлеровскую армию — можно и должно. (Бурные аплодисменты).

Наша вторая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровскую армию и ее руководителей. (Бурные аплодисменты).

Гитлеровские мерзавцы взяли за правило истязать советских военнопленных, убивать их сотнями, обрекать на голодную смерть тысячи из них. Они насилуют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны, мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестер. Они задались целью обратить в рабство или истребить население Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Крыма, Кавказа. Только низкие люди и подлецы, лишенные чести и павшие до состояния животных, могут позволить себе такие безобразия в отношении невинных безоружных людей. Но это не все. Они покрыли Европу виселицами и концентрационными лагерями. Они ввели подлую «систему заложников». Они расстреливают и вешают ни в чем не повинных граждан, взятых «под залог», из-за того, что какому-нибудь немецкому животному помешали насиловать женщин или ограбить жителей. Они превратили Европу в тюрьму народов. И это называется у них — «новый порядок в Европе». Мы знаем виновников этих безобразий, строителей «нового порядка в Европе», всех этих новоиспеченных генерал-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов.

Наша третья задача состоит в том, чтобы разрушить ненавистный «новый порядок в Европе» и покарать его строителей.

Таковы наши задачи. (Бурные аплодисменты).

Товарищи! Мы ведем великую освободительную войну. Мы ведем ее не одни, а совместно с нашими союзниками. Она несет нам победу

над подлыми врагами человечества, над немецко-фашистскими империалистами. На ее знамени написано:

Да здравствует победа англо-советско-американского боевого союза! (Аплодисменты).

Да здравствует освобождение народов Европы от гитлеровской тирании! (Аплодисменты).

Да здравствует свобода и независимость нашей славной советской родины! (Аплодисменты).

Проклятие и смерть немецко-фашистским захватчикам, их государству, их армии, их «новому порядку в Европе»! (Аплодисменты).

Нашей Красной Армии — слава! (Бурные аплодисменты).

Нашему Военно-Морскому Флоту — слава! (Бурные аплодисменты).

Нашим партизанам и партизанкам — слава! (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают. Овация всего зала).

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ

7 ноября 1942 г.

№ 345

г. Москва

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! Трудящиеся Советского Союза!

От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую и поздравляю вас с днем 25-летия победы Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Четверть века назад рабочие и крестьяне под руководством партии большевиков и великого Ленина установили в нашей стране власть Советов. Славный путь прошли народы Советского Союза за это время. За 25 лет наша Родина стала могучей социалистической индустриальной и колхозной державой. Народы советского государства, завоевав себе свободу и независимость, объединились в нерушимом братском содружестве. Советские люди освободились от всякого угнетения и упорным трудом обеспечили себе зажиточную и культурную жизнь.

Ныне двадцать пятую годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции народы нашей страны встречают в разгаре жестокой борьбы против немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Европе.

В начале этого года, в зимний период, Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам серьезные удары. Отбив атаку немцев на Москву, она взяла в свои руки инициативу, перешла в наступление и погнала на запад немецкие войска, освободив от немецкого рабства целый ряд областей нашей страны. Красная Армия показала, таким образом, что при некоторых благоприятных условиях она может одолеть немецко-фашистские войска.

Летом однако положение на фронте изменилось к худшему. Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, немцы и их союзники собрали все свои резервы под метелку, бросили их на наш украинский фронт и прорвали его. Ценой огромных потерь немецко-фашистским войскам удалось продвинуться на юге и поставить под угрозу Сталинград, Черноморское побережье, Грозный, подступы к Закавказью.

Правда, стойкость и мужество Красной Армии сорвали планы немцев по обходу Москвы с востока и удару с тыла на столицу нашей страны. Враг остановлен под Сталинградом. Но, остановленный под Сталинградом и уже положивший там десятки тысяч своих солдат и офицеров, враг бросает в бой новые дивизии, напрягая последние силы. Борьба на советско-германском фронте становится все более напряженной. От исхода этой борьбы зависит судьба Советского государства, свобода и независимость нашей Родины.

Наш советский народ с честью выдержал испытания, выпавшие на его долю, и преисполнен непоколебимой веры в победу. Война явилась суровой проверкой сил и прочности советского строя. Расчеты немецких империалистов на распад советского государства провалились полностью. Социалистическая промышленность, колхозный строй, дру-

жба народов нашей страны, Советское государство — показали свою прочность и несокрушимость. Рабочие и крестьяне, вся интеллигенция нашей страны, весь наш тыл честно и самоотверженно работают на удовлетворение нужд нашего фронта.

Красная Армия выносит на себе всю тяжесть войны против гитлеровской Германии и ее сообщников. Своей самоотверженной борьбой против фашистских армий она завоевала любовь и уважение всех свобододолюбивых народов мира. Бойцы и командиры Красной Армии, не имевшие ранее достаточного военного опыта, научились бить врага наверняка, уничтожать его живую силу и технику, срывать вражеские замыслы, стойко оборонять от иноземных поработителей наши города и села. Героические защитники Москвы и Тулы, Одессы и Севастополя, Ленинграда и Сталинграда показали образцы беззаветной храбрости, железной дисциплины, стойкости и умения побеждать. По этим героям равняется вся наша Красная Армия. Враг уже изведal на своей шкуре способность Красной Армии к сопротивлению. Он еще узнает силу сокрушительных ударов Красной Армии.

Не может быть сомнения, что немецкие захватчики еще будут бросаться на новые авантюры. Но силы врага уже подточены и находятся на пределе. За время войны Красная Армия вывела из строя свыше 8 миллионов вражеских солдат и офицеров. Теперь гитлеровская армия, разбавленная румынами, венграми, итальянцами, финнами, стала значительно слабее, чем летом и осенью 1941 года.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки!

От вашего упорства и стойкости, от воинского умения и готовности выполнить свой долг перед Родиной зависит разгром немецко-фашистской армии, очищение советской земли от гитлеровских захватчиков!

МЫ МОЖЕМ И ДОЛЖНЫ ОЧИСТИТЬ СОВЕТСКУЮ ЗЕМЛЮ ОТ ГИТЛЕРОВСКОЙ НЕЧИСТИ.

Для этого необходимо:

1) стойко и упорно оборонять линию нашего фронта, не давать более врагу продвигаться вперед, всеми силами изматывать врага, истреблять его живую силу, уничтожать его технику;

2) всемерно укреплять железную дисциплину, строжайший порядок и единоначалие в нашей армии, совершенствовать боевую выучку войск и готовить, упорно и настойчиво готовить сокрушительный удар по врагу;

3) раздуть пламя всенародного партизанского движения в тылу у врага, разрушать вражеские тылы, истреблять немецко-фашистских мерзавцев.

Товарищи!

Враг уже испытал однажды силу ударов Красной Армии под Ростовом, под Москвой, под Тихвином. Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!

Да здравствует 25 годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции!

Да здравствует наша Красная Армия!

Да здравствует наш военно-морской флот!

Да здравствуют наши славные партизаны и партизанки!

Смерть немецко-фашистским захватчикам!

Народный Комиссар Обороны И. СТАЛИН

СТАТЬИ

ОКтябрьские дни 1917 года в Москве

Г. Костомаров

I

Московская организация большевиков еще задолго до Октябрьской социалистической революции активно готовила массы рабочих и солдат к вооруженной борьбе за власть советов. Исторические решения VI съезда большевистской партии привели к особенно широкому развертыванию этой работы.

Большевики Москвы настойчиво и упорно вели борьбу с буржуазией, меньшевиками и эсерами и шаг за шагом отвоевывали массы рабочих и крестьян на сторону революции. Этим прежде всего объясняется тот факт, что неоднократные попытки врагов социалистической революции превратить Москву в собирательницу «живых» сил контрреволюции не увенчались успехом. В Москве, как известно, сошлись различные съезды и совещания контрреволюционной буржуазии: съезд «общественных деятелей» с Родзянко во главе, съезд фабрикантов и заводчиков, возглавляемый Рябушинским и другими тузами капитала, — в Москве группировалось монархическое офицество, союз георгиевских кавалеров и штаб по формированию белой гвардии, в Москву стягивались контрреволюционные силы на так называемое «государственное» совещание. На всех этих «слетах» контрреволюция обсуждала планы превращения Москвы в центр зверской расправы с рабочим классом и прежде всего с партией большевиков. Однако эти гнусные затеи врагов социалистической революции каждый раз терпели провал. В дни «государственного» совещания, например, по призыву большевиков 400 тыс. московских рабочих мощной демонстрацией выразили свой грозный протест против замыслов буржуазии, меньшевиков и эсеров. Еще более грозным предостережением для врагов революции было выступление московских рабочих против корниловщины, когда массы рабочих и солдат решительно поддержали требования большевиков о немедленном вооружении рабочих и солдат, об энергичных массовых арестах контрреволюционеров, о закрытии буржуазных газет, конфискации их типографий, об освобождении всех арестованных большевиков и т. д.

Разгром корниловщины развеял все соглашательские иллюзии в рабочих и солдатских массах, сплотил их вокруг лозунгов партии. Ярким показателем этого было почти одновременное завоевание большевиками большинства в Петроградском и Московском советах.

Московский совет в начале сентября несмотря на ожесточенное сопротивление меньшевиков и эсеров принял решение об организации центрального штаба Красной гвардии. Созданная на основе апрельского решения Московского комитета, Красная гвардия стала быстро пополняться новыми тысячами рабочих. По далеко не полным данным, в отрядах московской рабочей Красной гвардии в моменту октябрьского восстания насчитывалось свыше 10 тыс. человек.

5 сентября Московский совет впервые принял развернутую большевистскую резолюцию. 19 сентября в результате перевыборов большевики получили большинство в исполкоме Моссовета — 32 места из 60.

Победа московских большевиков в совете рабочих депутатов имела своим резуль-

татом быструю большевизацию районных советов и других массовых организаций рабочего класса, а также районных дум. На выборах в районные думы 24 сентября большевики завоевали половину всех поданных голосов, причем во всех районных думах, кроме дум центрального района, большевики получили большинство.

Солдаты московского гарнизона на этих выборах отдали 90% своих голосов большевистской партии. Укрепляется революционный союз рабочих и солдат. Рабочие замоскворецкого завода Михельсона (ныне им. Владимира Ильича) взяли шефство над 55-м полком, послав в полковой комитет своих представителей и включив в завком делегатов полка. Организованная МК большевиков многотысячная демонстрация рабочих Пресни пришла на Ходынку, где находилась 1-я артиллерийская запасная бригада, а оттуда тысячи рабочих и солдат дружными рядами направились на могилу члена Московского комитета большевиков, зверски убитого Черной сотней в октябре 1905 года, Н. Э. Баумана. Здесь они дали торжественную клятву бороться за власть советов до полной победы.

Ведя борьбу против меньшевиков и эсеров, московские большевики одновременно решительно разоблачали каменевско-зиновьевских штрейкбрехеров, которые в Москве были представлены Бухариным, Рыковым и К°. В результате этой борьбы московская организация большевиков с каждым днем закалялась идеологически и крепла организационно. Количество ее членов по области к октябрю 1917 г. увеличилось с 18 тыс. в апреле до 70 тыс. человек.

II

В условиях нарастающего революционного подъема, когда советы стали большевистскими, партия вновь выдвинула лозунг «Вся власть советам!», но «теперь этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания» (Сталин).

Уже 12 сентября в письме в ЦК, в Петроградский и Московский комитеты большевистской партии Ленин писал: «Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки»¹. Это историческое письмо заканчивалось следующими словами: «Взять власть сразу и в Москву, и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно»².

В другом письме, написанном на следующий день, адресованном ЦК, Ленин указывает, что большинство народа на стороне большевиков, что страна после корниловщины переживает всенародный революционный подъем, а в стане врагов колебания и что поэтому пора взять курс на восстание, подчинив этому курсу всю тактику партии.

10 октября Центральный Комитет партии принял историческое решение об организации вооруженного восстания. 16 октября на заседании ЦК с представителями руководящих партийных организаций в Петрограде был избран во главе с товарищем Сталиным партийный центр, который занялся конкретной подготовкой восстания, выработкой плана восстания, мобилизацией сил революции, назначением комиссаров в революционные части петроградского гарнизона и т. п.

Вслед за Петроградом московская партийная организация, вдохновленная указаниями В. И. Ленина и И. В. Сталина, решениями ЦК о восстании, приступила к практической работе по подготовке восстания.

Еще 27—28 сентября большевики Москвы и Московской области на основе указаний Ленина приняли постановление, в котором указывалось, что важнейшей задачей дня является борьба за власть и что поэтому необходимо в крупных промышленных городах области создать боевые центры. Одновременно московские большевики проводили большую работу по подготовке ко II съезду советов. Извещение о созыве II съезда советов было встречено горячим сочувствием широчайших масс Московской области.

2 октября Пресненский и Басманный районные советы на совместном заседании с фабрично-заводскими и ротными комитетами, заслушав доклады о «демократическом совещании», присоединились к резолюции пленума Московского совета от

25 сентября и призвали рабочих и солдат мобилизовать все силы для предстоящей борьбы за власть советов. Районные советы в своих резолюциях настаивали на немедленном созыве II Всероссийского съезда советов.

В. И. Ленин внимательно следил за развитием событий в московской организации большевиков, оказывая ей повседневную помощь в подготовке восстания.

В письме в ЦК, МК, ПК и членам советов Питера и Москвы — большевикам от 3 октября 1917 г. Ленин указывал на ту особую роль, которую в тех условиях могла бы сыграть Москва, если бы Московский совет тотчас, сразу, взял власть и объявил себя вместе с Петроградским советом правительством. В Москве тогда не было тех сил контрреволюции, которые могли бы сопротивляться взятию власти. Революция могла бы победить бескровно. Временное правительство вынуждено было бы сдать, «ибо Московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское слово», получает гигантскую базу и силу, агитируя перед всей Россией», — писал Ленин.

«Необязательно «начать» с Питера, — указывал Ленин. — Если Москва «начнет» бескровно, то поддержит наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска идут на Питер... Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно. Ждать — преступление перед революцией»³.

Но и в этом письме, в котором Ленин указывал на необходимость использовать создавшуюся возможность бескровной победы, Ленин подчеркивал: «Если нельзя взять власти без восстания, надо идти на восстание тотчас»⁴.

В документах московской организации мы не обнаружили данных, которые свидетельствовали бы об обсуждении МК или областным бюро исторических писем Ленина о вооруженном восстании, в частности о роли Москвы. Однако известно, что на настоянию группы товарищей, стоящих на ленинских позициях (Ярославский, Владимирский, Лихачев, Землячка и др.), эти директивы обсуждались на частных совещаниях МК и в районах. На этих совещаниях троцкистско-зиновьевские агенты всячески пытались извратить ленинские директивы, например Пятницкий заявлял, что Москва не может начать восстание и что Ленин якобы «снял вопрос о возможности начать вооруженное восстание в Москве».

Письмо В. И. Ленина «Большевики должны взять власть» детально изучалось работниками Замоскворецья, Городского, Сокольнического, Рогожского и других районов Москвы. На основе директив В. И. Ленина московские большевики сумели вернуть большую работу в массах рабочих и солдат, готовя их к вооруженной борьбе за власть.

7 октября Московский комитет обсудил вопрос о борьбе за власть и принял соответствующую резолюцию. Но вопреки четким указаниям Ленина о том, чтобы Московский совет взял власть «сразу тотчас» и объявил себя (вместе с Питерским советом) правительством или чтобы тотчас было начато восстание, МК наметил следующие мероприятия: «1. Немедленно открыть массовые кампании — жилищную, продовольственную и общехозяйственную; массы должны требовать от советов конкретных революционных мер для разрешения насущных вопросов. Советы должны проводить эти меры явочным путем, путем декретов, захватывая таким способом и власть. 2. Один из крупных конфликтов на этой почве поставить и заставить разрешить вопрос о захвате центральной власти».

Такой путь взятия власти, который связан был с ожиданием конфликта по жилищному или продовольственному вопросу, означавший недопустимую задержку, никак не соответствовал ленинским указаниям.

Состоявшаяся 10 октября московская общегородская конференция выразила эту позицию МК. Она обсудила вопрос о восстании, наметила конкретный план борьбы за власть советов. В основу своей резолюции конференция единогласно положила письмо Ленина к петроградской конференции большевиков от 8 октября и поручила МК принять меры «к приведению революционных сил в боевую готовность».

14 октября на заседании Московского областного бюро партии было принято решение о проведении в жизнь резолюции ЦК о подготовке вооруженного восстания.

18 октября Московский губернский совет по предложению большевиков призвал уездные советы стать на путь захвата власти. На другой день объединенный пленум Московских советов рабочих и солдатских депутатов принял большевистскую резо-

люцию, требующую перехода власти к советам и проведения ряда мер экономического характера. Это постановление легло в основу декрета № 1, принятого пленумом совета 24 октября.

Контрреволюция также мобилизовала свои силы. При поддержке меньшевиков и эсеров буржуазия предпринимала попытки разоружить революционные части округа, отправить наиболее революционные части на фронт; для подавления революционного движения крестьян в деревню направлялись карательные отряды.

19 октября Калужский совет был разгромлен, все члены совета были арестованы. По поводу калужских событий «Социал-демократ» писал: «Гражданская война началась... С врагами не разговаривают, их бьют... Время разговоров прошло, пора начинать действовать».

22 октября на заседании МК было принято решение о реорганизации партийного аппарата с целью приспособления его к задачам руководства восстанием. На том же заседании снова обсуждался вопрос о создании боевого органа восстания. Группа лиц, входивших в состав МК и в областное бюро, выступавших против вооруженного восстания, всячески тормозила своевременное образование боевых центров восстания. Этим объясняется тот факт, что вопрос о создании боевого центра трижды обсуждался на областном бюро и на совместных заседаниях МК, областного бюро и окружного комитета. Однако он положительно не был решен до 25 октября, т. е. до того момента, когда стало уже известно о совершившейся победоносной революции в Петрограде.

Состоявшаяся областная конференция военных организаций отметила готовность гарнизонов области к выступлению. Созванное в МК РКП(б) 23 октября совещание представителей районов и воинских частей решительно указало на то, что медлить нельзя и что пора поднять рабочих и солдат на борьбу за власть. На совещании выяснилось, что воинские части готовы по призыву Московского комитета большевиков выступить с оружием в руках.

Замоскворецкий и Городской комитеты, готовясь к восстанию, взяли на учет все здания и учреждения, подлежащие захвату в момент восстания. Ячейки и комсомольские предприятия вели усиленную работу по обучению и вооружению красногвардейцев.

III

25 октября, в 11 час. 45 мин., в Москве было получено первое сообщение о победе вооруженного восстания в Петрограде и об установлении там советской власти. Московский комитет большевиков немедленно создал боевой центр для руководства вооруженной борьбой московского пролетариата. В тот же день вечером состоялся объединенный пленум Совета рабочих и солдатских депутатов, который подавляющим большинством голосов избрал Военно-революционный комитет.

Еще до избрания Военно-революционного комитета боевой центр партии призвал московских рабочих и солдат к борьбе за власть советов. Для организации боевых сил революции в районы были посланы руководящие работники московской организации большевиков: Ем. Ярославский, Усиевич, М. Владимирский, Подбельский, Р. Землячка, Б. Волин, О. Варенцова. По распоряжению боевого центра партии, в районах были избраны военно-революционные комитеты и укреплялись штабы Красной гвардии.

Боевой центр партии предложил районам немедленно привести в боевую готовность отряды Красной гвардии. Было отдано распоряжение занять почту, телеграф и междугороднюю телефонную станцию. К зданию Моссовета вызваны были отряды рабочей Красной гвардии и самокатчики. В помощь кремлевскому гарнизону, состоявшему из солдат 56-го пехотного полка, была направлена рота солдат 193-го пехотного полка.

Московская организация большевиков как в период подготовки вооруженного восстания, так и в ходе вооруженной борьбы вела одновременно борьбу с меньшевиками и эсерами, открыто перешедшими в стан оголодевшей контрреволюции, а также с их прихвостнями, позднее разоблаченными как враги народа: Рыковым, Бухариным, Пятницким, Мураловым, Томским и др., — всеми средствами пытавшимися сорвать победу социалистической революции.

Красная гвардия, московский пролетариат и подавляющее большинство московского гарнизона: 55, 56, 85, 192, 193-й запасные пехотные полки, 1-я запасная артиллерийская бригада и т. д. — были на стороне большевиков, но отряды Красной гвардии и революционные части московского гарнизона были правительством Керенского под разными предлогами в большинстве разоружены. Вопрос вооружения рабочих и солдат в первые дни восстания занимал центральное место в работе боевого центра партии, Московского и районных военно-революционных комитетов. Недостаточная вооруженность рабочих Москвы в первые дни восстания была в известной степени использована буржуазией. Штаб контрреволюции в лице комитета общественной безопасности сумел привести в боевую готовность отряды юнкеров, офицерские части, а также организовать отряды белой гвардии. Однако хотя буржуазия и располагала отрядами и базами с оружием, которое было пушено в ход против рабочих и солдат в октябрьские дни, но для нанесения решающего удара революции этих сил было недостаточно. Поэтому контрреволюционный комитет общественной безопасности во главе с эсером Рудневым и командующим войсками московского военного округа полковником Рябцевым стал усиленно добиваться от Ставки главнокомандующего на фронте присылки надежных войск. Но эта затея благодаря революционной бдительности рабочих и крестьян восставшей России осуществлена не была.

Чувствуя свое бессилие перед восставшим народом, ожидая прибытия подкрепления с фронта, Рябцев не решался начать боевых действий. Под натиском московских рабочих он даже дал согласие на выдачу им из кремлевского арсенала определенного количества винтовок. Ссылаясь на вынужденное «миролюбие» этого палача революции, Рыков, Муралов и другие предатели революции вели неоднократно переговоры с Рябцевым, пытаясь таким образом договориться с контрреволюцией. Результатом этих переговоров было согласие ревкома на вывод роты солдат революционного 193-го полка из Кремля. Добившись этого согласия, Рябцев немедленно приказал юнкерам оцепить Кремль, в котором еще остались солдаты 56-го полка, и не допускать отсюда вывоза оружия для Красной гвардии.

Однако закулисная «торговля» правых со штабом контрреволюции была сорвана: им не удалось усыпить бдительность рабочих, возглавляемых большевиками Москвы. Переговоры отдельных членов Военно-революционного комитета с Рябцевым, их последующие попытки договориться со штабом белогвардейцев были встречены большевиками и рабочими массами с возмущением. Организаторы этих переговоров заслуженно рассматривались рабочими как прямые изменники Великой Октябрьской социалистической революции.

Героический рабочий класс Москвы вопреки капитулянтской проповеди правых рвался в бой, увлекая за собой солдатские массы... Районные комитеты партии и советы рабочих депутатов с получением первых известий о вооруженном восстании были превращены в центры мобилизации вооруженных сил революции. Сюда стекались тысячи рабочих и солдат, с тем чтобы стать в ряды вооруженных борцов за власть советов. Всюду создавались боевые отряды рабочей Красной гвардии, лихо раточко добывалось оружие, создавались санитарные отряды из работниц, готовилось продовольствие и добывались медикаменты.

27 октября Рябцев объявил Москву на военном положении и одновременно предъявил Военно-революционному комитету ультиматум: «1) Немедленная ликвидация всех действий военно-революционного комитета и его упразднение. 2) Немедленный отзыв из Кремля батальона 56 полка. 3) Немедленный возврат вывезенного из арсенала оружия». В случае невыполнения этого требования Рябцев угрожал начать артиллерийский обстрел здания Моссовета, где помещался ревком. В ответ на требование Рябцева Военно-революционный комитет по предложению боевого центра партии отдал распоряжение революционным войскам перейти в наступление.

В 10 час. вечера 27 октября белогвардейцы обстреляли на Красной площади отряд революционных солдат (двинцев), шедших по вызову Военно-революционного комитета из Замоскворечья к зданию Моссовета. На выстрелы белогвардейцев революционные солдаты ответили огнем, в результате борьбы с обеих сторон оказались раненые и убитые.

Эта первая схватка положила начало вооруженной борьбе на улицах Москвы.

Штаб московской контрреволюции с первого дня юнкерского мятежа широко использовал всякого рода провокационные измышления. Он неоднократно сообщал о «подавлении» вооруженного восстания в Петрограде, о прибытии войск с фронта, о «ликвидации» выступления рабочих Москвы и т. п.

Эсер Руднев, будучи председателем комитета общественной безопасности, через захваченный юнкерами московский почтово-телеграфный узел забрасывал провинциальные города множеством вымышленных провокационных сообщений о ликвидации советской власти в Москве, о якобы вновь сформировавшемся временном правительстве, переехавшем в Москву, требовал от местных городских дум и земских самоуправлений неподчинения советской власти и организации борьбы с ней. Особенно широко была распространена белогвардейцами легенда об их «успехах» после жупильнического захвата Кремля. В распространении ложной информации особо важную роль играл «нейтральный» Викжель и почтово-телеграфный союз.

28 октября комендант Кремля Берзин сдал Кремль. Преступная сдача Кремля белогвардейцам была осуществлена не без участия право-троцкистских агентов, пробравшихся в состав Московского военно-революционного комитета: Муралова, Розентальца и др., — умышленно не выполнивших требований революционных солдат 56-го полка, несших караул в Кремле, о присылке им смены и подкреплений. Подкрепления не были присланы, хотя Военно-революционный комитет и дал солдатам обещание о немедленной их присылке. Это сыграло решающую роль в сдаче Кремля. Сторонники мирного улаживания «конфликта», как они называли октябрьские бои в Москве, всячески пытались сдерживать натиск районов против белогвардейских центров. Этим обстоятельством и объясняется тот факт, что Кремль, стратегическое значение которого было исключительно велико, оказался сданным без боя белогвардейцам, и революционный гарнизон Кремля, не получивший своевременной поддержки, был зверски расстрелян юнкерами.

Игнорирование предателями, пробравшимися в московские боевые центры восстания, указаний Ленина и Сталина о необходимости активных наступательных действий во время вооруженного восстания, умышленный срыв боевых выступлений районов привели к тому, что силы контрреволюции в Москве не были разгромлены сразу же в начале выступления, хотя к этому имелись возможности. Собранные 25 октября в городской думе для избрания комитета общественной безопасности, т. е. штаба контрреволюции, главари контрреволюции не были арестованы. Все это затягивало борьбу за победу советской власти в Москве.

IV

Нерешительность действий со стороны Военно-революционного комитета и некоторых членов боевого центра в момент восстания вызвала бурю негодования в рабочих массах Москвы. Отряды Красной гвардии и революционных частей гарнизона начали активные действия против основных центров расположения белогвардейских сил.

Начало активных действий со стороны революционных сил подняло на борьбу новые тысячи рабочих. 28 октября по призыву большевиков забастовали все рабочие предприятий Москвы. Вслед за рабочими Москвы поднялись на борьбу за власть советов рабочие и крестьянская беднота уездов Московской губернии. В течение двух дней — 26 и 27 октября — рабочие Орехово-Зуева, Подольска, Коломны, Серпухова, Клина под руководством большевистских организаций установили у себя власть советов и приступили к мобилизации своих сил для оказания помощи пролетариям Москвы. Во главе восставшего пролетариата стали до конца преданные партии Ленина—Сталина руководящие работники московской организации большевиков, среди которых решающую роль играли гг. Ярославский, Усевич, Лихачев (Влас), Владимирский, Землячка, Подбельский, Степанов-Скворцов, Ведершиков (Сибиряк) и др. Кроме того в ходе борьбы в районах выдвинулся из рабочих ряд опытных руководителей: в Сокольниках — Емельян Маленков, в Благуше-Лефортовском районе — П. П. Щербаков (оба погибли в годы гражданской войны), в Замоскворечье — Петр Добрынин. Эти и другие большевики-ленинцы из МК и районов своим героизмом и непоколебимой верой в победу социалистической революции увлекли за собой массы рабочих и солдат в бой с белогвардейцами за власть советов.

28 октября на путях Казанской железной дороги, в вагонах, было обнаружено 40 тыс. винтовок и почти одновременно были заняты мызо-раевские и симоновские склады оружия и боеприпасов. Таким образом проблема массового вооружения рабочих и солдат была разрешена. Рабочие, вооруженные винтовками, немедленно влились в ряды красновардейцев и занимали боевые позиции.

29 октября инициатива наступательных действий перешла в руки Военно-революционного комитета. Белогвардейцы, чувствуя свое бессилие, но все еще ожидая подкрепления с фронта, старались выиграть время и предлагали прекратить бой для выработки «условий мира»; в качестве посредника для ведения этих «мирных переговоров» выступил «нейтральный» Вигель. Московский военно-революционный комитет после длительного обсуждения дал согласие на перемирие. В ночь на 30-е перемирие было объявлено сроком на 24 часа. Однако это перемирие фактически не состоялось.

Рабочие и солдаты в районах выступили с решительным протестом против этого «перемирия». Против переговоров о перемирии, а затем и мирного договора с комитетом общественной безопасности выступил ряд районных военно-революционных комитетов, например Благоше-Лефортовский, Басманный, Замоскворецкий⁵. Благодаря этому бой продолжался почти на всех участках. По истечении установленного срока перемирия штаб белых в надежде получить подкрепления с фронта усиленно добивался продления перемирия еще на одни сутки, но эта новая вылазка врагов была решительно отвергнута Московским комитетом, а революционным войскам было предложено начать наступление против белогвардейцев. Это решение МК встретило горячую поддержку со стороны рабочих и солдат.

Нажим красных войск нарастал с каждым часом, артиллерийский обстрел центров, в которых засели контрреволюционные войска, — Кремля, 5-й школы прапорщиков, Александровского училища и штаба округа — внес полное разложение в ряды белогвардейцев. С Воробьевых гор была пущена в ход тяжелая артиллерия. Разгромленные белогвардейцы 2 ноября вынуждены были капитулировать.

V

Пролетариат Москвы, возглавляемый большевиками, одержал полную победу. Эта победа была достигнута благодаря тому, что с самого начала октябрьских боев в Москве великие гении социалистической революции Ленин и Сталин внимательно следили за борьбой в Москве и лично оказывали всестороннюю помощь московским большевикам.

На помощь московским рабочим Петроградский военно-революционный комитет, возглавляемый товарищем Сталиным, 28 октября направил группу военных специалистов. Кроме того для подкрепления сил московского пролетариата из Петрограда прибыл отряд Красной гвардии и революционных матросов во главе с членом военной организации при ЦК РКП(б).

31 октября отряд петроградских красновардейцев, прибывший в Москву, немедленно занял боевые позиции в районе Сухаревской площади. Рано утром 1 ноября около 2 тыс. революционных матросов, прибывших из Петрограда, героически сражались на улицах Москвы. Боевые отряды, посланные Лениным и Сталиным, вместе с пролетарскими отрядами московских рабочих громили белогвардейцев. Прибывшие революционные подкрепления из Питера, Иваново-Вознесенска, Тулы, Владимира, Шупи, Орехово-Зуева, Серпухова, Подольска и других мест слились в общем революционном порыве с героически боровшимися московскими рабочими и солдатами. Перед натиском вооруженных рабочих и крестьян, возглавляемых большевиками, белогвардейцы устоять не могли, а вместе с ними капитулировал и их кадетско-асеровский штаб, именуемый комитетом общественной безопасности. Исключительно большую роль в разгроме белогвардейцев сыграл сводный отряд, состоявший из рабочих Москвы, Иваново-Вознесенска и моряков Петрограда. Этот отряд под руководством М. В. Фрунзе очистил от белогвардейцев Кремль и водрузил над его старинными зданиями красное знамя — символ всемирно-исторической победы Великой социалистической революции.

Московский пролетариат в дни Великой Октябрьской социалистической революции показал высокую сознательность, героизм и боеспособность вокруг партии Ленина—Сталина.

Героизм московских рабочих неоднократно отмечал В. И. Ленин. Выступая на Красной площади 7 ноября 1918 г. у братской могилы героев, погибших в октябрьские дни в Москве, Ленин сказал: «Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, восставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть»»¹.

Под непобедимым знаменем Ленина—Сталина московский пролетариат как в Октябре, так и в последующий период шел на борьбу с врагами социалистической революции в первых рядах российского и международного пролетариата.

В дни отечественной войны против озверелых банд германского фашизма, вероломно напавших на нашу родину, трудящиеся Москвы на фронте и в тылу, так же героически, как они боролись в Октябре и в годы гражданской войны, не щадя своих сил и жизни, борются с немецкими захватчиками. Об этом красноречиво говорит героическая оборона Москвы, когда в октябрьско-январские дни 1941 г. нашей красной столице угрожала непосредственная и серьезная опасность.

Доблестная Красная Армия, поддержанная трудящимися всей страны и в первую очередь трудящимися Москвы, отбила наступавшие фашистские орды и погнала их на запад. В эти незабываемые дни 1941 г. героические защитники столицы вновь и вновь действовали так, как им завещано всем прошлым этого города-героя и особенно октябрьскими днями 1917 г., днями борьбы за победу Великой социалистической революции.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

¹ Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 193.

² Там же, стр. 194.

³ Там же, стр. 294.

⁴ Там же, стр. 293.

⁵ Документ опубликован в сборнике «Октябрь в Москве», а также см. протоколы Московского военно-революционного комитета в журнале «Красный архив».

⁶ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 275.

МИНСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА

М. Бегданов

I

Минский совет рабочих и солдатских депутатов сыграл в истории Великой Октябрьской социалистической революции весьма значительную роль. Роль эта определялась прежде всего тем, что Минск в 1917 г. был центром западного фронта русской армии и самым крупным политическим центром на территории Белоруссии того времени. Западный же фронт, с его двумя миллионами солдат, со значительным процентом рабочих среди солдатской массы, территориально близкий к основным революционным центрам страны (Петроград, Москва), бесспорно, являлся одним из важнейших участков борьбы за диктатуру пролетариата.

Минский совет был создан под руководством партийной организации большевиков после первых же известий о победе февральской революции и образовании советов рабочих депутатов в Петрограде и Москве. Наличие в его составе крепкого большевистского ядра во главе с испытанными в революционных боях 1905 г. большевиками-ленинцами М. В. Фрунзе и А. Ф. Мясниковым объясняет, почему минский совет был одним из тех советов в России, которые первыми стали руководящими центрами борьбы за власть советов.

Вначале в совете преобладали мелкобуржуазные партии. Но, развернув огромную агитационную и организационную работу среди рабочих и солдатских масс, минские большевики добились уже во время майских перевыборов в совет значительного увеличения числа депутатов-большевиков и большинства в президиуме исполнительного комитета совета.

Минский совет вел усиленную борьбу с попытками штаба западного фронта, находившегося в Минске, и вообще реакционного офицерства использовать действующую армию против революционных рабочих и крестьян, против нарастающей социалистической революции.

Под влиянием большевистской фракции минский совет вынес резолюцию протеста против затеянного Временным правительством наступления в июне. Резолюция эта нашла широкий отклик в солдатских массах на фронте, содействовала укреплению связи минского совета с массами и их большевизации. Совет также решительно выступил и против формирования штабом западного фронта «ударных батальонов», предназначавшихся, как это впоследствии показал корниловский мятеж, для контрреволюционных целей.

18 июня минский совет возглавил грандиозную демонстрацию, на которой большевистские лозунги несмотря на противодействие и агитацию соглашателей пользовались явным сочувствием широких масс.

Все эти выступления минского совета содействовали постепенному превращению его в руководящий центр революционной борьбы, объединявший вокруг себя широкие слои рабочих, солдат и крестьянскую бедноту не только Минска, но и других городов Белоруссии и всего западного фронта.

Контрреволюционные элементы в лице жандармов, командования фронтом, губернского комиссара Временного правительства повели бешеную кампанию против минского совета рабочих и солдатских депутатов.

«В Минске советы состоят преимущественно из социал-демократов-большевиков. Контакт с ними очень затруднителен, постановления неприемлемы», — телеграфировали минские губернские власти министру внутренних дел князю Львову. Они же вместе с меньшевиками и эсерами предлагали ходатайствовать перед ЦИК советов о перевыборах минского совета. После июльских дней минский совет, несмотря на то что контрреволюция в Минске подняла голову, что наглая клеветническая прогромная агитация против совета усилилась, несмотря на попытки реакционной части офицерства и черносотенцев разгромить минский совет, резко выступил против контрреволюционных действий Временного правительства и выразил протест против преследования большевистской партии.

Созванное правительством Керенского Московское государственное совещание также было резко осуждено минским советом как орган, имеющий целью мобилизацию сил контрреволюции.

К моменту корниловского контрреволюционного мятежа минский совет пользовался в массах уже большим авторитетом. Среди солдат западного фронта этот авторитет особенно укрепился благодаря решительным выступлениям минского совета против попыток главного командующего западным фронтом ген. Балубева свести на нет роль солдатских выборных организаций.

В дни корниловского мятежа минский совет был в центре организации сил, боровшихся на западном фронте против мятежников. Временный революционный комитет западного фронта — новый революционный орган — взял в свои руки руководство всеми вооруженными силами западного фронта и этим обезоружил контрреволюционные штабные гнезда. В городе минским советом был создан «штаб революционных войск по борьбе с корниловщиной в минском районе», во главе которого стал М. В. Фрунзе.

Благодаря принятым минским советом мерам западный фронт был оторван от Могилева, а в Оршу, через которую лежал кратчайший путь из Могилева на Петроград и Москву, был послан из Минска вооруженный отряд, усиленный подкреплениями из Витебска и Смоленска.

В сентябре были проведены перевыборы минского совета, прошедшие под знаком превращения совета в штаб вооруженного восстания. Выборы демонстрировали сдвиги, происшедшие в массах. Большевики вместе с группой беспартийных, поддерживавших их, составили около 70% нового совета.

Минский совет стал большевистским. Авторитет переизбранного совета был настолько велик, что когда комендант города поставил караул у дверей типографии, где печаталась закрытая властями большевистская газета «Молот», то достаточно было требования совета, чтобы делегатами 289-го пехотного полка был снят этот караул, а солдаты 37-го пехотного полка по предложению совета выставили свой караул для охраны имущества типографии.

22 октября минский совет вынес решение, в котором открыто говорилось о восстании.

25 октября в полдень в Минске получена была радиограмма Петроградского военно-революционного комитета о свержении правительства Керенского и захвате власти пролетариатом. В тот же день минский совет рабочих и солдатских депутатов взял власть в свои руки. Из тюрем были немедленно освобождены политические заключенные, в том числе значительное количество революционных солдат. Из последних была сформирована особая воинская единица — 1-й имени минского совета революционный полк. Полк вооружился винтовками и пулеметами, захваченными из оружейного склада и артиллерийской мастерской, и в полной боевой готовности выстроился на Петроградской, 6, где помещались Минский комитет РСДРП(б) и минский совет. Солдаты тотчас же взяли под охрану минский совет и по приказу совета стали нести караул в правительственных учреждениях. На телефон, телеграф, железную дорогу были назначены в качестве комиссаров большевики областного комитета РСДРП(б) и минского совета, которые повели решительную борьбу с попытками саботажа со стороны служащих этих учреждений. Вечеру 25 октября почти во всех правительственных учреждениях были уже комиссары-большевики.

В своем приказе № 1 исполнительный комитет минского совета сообщал: «Власть в Петрограде перешла в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских

депутатов. Весь петроградский гарнизон, Балтийский флот и другие воинские части признали новую власть. Поступают отовсюду донесения, что армия и воинские части на всех фронтах признают новую власть, сохраняя полное спокойствие.

В Минске власть перешла в руки совета рабочих и солдатских депутатов, который обратился ко всем революционным организациям и политическим партиям с предложением немедленно приступить к организации временной революционной власти на местах. Объявляя о происшедшем, минский совет рабочих и солдатских депутатов доводит до сведения всех граждан, что им приняты самые решительные меры к охране революционного порядка и установлению железной дисциплины повсюду»¹.

Для руководства борьбой за создание органов советской власти в других местах Белоруссии и на западном фронте при минском совете 26 октября был создан во главе с А. Ф. Мисениковым военно-революционный комитет Западной области и фронта. В его состав вошли исключительно большевики. Бюро областного комитета советов рабочих и солдатских депутатов одобрило создание военно-революционного комитета и выделило в его состав двух представителей, обязав все советы прислать со своей стороны по одному представителю. Исполнительный комитет советов рабочих и солдатских депутатов Западной области обратился к населению с призывом «поддержать все шаги Всероссийского съезда советов и революционного комитета, направленные на создание власти, опирающейся на советы»².

Деятельность военно-революционного комитета, который сосредоточил в своих руках всю полноту власти по области, определялась следующими задачами: поддержкой новой революционной власти, власти советов в центре, укреплении ее в Минске и по всей Белоруссии, оказанием всемерной поддержки восставшему пролетариату в столицах и недопущением отправки войск на помощь свергнутой власти помещиков и капиталистов.

Большим препятствием к закреплению власти в Минске и распространению ее на фронте был штаб фронта. Для контроля над деятельностью штаба минский совет выслал своих комиссаров. Главнокомандующий фронтом ген. Балубев и комиссар Жданов формально не возражали против контроля, хотя и не заявили о признании ими власти советов в центре и в Минске. Находившаяся при штабе 2-я Кавказская казачья дивизия через своих представителей заявила даже о поддержке совета. На деле же штаб игнорировал минский совет и с первого же дня Октябрьской революции стал принимать меры к укреплению своего положения для борьбы с революцией. Эта активность возросла с момента получения штабом сведений о том, что Керенский собирает под Петроградом вооруженные силы для борьбы против советской власти и что создан контрреволюционный центральный комитет спасения родины и революции. От Керенского и центрального комитета спасения в штаб была прислана телеграмма с просьбой о присылке на помощь воинских частей. В этой телеграмме, отправленной всем фронтам, говорилось: «Временный совет российской республики, Всероссийский комитет спасения страны и революции, Центральный исполнительный комитет советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов призывают действующую армию немедленно прислать войско, хотя бы по одному пехотному полку от ближайших армий и возможно срочно, самыми действующими средствами, не останавливаясь ни перед чем. Курьерскими поездами доставьте в Лугу и Гатчину. Вся тяжесть и ответственность за промедление падет на тех, кто затягивает. № 174. Керенский, Авксентьев, Гоц, Войтинский, Семенов»³.

Ген. Корнилов, находившийся в Быхове, по получении вестей о победоносной пролетарской революции, со своей стороны послал в Ставку письмо, в котором предлагал для укрепления положения Ставки провести следующие мероприятия: 1) немедленный перевод в Могилев одного из чешских полков и польского уланского полка; 2) занятие Орши, Смоленска, Жлобина и Гомеля частями польского корпуса, усилив дивизии последнего артиллерией за счет казачьих батарей фронта; 3) сосредоточение по линии Орша—Могилев—Жлобин всех частей чехословацкого корпуса, корниловского полка под предлогом перевозки их в Петроград и Москву и одной из двух казачьих дивизий из числа наиболее крепких; 4) сосредоточение в том же районе всех австрийских и бельгийских броневых машин с заменой артиллерии их

исключительно офицерам; 5) сосредоточение в Могилеве и в одном из ближайших к нему пунктов под надежной охраной запаса винтовок, патронов, пулеметов, автоматических ружей и ручных гранат для выдачи офицерам-волонтерам, которые обязательно будут собираться в указанном районе; 6) установление прочной связи и точного соглашения с атаманами донского, терского и кубанского войск и с комитетами польских и чехословацких войск.

Так шла мобилизация контрреволюционных сил на фронте.

Переход власти в Минске к совету рабочих и солдатских депутатов привел в неистовство и мелкобуржуазные партии — меньшевиков, эсеров, белорусских националистов и бундовцев. На заседании исполнительного комитета минского совета 26 октября фракция меньшевиков, поддержанная всем социал-соглашательским блоком в совете, огласила декларацию протеста против захвата власти советом. Меньшевики требовали создания власти, возглавляемой городской думой. Меньшевики на своем фракционном собрании постановили выйти из состава исполнительного комитета и совета, если последний не изменит своей линии. Аналогичное решение приняли на своем собрании и бундовцы.

Белорусские националисты еще накануне завоевания власти пролетариатом призывали к созданию вооруженной силы для «защиты» Белоруссии от пролетарской революции в центре и борьбы против установления власти советов в Минске и Белоруссии.

Минский комитет спасения, формально возглавлявшийся правыми эсерами, а фактически генералом Балуевым и комиссаром Ждановым, оформлял блок, объединявший в борьбе с пролетарской революцией генералитет, штабное офицерство и минские организации мелкобуржуазных партий.

II

27 октября фронтовой комитет стянул в Минск с ближайших мест отдельные привилегированные, верные контрреволюционному штабу реакционные части войск — георгиевский батальон ударников, часть «дикий дивизии» и стоявшую под городом 2-ю Кавказскую кавалерийскую дивизию, комитет которой принял решение о всемерной помощи штабу в подавлении революции.

Когда главные улицы Минска были заняты кавалеристами, а на быв. Соборной площади появились артиллерия и пулеметы, комитет спасения в ультимативной форме предложил минскому совету передать ему власть, угрожая в противном случае вооруженной расправой.

Соотношение вооруженных сил в это время в Минске было явно невыгодным для совета. 20 тыс. контрреволюционных войск минский совет мог противопоставить два неполных полка гарнизона, 1-й имени минского совета революционный полк, отряд железнодорожников-красногвардейцев, зенитные орудия вокруг города и отдельную часть тяжелой артиллерии.

Но это соотношение сил в Минске никак не отражало действительного их соотношения на фронте и в Белоруссии в целом. Фронт шел за большевиками. На экстренном заседании военно-революционного комитета было признано, что начать вооруженную борьбу с контрреволюционными войсками при настоящем соотношении сил нецелесообразно, что нужно начать переговоры с комитетом спасения для того, чтобы выиграть время и вызвать с фронта войска и бронепоезд. Вести переговоры с комитетом спасения поручило председателю минского совета рабочих и солдатских депутатов тов. Ландеру. Тем временем на фронт для вызова в Минск революционных войск была направлена группа большевиков Минска.

Минская организация большевиков считала своей главной задачей на том этапе — не допустить отправки контрреволюционных войск в Петроград и Москву, где решались судьбы революции. Во имя этой задачи военно-революционный комитет добился соглашения с комитетом спасения на следующих условиях: 1) комитет спасения не признает власти Петроградского военно-революционного комитета и не исполняет его распоряжений; 2) комитет спасения признает, что вопрос решается не в Минске и на западном фронте, а в Петрограде и Москве; 3) комитет спасения не посылает на Петроград и Москву воинские части и не пропускает их через

Минск; 4) комитет спасения призывает освобождение политических заключенных из тюрьм, произведенное минским советом, но считает необходимым их разоружить; 5) минский совет посылает в комитет спасения двух представителей, которые остаются в нем до тех пор, пока комитет строго выполняет взятые на себя обязательства о непосылке войск на подавление восстания; 6) до окончательной организации власти в центре и на местах комитету спасения принадлежит временно вся власть в районе западного фронта.

В результате достигнутого соглашения между минским советом и комитетом спасения большевикам удалось оттянуть вооруженное столкновение в Минске. Пунктом соглашения, по которому комитет спасения обязался не посылать воинских частей в Петроград и Москву, минские большевики оказали существенную помощь делу укрепления советской власти в центре. Соглашение ни в какой мере не ограничивало деятельности минского совета. Правда, комитет спасения требовал от совета разоружения революционного полка, сформированного из политических заключенных, но последнее советом не было выполнено.

28 октября на заседании исполнительного комитета это соглашение было подтверждено. После заключения договора с улиц была убрана артиллерия, кавалерийские и казачьи части были уведены.

Используя соглашение, минский совет продолжал готовить силы для окончательного утверждения своей власти и ликвидации очагов контрреволюции в Минске и на фронте.

Депутаты минского совета разъехались по фронту, чтобы непосредственно среди солдатской массы, на иезиционных, кордусных и армейских съездах разрешить вопрос о власти. В различных воинских частях принимались резолюции, призывавшие массы к вооруженному восстанию, к переизбранию соглашательских комитетов. Солдаты требовали, чтобы комитет спасения подчинялся военно-революционному комитету.

Совет учитывал, что комитет спасения попытается нарушить пункт, обязывающий его не посылать войска на Петроград и Москву. Открытая контрреволюционная позиция Жданова, который в комитете спасения настаивал на немедленном разгроме минской большевистской организации и минского совета, давала основания для такого рода опасений. Поэтому, организуя силы на фронте для отправки их в Минск, большевики принимали меры к охране железнодорожных узлов.

Еще за две недели до Октябрьской революции они перебросили часть своих партийных сил в Оршу, через которую лежал кратчайший путь с югозападного и западного фронтов в центр. Накануне революции оршанский совет перешел к большевикам. 24 октября большевики выставили негласный контроль на вокзале⁴. Железнодорожный узел охранялся революционными войсками.

Ставка и штаб фронта также учитывали значение железнодорожных узлов и, в свою очередь, принимали меры к их укреплению. Еще до соглашения, состоявшегося между минским советом и комитетом спасения, начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Духонин 26 октября по прямому проводу говорил комиссару фронта Жданову: «Сохранение железнодорожных узлов по условиям настоящего момента является крайне необходимым. Прошу обратить ваше особое внимание на Витебск, Вязьму, Смоленск и Жлобин, где существующая охрана считается недостаточной»⁵.

Переговоры между штабом западного фронта с одной стороны и московским комитетом общественной безопасности — с другой раскрывают контрреволюционную деятельность минского комитета спасения.

Московский комитет общественной безопасности, руководимый правым эсером Рудневым, просил Жданова прислать в Москву войска для борьбы против революции. Ген. Балухов направил в Москву кавалерийскую часть и спрашивал, нуждается ли Москва в дальнейшей помощи фронта, в частности в артиллерии. Руднев ответил, что артиллерия ему необходима, информировал Балухова о ходе контрреволюционного мятежа в Москве и постоянно просил присылать «только надежное подкрепление»⁶. Он рекомендовал направлять эшелоны «во избежание агитации» непосредственно в комитет общественной безопасности, где для встречи войск комитетом выделены специальные уполномоченные.

Для характеристики связи минского комитета спасения с контрреволюцией в центре весьма интересны переговоры Руднева с комиссаром Минского военного округа Галиным. «Г а л и н: Держимся твердой позиции, но мало войск. Послали в Калугу просьбу выслать броневик. Хотим просить Ставку из эшелонов,двигающихся на Москву, уступить нам две—три сотни кавалерии... Рославль в руках большевиков... Орша и Вязьма также в руках большевиков. В Орше задержал эшелон в 800 человек с 22 пулеметами. Присоединился к большевикам. Таким образом, со всех сторон Смоленску угрожает. Организуем дружины. Какие новости у вас?»⁷. «Р у д н е в: в Минске продолжает господствовать соглашение фронтового комитета с совдепом... Пожалуйста, не трогайте войск в эшелонах, назначенных в Москву. Там положение тяжелое. Я вызвал вас, чтобы спросить, не можете ли вы помочь Москве с ближайших гарнизонов. Теперь вижу, что это невозможно. Пусть окружной комитет обратится за помощью к минскому комитету спасения революции, который распоряжается войсками фронта»⁸.

Минский комитет спасения сам не считал свое положение прочным, и это не позволяло ему сколотить более или менее крупные силы для отправки в Петроград и Москву.

Ген. Духонин заявлял Керенскому о том, что «посылка войск с фронта на Гатчину и Москву не увенчалась успехом», так как комитет спасения допустил только пропуск войск, идущих с югозападного фронта, но не пропускает войск с западного фронта. Договор, существовавший между минским комитетом спасения и минским советом, в значительной мере суживал возможности посылки войск с западного фронта, хотя комитет спасения стремился всячески этот договор нарушить.

Организация эшелонов с западного фронта, как и с северного, встретила решительное противодействие со стороны самих воинских частей. Лишь отдельные небольшие части штабу и комитету спасения удалось отправить и пропустить через Минск, но и те были задержаны революционными частями в Орше.

О больших затруднениях в организации воинских частей для посылки в Лугу и Гатчину в распоряжение центрального комитета спасения свидетельствуют переговоры Ставки с Лугой. Ген. Духонин сообщал Керенскому о невозможности послать подкрепления с фронта в силу договора, существующего между минским советом и комитетом спасения.

Посылка войск затруднялась еще и тем, заявлял Духонин, что «в тылу фронта, почти во всех городах и железнодорожных узлах, большевистское движение взяло верх». Духонин отмечает активную роль местных гарнизонов и населения в укреплении новой революционной власти.

III

Появление в частях фронта приказов Петроградского военно-революционного комитета и декретов советской власти о земле и мире, распространяемых по Белоруссии и фронту большевиками областного комитета и минского совета, ускорило переход армии на сторону революции. Старые, соглашательские дивизионные и корпусные комитеты распускались, во всех армиях шла подготовка к армейским съездам.

Меры, принимаемые командующими армиями к недопущению на фронт призывов и революционных воззваний Петроградского военно-революционного комитета и бюллетеней минского совета, не имели никаких успехов. «Несмотря на все принимаемые меры,—заявлял командующий 10-й армией в штаб фронта,—приказы и воззвания большевиков проникают в войска в значительном количестве... и производят на солдатскую массу огромное впечатление. В 3-м корпусе, до сего времени наиболее спокойном, сейчас полный развал. Об отправлении ударного батальона 73-й дивизии в Москву командующий корпусом не решается даже объявить, не говоря уже о какой-либо возможности к действительной его отправке. В 38-м корпусе — резко выраженное большевистское настроение»⁹.

Во 2-й армии большевики интенсивно готовили к отправке в Минск подкрепления минскому совету. Сюда еще перед Октябрьской революцией был направлен представитель областного комитета большевиков для подготовки армии к выступлению в решающие дни. Чрезвычайное совещание ответственных партийных работников 2-й армии постановило немедленно переизбрать все комитеты, перевести в г. Несвиж

для захвата штаба армия революционный 32-й Сибирский полк. Штаб 3-й армии держал при себе Уральскую казачью дивизию, отдельные части которой являлись еще надежной опорой армейского командования и могли быть использованы этим командованием в борьбе с революцией.

Военно-революционный комитет 3-й армии потребовал, чтобы немедленно были остановлены все эшелоны, двигавшиеся на Петроград. Он сделал запрос командования фронта, фронтовому комитету и комитету спасения о том, где будут останавливаться эти эшелоны. Делегаты 2-й, 3-й и 10-й армий заберли Петроградский военно-революционный комитет в полной поддержке советской власти и одобрили полностью решения II съезда советов.

Оживленная деятельность большевиков наблюдалась на железнодорожных узлах. Кроме упоминавшегося эшелона в 800 солдат с 22 пулеметами в Орше были задержаны до 10 эшелонов войск, следовавших с югозападного фронта, и ударные эшелоны 156-й пехотной дивизии. В Орше присоединился к большевикам 623-й полк, задержаны ударные части, схватили арестовывать оршанский военно-революционный комитет и освобождать оршанский железнодорожный узел для пропуска войск на Петроград и Москву. Эти ударные части перешли на сторону большевиков. Комиссар минского комитета спасения Макаревич, схвативший с этими частями, был арестован. Эшелоны, прибывшие в Оршу, загонялись рабочими в тулупы, далеко от города, куда к ним приходили агитаторы-большевики. В результате большевистской агитации солдаты отказывались следовать дальше и требовали вернуть их назад.

Из разговора помощника комиссара фронта Маносенко со Славкой известно об отказе Приамурского полка выйти из Витебска на Петроград. То же самое происходило и в других местах.

Деятельность рабочих и солдат на узловых железнодорожных станциях имела особенно важное значение. Достаточно указать на следующее сообщение Руднева из Москвы в управление Минского военного округа, чтобы иметь представление о значении работы по задержке в пути эшелонов войск, мобилизованных контрреволюцией с югозападного фронта: «В Москву движутся 16 эшелонов преданных правительству войск»¹⁰ — или: «Торопите эшелоны, которые идут из Сарны. Они еще не дошли до Жлобина. Я думаю, что эти войска водворят порядок в Москве»¹¹.

Минский совет неустанно распространял воззвания и декреты II съезда советов, отказывая комитету спасения в опубликовании его приказов. Минский совет рассылал по фронту радиogramмы о посылке революционных войск на помощь восставшему пролетариату. Большевики минского совета не только не разоружили 1-й имени минского совета революционный полк и не возвратили взятые ими из артиллерийской мастерской винтовки и пулеметы, но вели большую работу по собиранию новых вооруженных сил для борьбы с фронтовыми комитетами штаба фронта.

Меньшевики, эсеры и буржуазы, видя, что минский совет проводит самостоятельную, идущую вразрез с требованиями комитета спасения политику, что большевики ни в своих бюллетенях, распространяемых на фронте и в области, ни в своем органе не заявляют о признании ими власти комитета спасения и не печатают приказов комитета, с удвоенной яростью накинулись на большевиков.

Отвечая эсерам и всем врагам советской власти, окопавшимся в комитете спасения, А. Ф. Мясников писал: «Рабочие и солдаты восстали против этих узурпаторов, изменников, палачей, они прогнали Керенского и Кишкина. Они создали власть советов, мы за нее, мы поддерживаем ее. Мы за восстание. Вместе с рабочими и солдатами и советы и минский совет. Вместе с ними и вся армия и все солдаты. Все низы. Понимаете? Мы получаем от них много резолюций с выраженным поддержкой нового революционного порядка». «Вы за господ Керенских, мучителей солдат. С вами штабы и подлые комиссары низложенного правительства: с вами все враги рабоче-крестьянского правительства... С вашего лица уже снята маска. Но вы надели новые маски: создали комитет спасения революции, где вы продаете революцию. Но скоро и эта новая маска будет снята с вашего безобразного лица. На фронте совершается революция. На фронте солдаты совершают члестку ваших агитивных конюшен. Создают новые, революционные комитеты. Всюду происходят армейские съезды. Через несколько дней вы не упадете фронта и тогда будут сочтены и ваши дни. Революционный фронт возьмет и вашу контрреволюционную позицию, которую вы создали

в Минске. Это вопрос ближайших дней, знайте это, господа в черных масках... Вся революционная армия за восстание, за власть советов»¹².

На помощь минскому совету двигались с фронта подкрепления. Целые корпуса и дивизии высказывались за поддержку минского совета, против контрреволюционных сил. С фронта был послан в Минск на помощь совету бронированный поезд, находившийся в распоряжении гренадерского корпуса. Офицеры этого поезда, отказавшиеся подчиниться приказу идти на помощь минскому совету, были солдатами арестованы.

IV

Комитет спасения предъявил минскому совету ультиматум, в котором потребовал опубликовать в органах организаций, подчиненных комитету спасения западного фронта, что на основании приказа № 1 комитета спасения распоряжения правительства Народных комиссаров и Революционного комитета в Петрограде во всем районе западного фронта не подлежат исполнению.

Наряду с этим ультиматумом комитет спасения начал принимать меры к задержке подкреплений, посылаемых с фронта минскому совету.

Комитет спасения решил взорвать железнодорожный путь в пункте, где должен был пройти бронепоезд. Намерение комитета поддержала администрация минского железнодорожного узла, занимавшая резко враждебную позицию по отношению к советской власти. Железнодорожная администрация на всех станциях создавала препятствия пешему в Минск бронированному поезду. Организация катастрофы была поручена председателю комитета спасения Болотухину и штабному поручику Завадскому, которые выехали на место. Но гнусная затея окончилась неудачей. Контрреволюционеры взорвали два главных пути и мосты на 712-й версте в то время, когда это место бронепоездом уже было пройдено.

В ночь на 2 ноября ген. Балувев доносил в Ставку, что бронепоезд, арестовав офицеров, подошел к Минску, что в городе создавалась угроза захвата власти большевиками, так как надежных войск у Ставки нет. Он был прав: с приходом подкреплений минскому совету были сочтены последние минуты комитета спасения. Минский совет мог теперь вооруженной силой заставить штаб и мелкобуржуазные контрреволюционные партии подчиниться своей власти. Большая часть солдат перешла на сторону революции. На стороне комитета оставались почти исключительно офицеры. Минский совет решил порвать все свои отношения с комитетом спасения и отозвать из комитета своих представителей. Совет принял следующее решение: «Стоя на страже интересов революции, интересов громадного большинства народа и всей трудящейся демократии, совет рабочих и солдатских депутатов считает дальнейшее участие свое в комитете спасения бесполезным, а для дела революции — вредным»¹³.

В связи с тем что фронтовой комитет стал центром, объединявшим все враждебные советской власти элементы, и организовал посылку эшелонов на подавление пролетарской революции, фракция большевиков фронтового комитета обратилась к фронту с предложением избрать новый революционный фронтовой комитет, для чего созвать фронтовой съезд. «Мы открыто заявляем, — говорилось в обращении, — что в эти ответственные дни русской революции фронтовой комитет предал минский совет и военно-революционный комитет, он предал советы, пролетарскую революцию. Он временно спас контрреволюционное гнездо фронта — штаб, спас агентов Керенского, его комиссаров»¹⁴.

Минский совет обратился с воззванием «К рабочим, солдатам и крестьянству и всему населению западного фронта», в котором подробно говорилось о контрреволюционной деятельности комитета спасения, предательстве меньшевиков, эсеров и бундовцев, действовавших совместно с ген. Балувевым и комиссаром Ждановым в организации посылки эшелонов в Москву и Петроград. Совет решительно отверг предъявленный ему накануне комитетом спасения ультиматум о признании власти последнего.

Под руководством областного комитета партии большевиков минский совет приступил к организации военно-революционного комитета Минска и западного фронта. Ядро военно-революционного комитета Минска и западного фронта образовали, пре-

званию минского совета рабочих и солдатских депутатов, бюро областного комитета советов Западной области, большевистская фракция фронтового комитета, представители от железнодорожных рабочих, служащих Минского района и военных частей минского гарнизона. Исполнительный комитет совета в своем обращении ко всем советам предлагал сконструировать полный состав военно-революционного комитета, «который стоял бы стойко и непоколебимо за народную власть, за интересы рабочих, трудящегося крестьянства и армии». Поэтому представителей в военно-революционный комитет нужно избирать таких, которые стоят за новую власть и поддерживают правительство народных комиссаров.

В тот же день, 2 ноября, вечером, состоялось торжественное заседание минского совета. Помещенке городского театра едва вместило представителей от фабрик, заводов, от местного гарнизона и всех массовых рабочих и солдатских организаций. Появление в президиуме председателя областного комитета большевиков тов. Мясникова рабочими и солдатами встретили громом аплодисментов. Под звуки «Интернационала» торжественно была провозглашена советская власть в Минске.

У

Комитет спасения распался, но остался штаб фронта, вдохновлявший все контр-революционные элементы. Необходимо было и штаб подчинить власти совета. Ген. Балусев 5 ноября сообщил частям фронта: «В Минске комитет спасения революции распался. Комиссар Жданов сложил полномочия. Верх взял совет рабочих и солдатских депутатов, образовав военно-революционный комитет, который взялся держать все в порядке... я заявил ему, что до установления новой власти и водворения порядка ни в какую политическую борьбу не вступаю и никаких шагов к выступлениям не буду делать»¹⁵. Заявляя об этом, ген. Балусев предложил командному составу в политическом отношении держаться принятой им тактики и принять меры, «чтобы удерживать войска на фронте и без вызова революционного комитета не допускать самочинных перевозок и передвижений их, пользуясь для этого влиянием образованных в армиях военно-революционных комитетов»¹⁶.

Заявление ген. Балусева являлось, конечно, маневром классового врага. Удастся ли такому заявлению, разумеется, нельзя было. Военно-революционный комитет арестовал комиссара Жданова и председателя комитета спасения Колотухина и принял ряд мер к очищению штаба от контрреволюционных элементов. Вскоре подтвердилось, что ген. Балусев и на этот раз не думал подчиниться власти минского совета и продолжал проводить свою контрреволюционную деятельность.

Из отчета военно-революционного комитета на заседании минского совета 13 ноября видно, что ген. Балусев издавал приказы об отправке казачьих частей в Оршу с намерением отрезать фронт от тыла. Следовательно, работа штаба против советской власти продолжалась. На поставленный военно-революционным комитетом вопрос: с какой целью отправлялись в Оршу войска? — ген. Балусев сослался на якобы имевшееся на то распоряжение Минского военного округа.

Одновременно Балусев распространял телеграммы провокационного характера. 12 ноября военно-революционный комитет сместил ген. Балусева, отказавшегося вести переговоры о перемирии и мире.

Военно-революционный комитет западного фронта приступил к организации советской власти для всей Белоруссии, созвав для этого областной съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Одновременно большевики военно-революционного комитета повели решительную борьбу против правооппортунистических, предательских выступлений Зиновьева и Каменева. Большевистская фракция военно-революционного комитета Минска и западного фронта заклеймила позором предательство Зиновьева, Каменева и других лиц, вышедших из ЦК партии большевиков и Совета народных комиссаров в связи с отказом Центрального Комитета партии включить в состав советского правительства представителей мелкобуржуазных партий.

Большая работа проводилась военно-революционным комитетом по созданию советского аппарата. Были приняты меры к повсеместной ликвидации старых органов буржуазии — помещичьего самоуправления — и организации городских, уездных и волостных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как единствен-

ных органов диктатуры пролетариата, объединяющих в своих руках руководство всей экономической и политической деятельностью советской власти на местах.

Минский совет приступил к ликвидации таких контрреволюционных учреждений, как городская дума, комитеты городского земского союза и т. д., ставших на путь неприкрытого саботажа. Саботаж городской думы принимал острые формы. Дума отказалась работать по благоустройству города, снабжать население продовольствием, освещать улицы и т. д.

В середине ноября по всей Белоруссии советы уже взяли власть. Пал в последний оплот контрреволюции — Ставка, — и здесь власть перешла в руки могилевского совета рабочих и солдатских депутатов.

19 ноября открылся областной съезд советов рабочих и солдатских депутатов для выборов органов власти Белоруссии и фронта. На нем были представлены советы: минский, гомельский, борисовский, бобруйский, оршанский, речичский, мозырский, рогачевский, случский, жлобинский, осиповичский, замирский, несвижский, ветковский, лунинский, борейский, локшницкий, ганцевичский, дорогобужский и сицязский.

Одновременно проходили и съезды крестьян Минской и Виленской губерний и II фронтовой съезд. Все три съезда целиком одобрили приняты II съездом советов рабочих и солдатских депутатов декреты о мире, земле, рабочем контроле.

Был избран Областной исполнительный комитет Западной области (Облискомзап), куда вошло 35 человек от областного съезда советов. Такое же количество представителей в Облискомзап выделили III губернский съезд крестьян Виленской и Минской губерний и II фронтовой съезд.

Руководство всей работой по организации советской власти в Белоруссии с этого момента переходит к Областному исполнительному комитету советов и Совету народных комиссаров Западной области, который и стал осуществлять всю политику советской власти на территории Белоруссии.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала возможность белорусскому народу построить свое советское государство, развить хозяйство, национальную культуру.

В наши дни белорусский народ вместе с другими народами Советского Союза ведет борьбу не на жизнь, а на смерть с немецко-фашистскими империалистами, которые стремятся завоевать нашу великую родину. Белорусский народ был одним из первых народов нашей страны, на который обрушились фашистские людоеды. На борьбу за свое существование вместе с другими народами нашей страны поднялись все сыны и дочери белорусского народа. И нет сомнения, что вместе со всем советским народом белорусский народ изгонит фашистских захватчиков и, залечив тяжелые рапы, нанесенные ему войной, вновь восстановит ту жизнь, которая им завоевана была четверть века назад.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

¹ «Буревестник» № 17.

² «Звезда» от 27 октября 1917 года.

³ «Голос 10-й армии» № 93.

⁴ Архив Истпарта при ЦК КП(б)Б, д. № 184, л. 149.

⁵ Там же.

⁶ Там же, лл. 46—47.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же, д. № 169, л. 33.

¹⁰ Там же, д. № 53, лл. 33—88.

¹¹ Там же.

¹² «Звезда» от 1 ноября 1917 года.

¹³ Там же от 3 ноября 1917 года.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же от 7 ноября.

¹⁶ Там же.

БОРЬБА ЗА ОКТЯБРЬСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ¹

П. Галкина

Иваново-Вознесенск принадлежит к числу тех городов СССР, в которых пролетариат пришел к Октябрю, уже овладев советским аппаратом. Еще до победы октябрьского вооруженного восстания в Петрограде иваново-вознесенский совет рабочих и солдатских депутатов завоевал руководящее положение и выступал фактически в качестве единственного органа власти в городе.

Все это было результатом того, что в Иваново-Вознесенске, этом крупнейшем промышленном центре Центрально-промышленного района, большевики издавна пользовались исключительным влиянием, эсеры же и меньшевики несмотря на неоднократные попытки обосноваться здесь не смогли. Это обстоятельство наложило соответствующий отпечаток на весь ход борьбы иваново-вознесенских рабочих за власть советов. Пролетариат Иваново-Вознесенска ранее других городов освободился от настроений добросовестного оборончества, печуждых им в первые дни после февральской революции. Уже в связи с апрельской демонстрацией, вспыхнувшей в Петрограде в ответ на известную ноту Миллюкова, эти настроения рабочих стали здесь исчезать бесследно.

Конец апреля проходил на фабриках Иваново-Вознесенска под знаком борьбы против войны, «займа свободы» и министров-капиталистов. 29 апреля рабочие т-ва механических изделий на своем общем собрании постановили: «Принимая во внимание, что Временное правительство еще до сих пор не опубликовало договоров с нашими союзниками по ведению войны, заключенных правительством Николая II, и зная, что война ведется с целью захвата и грабежа земель, и что на пролетариат и крестьянство до сих пор война ложится самым тяжелым бременем, мы категорически протестуем против введения займа свободы. Со своей стороны, требуем, чтобы был введен налог на доходы и капиталы капиталистов и помещиков, мажоряющих из народного гора миллионные барышни, а также требуем конфискации монастырских капиталов, которыми обладают многие крупные монастыри»². На этом же собрании рабочие вынесли резкий протест против травли Ленина и постановили бойкотировать газеты «Русское слово», «Русская воля», «Речь», «Биршовка» и другие буржуазные и черносотенные газеты.

30 апреля в помещении цырка Никитина большевиками было организовано общегородское собрание рабочих, работниц и солдат в количестве 5 тыс. человек. Был заслушан и обещан доклад «Буржуазия и пролетариат». Собрание приняло резолюцию, вскрывавшую истинное политическое настроение рабочих масс Иваново-Вознесенска: «Война ради грабежа, — говорилось в резолюции, — займы ради обогащения капиталистов-тупеяцков. Мы, рабочие и работницы Иваново-Вознесенска, обещавшие от грабежа буржуазии, протестуем самым решительным образом против продолжения грабительской войны, против займа ради мажоры. Правительство буржуазии никогда не будет иметь нашего доверия. Шлем свой от чистого сердца привет нашему дорогому товарищу Ленину, как выразителю наших чувств и наших стремлений»³.

Июльская демонстрация петроградских рабочих и солдат нашла также живой отклик в Иваново-Вознесенске. Решение о проведении демонстрации было принято иванововознесенским комитетом РСДРП 13 июня. На этом заседании был установлен порядок демонстрации и лозунги, под которыми она должна была проходить.

В совете вопрос о демонстрации обсуждался 16 июня на заседании исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов. Исполнительный комитет, присоединившись к воззванию ЦК РСДРП(б), выпущенному в связи с готовившейся демонстрацией, взялся за организацию последней вместе с партийным комитетом. Большевикам — членам исполкома — Евсееву и Боблову поручено было составить ко дню демонстрации воззвание к рабочим с призывом принять в ней участие. 18 июня воззвание было опубликовано. «В этой демонстрации, — говорилось в нем, — должны участвовать все солдаты, рабочие и работницы, дабы поддержать революционный пролетариат и революционную армию города Петрограда. В этот день мы должны продемонстрировать свою революционную силу и тем самым указать притаившимся контрреволюционерам, что революционная демократия не дремлет и по первому зову своих вождей грудью встанет на защиту завоеванных ею свобод, поэтому, товарищи — все на улицу»³.

Далее воззвание резко критиковало Временное правительство, разоблачая буржуазную политику его и призывая рабочих к организованному протесту и организованной борьбе под лозунгом «Вся власть советам!»

Демонстрация состоялась. Рабочие иванововознесенских фабрик, организованные в это время в один из крупнейших тогда в государстве союзов — текстильщико-ков, — как один, присоединились к выступлению столичного пролетариата, выставив лозунги большевиков.

Контрреволюционные элементы города, убедившись, что демонстрация организована не в духе желаний меньшевиков и эсеров, пытались сорвать ее, вызвав панику выкриками: «Казакв едут!» Кроме того в толпу демонстрирующих была брошена бутылка со сжатым воздухом. Часть демонстрантов, в памяти которых свежа была кровавая расправа 1915 года, при криках «Казакв!» в смятении бросилась бежать. Порядок, однако, был скоро восстановлен. Провокаторы были арестованы, но они были взяты под защиту местным органом Временного правительства — исполнительным комитетом общественных организаций. Последний решил использовать вызванную эсеров-меньшевистскими провокаторами панику для дискредитации большевиков. Демонстрация организована-де большевиками, заявлял исполнительный комитет общественных организаций, остальные «социалистические группы» не приняли в ней участия, следовательно, ответственность за все, что происходило, должна пасть исключительно на организаторов ее. 24 июня большинством голосов заседавших членов исполнительного комитета общественных организаций постановлено было арестованных освободить.

Таким образом, июльская демонстрация явилась еще одним наглядным уроком для рабочих Иваново-Вознесенска, как и для всего рабочего класса страны. Она дала новый толчок в развитии классового самосознания широких масс, убедив их в необходимости еще большей организованности, еще более тесного сплочения вокруг советов под руководством большевиков.

Исключительно горячий отклик нашел в среде текстильного пролетариата Иваново-Вознесенска июльские события в Петрограде. Ко времени июльской демонстрации иванововознесенский пролетариат находился уже под безраздельным влиянием и непосредственным руководством местной организации большевиков и, готовый к захвату всей власти в городе, ждал лишь призыва со стороны центрального руководства большевистской партии.

Власть в городе фактически осуществлялась советом рабочих и солдатских депутатов. Еще задолго до июльских дней иванововознесенский совет установил 8-часовой рабочий день, фактический рабочий контроль на фабриках, организовал народную милицию и Красную гвардию и трижды ставил практически вопрос о ликвидации исполнительного комитета общественных организаций.

В июльские дни в полном распоряжении иванововознесенского совета находились милиция, гарнизон, почта и телеграф.

4 июля иваново-вознесенский комитет большевиков получил от Московского областного бюро партии большевиков телеграмму: «В Петрограде решительные выступления фабрик, полей. Областное бюро призывает немедленно в демонстрациям и забастовкам. Лозунг: «Вся власть советам!». Срочно телеграфируйте получение. Организуйтесь вокруг Кивешмы»⁴. В Иваново-Вознесенске поняли эту телеграмму так, что Временное правительство в центре свергнуто и власть перешла в руки советов.

В ночь с 4 на 5 июля большевики созвали экстренное заседание партийного комитета, исполкома совета рабочих и солдатских депутатов и центрального бюро ФЗК, на котором решили 5 июля утром созвать общее собрание совета рабочих и солдатских депутатов, а днем оставить фабрики и вывести на демонстрацию вооруженных рабочих и солдат.

Секретарь исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов предложил председателю полкового комитета иваново-вознесенского гарнизона «созвать экстренно, ночью полковой комитет ввиду того, что в Петрограде Временное правительство свергнуто и власть переходит в руки совета рабочих и солдатских депутатов»⁵. Заседание проведено было рано утром. В ночь же на 5-е был установлен вооруженный рабочий контроль на телефонной станции, на почте и телеграфе.

Выделенные советом для контроля рабочие были введены в помещение почты и телеграфа начальником милиции в сопровождении вооруженных милиционеров. Рабочие потребовали для цензуры всю телеграфную корреспонденцию. Последняя была им предоставлена при большом сопротивлении со стороны чиновников почты и телеграфа. Вынужденно допустив советский контроль на почту и телеграф, служащие этих учреждений тут же, в 4 часа утра 5 июля, телеграфировали в Москву в исполнительный комитет почтово-телеграфных служащих Московского округа: «Прибыли делегаты от ивановского совета рабочих и солдатских депутатов с требованием контроля всех телеграмм, на что предъявлен мандат. Просьба срочного распоряжения. Ожидаем»⁶.

Исполнительный комитет почтово-телеграфных служащих, возглавлявшийся мещанинами и эсерами, на призыв ивановских почтовиков немедленно откликнулся депешей, в которой предлагал им в случае дальнейшего контроля учреждений и захвата власти местным советом рабочих и солдатских депутатов бросить работу. Однако протесты и угрозы эти не оказали воздействия на ивановских рабочих. Исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов послал своего представителя также в редакцию газеты комитета общественной безопасности «Иваново-Вознесенск» со следующим мандатом: «Претъявитель сего, член исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов, А. Ф. Федоров делегирован исполнительным комитетом в редакцию газеты «Иваново-Вознесенск» для проверки полученных (опубликованных) и имеющихся к опубликованию телеграмм как правительственных, так и частных»⁷.

Таким образом ивановские большевики сумели в короткий срок мобилизовать и расставить свои силы и силы пролетариата, готовые к взятию власти.

Утром 5 июля заседание совета рабочих и солдатских депутатов после доклада о петроградских событиях приняло резолюцию, в которой совет заявлял: «Экономическая разруха хозяйства страны и усиленная кровавая бойня ставят Россию на край пропасти. Временное правительство ничего не сделало для задержки этой грядущей гибели, а, наоборот, своими распоряжениями вносит еще большую неурядицу в те начинания, которые революционная демократия в лице советов проводит на местах для ослабления и спасения от разрухи и безработицы, а потому, протестуя против соглашательской политики с буржуазией в министерстве, совет рабочих и солдатских депутатов вместе с революционными войсками и рабочими Петербурга присоединяет свой голос к лозунгу «Вся власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», который и поддерживает вооруженной демонстрацией»⁸.

Присутствовавшие на заседании совета эсеры в лице председателя исполнительного комитета общественных организаций Майорова и члена городской управы Салова выступили с призывом воздержаться от демонстрации, мотивируя это тем, что «демо-

кратия», составляющая-де большинство, за большевиками не идет, что у рабочих не хватит-де сил управлять государством в случае взятия власти советами. В ответ на это большевики заявили: «Власть в Иваново-Вознесенске фактически находится в руках советов и сил у рабочих хватает и хватит для управления». «Политика соглашения потерпела крах. Будет преступно не оказать помощи петроградским товарищам»⁹.

После принятия большевистской резолюции на заседании совета рабочих и солдатских депутатов при 10 против и 1 воздержавшемся эсеровская фракция заявила, что она против вооруженной демонстрации и лозунга «Вся власть советам!», и покинула заседание, трюиз расправой. Свои угрозы эсеры пытались осуществить. В ночь на 5 июля установленный на телефонной станции рабочий контроль перехватил разговор председателя исполнительного комитета общественных организаций эсера Майорова с Шуй: «Пусть едут из Шуй Ныркы и К., большевики берут власть в свои руки. Приезжайте к 9 часам».

Опираясь на эсеров, почтово-телеграфные служащие обратились к населению с контрреволюционным воззванием, в котором, протестуя против установленного на телеграфе рабочего контроля, всячески клеветали на представителей совета. Почтовиков в их выступлении против совета рабочих и солдатских депутатов поддержало частное совещание при городской управе, обратившееся с протестом по поводу действий большевиков в исполнительный комитет общественных организаций. Последний считал действия совета «мешающими делу укрепления революции». Весь день 5 июля большевики и большевистски настроенные члены совета рабочих депутатов вели разъяснительную работу среди фабричных рабочих и солдат, готовя организованное выступление в Иваново-Вознесенске.

Демонстрация состоялась 6 июля. В 11 часов дня остановились все фабрики и заводы. В 12 часов во дворе небуржуазных казарм собрались солдаты, выразившие желание принять участие в демонстрации. Отсюда 199-й пехотный полк в полном составе и боевом снаряжении с оркестром музыки направился в центр города, влившись там в демонстрацию рабочих. В демонстрации приняло участие более 20 тыс. чел.; плакатов с боевыми лозунгами большевиков было более ста¹⁰. Демонстрация прошла очень организованно.

Июльские дни в Иваново-Вознесенске показали Временному правительству и всей буржуазии, что провинциальные пролетарские центры таят в себе силу, которая, слившись с силой столичного пролетариата, взорвет буржуазно-помещичий строй и до конца уничтожит его.

После июльских дней Временное правительство обратило еще более серьезное внимание на Иваново-Вознесенск — «город бунтарей», как его называли при паризме, — и назначило следствие по делу об организаторах июльской демонстрации в Иваново-Вознесенске. В акте дознания владимирского комиссара по делу об июльских днях в Иванове эта демонстрация рисуется следующим образом: «6 июля с 11 час. дня на всех фабриках и заводах прекращены были работы, а с часу дня, после митинга, перед советом началась демонстрация, охранявшаяся шедшей впереди вооруженной ротой солдат и езды — конными милиционерами.

Участники демонстрации, кроме охраны, были вооружены; в ней приняли участие рабочие почти всех фабрик и, по исключению некоторых лиц, она достигала 20 тыс. или более человек. Демонстрация прошла мирно и закончилась в 3—4 часа дня. По исключению наглядному другим членам совета в демонстрации принимало участие до 30—40 тыс. человек»¹¹.

Губернская эсеров-меньшевистская власть (губернский центр был во Владимире) и московский эсеров-меньшевистский совет, узнав о столь решительных революционных действиях иванововознесенского пролетариата, выслали своих представителей «для расследования дела». Окрыленный этой поддержкой и июльским поражением рабочих Петрограда, иванововознесенский исполнительный комитет общественных организаций ожил и вновь стал заявлять о себе, как о единственной власти в городе.

Не довольствуясь областной комиссией, созданной для выяснения событий 4—5 июля в городе, ивановский исполнительный комитет общественных организаций занялся со своей стороны, подбором материала для обвинения большевиков в попытке

передать власть в руки советов. Исполнительный комитет общественных организаций, обсудив вопрос об июльской демонстрации в Иваново-Вознесенске, назвал действия исполкома совета рабочих и солдатских депутатов «мешающими делу революции», противоречащими постановлениям Центрального исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов». По предложению фракции меньшевиков 12 июля исполнительный комитет общественных организаций постановил создать следственную комиссию в составе представителей от исполнительного комитета общественных организаций, трех от совета рабочих и солдатских депутатов и по одному представителю от политических партий, «которая бы выяснила действия отдельных лиц в происшедших событиях 4—5 июля»¹².

Предложение было принято большинством голосов. Но иваново-вознесенский совет не думал сдавать занятых позиций. Вальше того, в этот день, 12 июля, он указал на необходимость переизбрать президиум исполнительного комитета общественных организаций и передать его газету совету рабочих и солдатских депутатов на том основании, что исполнительный комитет общественных организаций настроен против совета. По поводу же создания комиссии по расследованию вступивших июльских событий совет высказался резко отрицательно, заявив, что перед исполнительным комитетом общественных организаций совет за свои действия отвечать не будет. Однако учитывая осложнявшуюся политическую обстановку и разгул контрреволюции в стране, исполком совета рабочих и солдатских депутатов на заседании 4 июля решил войти в комиссию, создававшуюся исполнительным комитетом общественных организаций, со следующим обоснованием вхождения в нее: «Исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов действия в ночь с 4 на 5 июля признает правильными и за свои действия отвечает только перед всероссийским советом рабочих и солдатских депутатов, но в полях раскрытия всей грязи, которой обливают отдельных лиц как членов совета рабочих и солдатских депутатов, так и начальника милиции, дает своих представителей в организующуюся исполнительным комитетом общественных организаций комиссию»¹³. О работе самой комиссии материалов не сохранилось.

Для ивановских рабочих июльские дни явились репетицией к октябрьскому захвату власти.

II

Классовая борьба развернулась после июльских событий еще сильнее, еще решительней. Вооруженные историческими решениями VI съезда партии, ивановские большевики развернули величайшую активность несмотря на крайне трудные условия. Иваново-вознесенскому совету пришлось перед лицом поднявшей голову контрреволюции перейти на положение революционной обороны. 29 июля были назначены почтовые дежурства из членов исполнительного комитета совета и поручено начальнику милиции поставить при совете конную охрану. Депутаты совета были вооружены, вооружились и рабочие.

В то время как столичная буржуазия после июльских событий свела деятельность центральных советов к нулю, иваново-вознесенский совет рабочих и солдатских депутатов продолжал осуществлять фактическое единовластие в интересах пролетариата, открыто игнорируя местный орган буржуазной власти. В то время когда столичная буржуазия расправлялась с большевистской печатью, имея своей ближайшей задачей окончательное удушение революции, иваново-вознесенский совет рабочих и солдатских депутатов вынес 12 июля решение о закрытии печатного органа исполнительного комитета общественных организаций и постановил «вообще запретить продажу буржуазных газет в окрестках города». Совет, подтвердив правильность своих действий 4—5 июля, постановил «устроить митинги для рабочих, снабдить агитаторов малютами и обязать председателей митингов оповещать собрание о каждом выступавшем и о его принадлежности к партии».

Контрреволюционные акты буржуазии вызывали ответные революционные действия рабочих центра и мест. И чем интенсивнее были контрреволюционные действия буржуазии, тем больше революционизировала она пролетариат, который еще тесней сплывался под знаменем большевистов. Рабочие т-ва иваново-вознесенской ткацкой мануфактуры на митинге 14 июля заявили: «Против действий буржуазии мы

представляем свою политику, а именно: требуем перехода всей власти в руки советов и немедленного осуществления рабочего контроля над производством и распределением».

12 августа буржуазия созвала в Москве государственное совещание, на котором должен был решиться вопрос о создании «единой сильной центральной власти». Резким протестом встретили это совещание рабочие Иваново-Вознесенска и всего района. 13 августа делегатское собрание иваново-взнесенского областного профессионального союза текстильщиков вынесло по повелению государственного совещания следующую резолюцию: «Делегатское собрание областного профессионального союза рабочих и работников текстильной промышленности, выражающее настроение 100 тысяч организованных рабочих Иваново-Вознесенской области, решительно протестуя против карательного умерщвления революционной демократии и против московского совещания, призывает всех товарищей рабочих напрячь все силы для организации масс и подготовки к новой решительной борьбе»¹⁴.

Иваново-взнесенский совет свое резко отрицательное отношение к государственному совещанию выразил в своей резолюции, в которой он расценивал совещание как попытку буржуазной контрреволюции «создать сильный общественный центр, объединить свои силы и выступить во вооружении против демократии».

Рабочие и трудящиеся населения Иваново-Вознесенска ответили на созыв государственного совещания еще и тем, что при выборах в августе в городскую думу отдали свои голоса большевикам. Местное городское самоуправление перешло в руки большевиков.

Прямым продолжением политики Временного правительства и ответом на большевизацию масс явилось вооруженное контрреволюционное выступление генерала Корнилова в конце августа. Выступление Корнилова вызвало взрыв негодования рабочих всей страны, обобщательно раскрыв перед ними губительную политику Временного правительства и мелкобуржуазных партий, поддерживавших его. Весть о выступлении Корнилова пришла в Иваново-Вознесенск 28 августа.

В эти дни рабочие и солдатские массы Иваново-Вознесенска еще теснее сплотились вокруг совета, выявив свою готовность защищать его. В резолюции, принятой 30 августа на общем собрании совета, заявлялось: «В ответ на авантюру Корнилова революционный пролетариат и гарнизон Иваново-Вознесенска в лице совета рабочих и солдатских депутатов вместе со всем рабочим классом Петрограда, Москвы и других городов, сплоченный вокруг своих организаций, никогда не допустит гнусной попытки генерала Корнилова восстановить какую бы то ни было диктатуру справа. Всеми имеющимися в наших руках средствами мы будем бороться за завоевание права свободы»¹⁵.

Пролетариат Иваново-Вознесенска выразил свое отношение к корниловщине в новой волне организованного протеста. Рабочие фабрики А. Гандуряна в Иваново-Вознесенске, по сообщению местной большевистской газеты «Наша звезда» от 1 сентября, потребовали на своем общем собрании повсеместного вооружения революционного войска из рабочих, расформирования и разоружения контрреволюционных частей. Они требовали ареста царских генералов старой армии, ареста главарей буржуазной контрреволюции: Родзянко, Милюкова, Гучкова, Рябушинского, Родичева, Маклакова и всей компании, — разгона Государственной думы, офицерского союза и военной лиги, закрытия органов буржуазной контрреволюционной печати: «Речи», «Русского слова», «Утра России» и др., — конфискации их типографий и передачи всей власти действительно революционным советам рабочих и солдатских депутатов.

Иваново-Вознесенск со всеми пригородами был объявлен на военном положении. Для охраны города и его окрестностей был создан 1 сентября при совете рабочих и солдатских депутатов «штаб революционных организаций», куда вошли представители совета исполнительного комитета общественных организаций, 199-го пехотного полка и большевистской партии. Силами пролетариата и солдат корниловщина в Петрограде была ликвидирована. Сентябрь уже всюду в стране проходил под знаком требований перехода власти к советам.

Вместо обещанного нового созыва съезда советов в сентябре эсеро-меньшевистский центральный исполнительный комитет, ставший фактически исполнительным органом Временного правительства, решил созвать всероссийское совещание «демо-

кратны». По замыслу меньшевиков и эсеров, оно должно было расширить социальную базу Временного правительства и поднять его совсем упавший авторитет.

В вопросе о всероссийском совещании, которое представляло собой «ше одну попытку меньшевиков и эсеров ослабить нарастающий революционный подъем, иваново-вознесенский совет стоял также на твердых большевистских позициях.

6 сентября на заседании иваново-вознесенского совета, где обсуждался вопрос о посылке делегатов на демократическое совещание, в особом постановлении по этому вопросу было указано, что политика Центрального исполнительного комитета своими колебаниями, сотрудничеством с буржуазией привела к полному экономическому и финансовому краху, в Корсикловщине, что из воззваний исполнительного комитета, советов, подписанных Чхендзе и Александровым, видно, что они, искусственно устраняя одни организации и давая многочисленное представительство другим, стремятся в демократическом совещании обеспечить большинство для продолжения политики соглашательства, которая уже разоблачена перед всей страной. «Поэтому иваново-вознесенский совет рабочих и солдатских депутатов, не отказываясь от участия на съезде демократических организаций, все же не может не протестовать против таких действий Центрального исполнительного комитета. Мы находим, — говорится в постановлении, — что изменившееся настроение страны действительно и ближе выразят съезды советов рабочих и солдатских депутатов и на этих съездах должно быть переизбрание Центрального исполнительного комитета»¹⁶.

Иваново-вознесенский совет делегировал на демократическое совещание Д. Фурманова и Мочалова, находившихся в то время в Петрограде, снабдив их следующим наказом: «Перед лицом контрреволюционного мятежа генерала Корнилова, подготовленного Временным правительством во главе с партией кадетов, совет считает долгом провозгласить, что отныне должны быть решительно прекращены всякие колебания в деле организации власти. От власти должны быть устранены все представители ценовых элементов вообще. Нетерпимы далее ни исключительные полномочия Временного правительства, ни его безответственность. Единственный выход — это создание власти из представителей пролетариата и крестьянства, и ответственности перед ними».

Далее совет рабочих и солдатских депутатов в наказе выставил требования: «1. Декретирование демократической республики. 2. Немедленную отмену частной собственности на помещичью землю без выкупа и передачу ее в заведование крестьянских земельных комитетов, впредь до разрешения общего вопроса в Учредительном собрании. 3. Введение рабочего контроля в общегосударственном масштабе над производством и распределением. 4. Национализация важнейших отраслей промышленности, как то: нефтяной, каменноугольной, металлургической. 5. Бесплатное обложение крупных капиталистов и их имущества и конфискация военных прибылей в целях спасения страны от хозяйственной разрухи. 6. Объявление тайных договоров недействительными и немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира. 7. В качестве немедленных мер должна быть декретирована выборность местными организациями комиссаров и других должностных лиц, роспуск Государственного совета, уничтожение всех сословных (дворянских и других) преимуществ, полное равноправие граждан»¹⁷.

Решающий момент революции приближался. Крестьянская масса уже проявляла открытое недоверие Временному правительству и партии эсеров. Во Владимирской губернии еще в начале июня газета «Иваново-Вознесенск», обобщая политические настроения деревни, писала: «Что же касается отношения крестьян к ... Временному правительству, являющемуся в настоящее время единственно формально признанной властью в стране, то тут приходится отметить некоторую тревогу и вообще какое-то недоверчиво выжидающее отношение ко всему происходящему». При этом газета отмечала, что среди крестьян преобладает мнение: «нужно так кончить проклятую войну, чтобы больше таких войн не было, чтобы все жили свободно».

Уже в июле произошло объединение владимирского губернского совета рабочих и солдатских депутатов и губернского совета крестьянских депутатов. Такое объединение произошло и в Шуе, где председателем совета рабочих и солдатских депутатов был М. В. Фрунзе. То же наблюдалось и в ряде других мест. В деревнях стали

появляться большевистские ячейки. Руководителями крестьянских организаций все чаще стали избираться большевики.

Экономическая политика Временного правительства и августовское выступление буржуазии (корниловщина) вызвали еще до Октября мощный подъем стачечного движения промышленных рабочих. 21 октября началась всеобщая стачка 114 предприятий Иваново-Вознесенска и соседних промышленных районов. Стачка проходила под лозунгами «Вся власть советам!», «Долой Временное правительство!», были выставлены ряд экономических требований.

Областная стачка ивановокинешемских текстильщиков, начавшаяся как экономическая, теснейшим образом переплелась с политической борьбой революционных масс, направленной большевиками на путь свержения Временного правительства и установления власти советов. Рабочие Шуи по предложению председателя шуйского совета рабочих и солдатских депутатов М. В. Фрунзе положили в основу своей резолюции по поводу стачки следующий пункт: «Современная государственная власть в лице Временного правительства и его агентов на местах не в состоянии справиться с надвигающимися бедствиями... только переход власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как в центре, так и на местах, может помочь народу справиться с надвигающимся кризисом»¹⁸.

Большевики иваново-вознесенской организации во время этой предоктябрьской стачки текстильщиков проявили большое умение в использовании экономических требований, понятных даже отсталым рабочим, для того чтобы двигать стачку вперед и поднимать рабочих на борьбу за власть.

Своеобразная обстановка борьбы за Октябрьскую революцию в Иваново-Вознесенске привела к тому, что к моменту установления советской власти в Петрограде иваново-вознесенский совет, опиравшийся на прочно завоеванное им большинство рабочих и солдат, уже был фактическим органом власти в городе.

Когда 25 октября на заседании совета было зачитано полученное по телефону сообщение о низвержении Временного правительства, иваново-вознесенский совет объявил себя официальной властью. Избрав временный штаб для борьбы с возможными попытками восстаний со стороны свергнутых классов, организовав силы для охраны советской власти в городе, он оказывал всемерную поддержку рабочим других городов в борьбе за власть советов (Москва, Ярославль); иваново-вознесенский совет приступил к проведению в жизнь той революционной программы, которая была намечена II съездом советов.

Большая политическая роль иваново-вознесенского совета, его руководящее положение, завоеванное им еще до Октября, вмешательство его в дела местной промышленности, установление 8-часового рабочего дня, фактического рабочего контроля на фабриках, организация народной милиции и Красной гвардии — все это было огромным вкладом в дело углубления и развертывания революции. Все это было крупнейшей победой иваново-вознесенских большевиков и рабочих, успешно закреплявших свои пролетарские позиции. Анализируя ход революции в провинции в предоктябрьский период, Ленин призывал использовать особенности развития революции на местах, он указывал на неотложную задачу укрепления завоеваний, достигнутых большевиками на местах, ибо «движение вперед в этом отношении (в отношении непосредственного использования власти советами.— П. Г.) возможно,— указывал Ленин,— прежде всего из провинции»¹⁹, так как «Столичные Советы политически находятся в большей зависимости от буржуазной центральной власти, чем провинциальные. В центрах нельзя так легко взять на себя распоряжение производством, в провинции это частью уже осуществлено»²⁰. Эти слова Ленина относились и к иваново-вознесенскому совету.

Из этого, однако, не следует, что в Иваново-Вознесенске еще до Октября было установлено полномочие совета рабочих и солдатских депутатов или нечто подобное советской республике в городском масштабе. Этого не могло быть до установления диктатуры пролетариата в решающих промышленных центрах страны, ибо «вся полнота власти требует власти над всей землей, над всеми банками, над всеми фабриками»²¹.

Решающая роль в революции оставалась за столицей, ибо центральный вопрос всякой революции — вопрос о власти. Органы же общегосударственной власти сконцентрированы в центре, в столице. Отсюда без революции в Петрограде и Москве не могло быть успешной и тем более завершенной революции в стране.

Только революция в центре могла обеспечить закрепление всех революционных завоеваний, достигнутых на местах, под руководством столичного пролетариата во главе с партией Ленина — Сталина. Октябрьская социалистическая революция в Петрограде и Москве, опираясь на такие местные революционные пункты, как Иваново-Вознесенск и ряд других пролетарских центров, свергла власть буржуазии и открыла путь к построению свободного, бесклассового, коммунистического общества в нашей стране.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Газ. «Социал-демократ» № 49 от 19(6) мая 1917 г. Газета отмечает, что собрание продолжалось 6 часов без перерыва, что рабочие слушали ораторов с полным вниманием, несмотря на то что все время пришлось стоять.
- ² «Социал-демократ» № 49 от 19(6) мая, стр. 4. 1917.
- ³ «Известия иванововознесенского совета» № 23 от 18 июня (1 июля) 1917 г.
- ⁴ Архив Октябрьской революции (АОР), ф. VI, д. № 1/2. Ч. V, сл. 45.
- ⁵ Газета «Иваново-Вознесенск» № 92 от 8(21) июля 1917 г.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Ив. гос. архив, ф. 31, д. № 1, лл. 74 и 75.
- ⁹ Ив. областной истпартархив, д. № 4, л. 7.
- ¹⁰ Газ. «Иваново-Вознесенск» № 91 от 7(20) июля 1917 г.
- ¹¹ АОР, ф. VI, д. № 1/2. Ч. V, л. 49.
- ¹² «Известия иванововознесенского совета» № 22. 1917 г.
- ¹³ Ив. гос. архив, ф. 31, д. № 2, л. 36.
- ¹⁴ Труды делегатских собраний иваново-кинешемского областного профсоюза текстильщиков, стр. 37. 1918 г.
- ¹⁵ Ив. гос. архив, ф. 31/115, оп. 2, д. № 1, л. 95.
- ¹⁶ Там же, лл. 99—100.
- ¹⁷ Там же, лл. 98—103.
- ¹⁸ Шуйское отделение Ив. гос. архива. Протоколы Шуйского совета рабочих и солдатских депутатов, лл. 87—90.
- ¹⁹ Ленин. Соч. Т. XX, стр. 257.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 268.

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КАЗАНИ

А. Тарасов

Казанская большевистская организация, разгромленная в годы реакции, была восстановлена во второй половине марта 1917 года. В середине марта в Казань приехал представитель ЦК большевистской партии В. Тихомирнов, старый казанский партийный работник. Он развернул энергичную работу по сплочению большевистских сил Казани. После ряда проведенных им совещаний с находившимися в Казани большевиками, 26 марта был избран партийный комитет в составе В. Тихомирнова, Г. Олькеницкого, Н. Мохова, Бисярина, К. Машинна, А. Машинна, А. Комлева, И. Волкова и др.

Комитет стал издавать свой печатный орган «Рабочий» (№ 1 вышел 31 марта 1917 г.). К началу апреля на всех крупных предприятиях Казани уже были созданы партийные организации. К моменту VII всероссийской апрельской конференции в казанской организации насчитывалось до 400 членов партии. Делегатами на конференцию от Казани были И. Волков и А. Комлев.

Одна из особенностей Октябрьской социалистической революции в Татарии, как и в других национальных районах, состоит в том, что борьба за освобождение от капиталистического гнета, за социалистическую революцию тесно переплеталась здесь с борьбой за освобождение от национального гнета.

Это выдвигало перед татарской большевистской организацией в качестве одной из важнейших задач борьбу за правильное разрешение национального вопроса, за четкую, последовательную программу уничтожения национального гнета, с одной стороны, и за разоблачение татарской буржуазии, стремившейся использовать борьбу трудящихся Татарии против национального гнета в своих классовых целях, — с другой. С этой задачей казанские большевики справились.

Уже на первом этапе революции — до июльских дней — благодаря непримиримой борьбе против соглашательской политики меньшевиков и эсеров, а также работе по разоблачению татарской буржуазии, большевистской организации удалось подчинить своему влиянию значительную часть трудящихся Казани.

После июльских событий консолидация сил татарской контрреволюционной буржуазии особенно усилилась: создавался целый ряд буржуазно-националистических организаций, в их числе Харбя-шуро (военный совет), основной задачей которого было сколачивание из татарских частей послушной армии для защиты интересов татарской буржуазии.

Преследуемая и травимая, загнанная в подполье казанская большевистская организация и после июльских дней продолжала энергичную работу. Она решительно и без боязни бичевала контрреволюционную татарскую буржуазию, вскрывая всю ложь и клевету меньшевиков и эсеров, возводимые на нашу партию.

Из борьбы июльских дней большевистская организация вышла еще более сплоченной и закаленной. Влияние и авторитет ее среди рабочих и солдат сильно возросли. В VI съезде партии состав организации увеличился до 650 человек, главным образом за счет роста партийных организаций на крупных предприятиях — Алафузовых, Шабанова и др.

Огромное внимание казанские большевики уделили борьбе за завоевание советов, представлявших собой основное организационное звено, могущее облегчить организацию Октябрьской революции и создание нового могучего аппарата пролетарской государственности. До сентября в Казанском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов преобладали эсеры и меньшевики, большевистская фракция составляла меньшинство. Однако большевики в сравнительно короткое время в результате непримиримой борьбы против соглашательской политики меньшевиков и эсеров и правильной тактики завоевания большинства внутри совета сумели мобилизовать вокруг лозунгов нашей партии и повести за собой значительную часть членов совета.

Прибывший в августе в Казань крупный партийный работник Я. С. Шейкман, который возглавил парторганизацию и руководил фракцией совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, много сделал для завоевания советов на сторону большевиков.

В послепюльский период, в особенности в течение августа—сентября, большевики развернули кампанию за перевыборы совета рабочих и солдатских депутатов. В итоге перевыборов рабочей и солдатской секции совета в середине сентября большинство в обеих секциях стало большевистским. В исполкоме совета солдатских депутатов большевики также получили большинство: из 30 человек в состав исполкома было избрано 16 большевиков и 14 левых эсеров. В президиум исполкома из 5 человек вошли 3 большевика, которые заняли руководящие места: председателя, первого товарища председателя и секретаря исполкома. Рабочую секцию совета после перевыборов возглавили большевики.

Окончательным закреплением одержанных большевиками побед явилось избрание председателем совета рабочих и солдатских депутатов большевика тов. Карлова.

Серьезное внимание казанские большевики уделили созданию Красной гвардии. Еще в период июльских событий рабочие Казани вынесли решение о необходимости создания и укрепления вооруженных отрядов рабочего класса — Красной гвардии. Отряды Красной гвардии создавались под непосредственным руководством районных парторганизаторов: Шеварова, Гладилова, Бисярина и др. — под видом создания рабочей милиции и охраны фабрик и заводов.

Таким образом казанские большевики подошли к историческим дням октября 1917 г., имея решающее влияние среди казанских рабочих и солдат и мобилизовав и организовав силы, которые могли вступить в вооруженную борьбу за диктатуру пролетариата.

II

Получив в 20-х числах октября директиву от ЦК ВКП(б) о необходимости приступить к непосредственной подготовке вооруженной борьбы за власть, казанская партийная организация предприняла в этом направлении ряд мер, в частности в последних числах октября была роздана солдатам памятка со схематическим планом города и его окрестностей.

Контрреволюция концентрировала свои силы под руководством военного комиссара Временного правительства, правого эсера капитана Калинина и командующего войсками казанского военного округа Архипова. Капитан Калинин, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти, стремился взять инициативу и начать наступление на революционных рабочих и солдат. При командующем войсками казанского военного округа был создан специальный штаб и «социалистический блок» из представителей всех «социалистических» партий: меньшевиков, правых эсеров, представителей от Харби-шуро и др.

Накануне вооруженного восстания контрреволюция в Казани располагала следующими силами: около 2 тыс. юнкеров, эскадрон сызранских драгун (100 чел.), 6-й финляндской батареей под командованием бывшего председателя Казанского совета эсера Поплавского (300 чел.), 4 броневиками, полсотней оренбургских казаков и др.

Контрреволюционный штаб за несколько дней до вооруженного восстания предпринял попытку разгромить силы революции. Свое наступление против рабочих и солдат контрреволюция начала с похода на революционных артиллеристов.

19 октября юнкера прибыли на Арское поле в казармы с целью арестовать

поручика Гроздова, известного своими выступлениями в войсковых частях против войны, но артиллеристы решительно отказались выдать Гроздова.

На многолюдном собрании представителей гарнизона, созванном военной организацией большевиков 22 октября, после обсуждения вопроса о вылазке контрреволюции была единодушно принята следующая, предложенная большевиками резолюция: «1) Не доверять буржуазной власти и «революционному штабу», 2) власть Совету, 3) броневики отправить на фронт, а пулеметы Совету, 4) не допускать выступления одной части против другой, 5) отрешить от должности лиц, виновных в выступлениях юнкеров против артиллеристов, и предать их революционному суду, 6) не исполнять приказаний без подписи исполнительного бюро совета, 7) сдать оружие и боевые припасы юнкеров Совету, оставив им только необходимые для обучения»¹.

Юнкера на общем собрании приняли постановление не выдавать оружия и оказывать сопротивление попыткам их разоружить.

23 октября на экстренном собрании совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, созванном по инициативе большевиков и проходившем под их руководством, постановление представителей гарнизона было единодушно одобрено и на представителей фабрик и заводов было возложено «сегодня же поставить отряды в боевую готовность».

Этот день был днем напряженной работы всего актива большевистской организации. Все ее члены были распределены по решающим участкам борьбы: на предприятиях среди рабочих, в войсковых частях и совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

23 октября (5 ноября) было созвано узкое собрание актива казанского комитета с участием гг. Г. Ольженицкого, И. Волкова, Л. Бочкова, А. Карпова, Северова, Гордеева и др. Комитет принял решение, сыгравшее в истории октябрьского вооруженного восстания в Казани исключительно большую роль. Это решение было весьма лаконичным: «1. Необходимо дать юнкерам и штабу во главе с капитаном Калининским бой. 2. Призвать рабочих ко всеобщей забастовке. 3. Привести в боевой порядок отряды Красной Гвардии и вывести их на борьбу с юнкерами». Под руководством большевистской организации и, в частности, прикрепленного к Заречью члена казанского комитета тов. Фролова рабочие заводов и алафузовских предприятий начали подготовку к бою.

Большевики Заречья провели заседание райкома и общее собрание района и дали директивы по предприятиям быть готовыми к выступлению. В Заречье по инициативе райкома был создан революционный комитет в составе гг. Рудова, Карпова, Фролова, Цветковой, Курятникова, Вихорева, Табейкина и др.

После неудачной попытки арестовать Гроздова контрреволюционный штаб предпринял новые шаги с целью разоружить артиллеристов и, разгромив силы революции, предотвратить таким образом вооруженное выступление рабочих и солдат. Для этого штаб дал предписание арестовать активных работников военной организации большевиков. Председателю военной организации Ершову удалось скрыться в казачьих казармах и поднять на ноги солдат гарнизона.

24 октября, утром, штаб обезоружил солдат 2-го артиллерийского дивизиона и открыл по казармам огонь из броневика. Эти действия контрреволюции вызвали всеобщее возмущение во всех частях гарнизона. Повсюду были вынесены постановления о присоединении к требованию солдат 2-го артиллерийского дивизиона о проведении в жизнь постановления собрания гарнизона от 22 октября (4 ноября), а незаконные действия штаба по отношению к артиллеристам считать направленными против всего гарнизона.

24 октября контрреволюционный штаб начал подготовку к усмирению «бунтующих» солдат. Полковник Архипов стянул в дом командования на Грузинской (ныне Карла Маркса) улице оставшиеся верными Временному правительству силы: юнкеров, казаков, драгун, а также бронемашину и часть артиллерии, — а часть вооруженных сил сосредоточил в крепости. Вечером того же дня по приказу контрреволюционного штаба вооруженные силы буржуазии двинулись на Арское поле (ныне им. Ершова) для усмирения «бунтующих» солдат. Во главе отряда юнкеров, скрываясь за трамвайными вагонами, шел броневик. Не успел отряд юнкеров дойти до трамвайного парка, как солдаты гарнизона открыли артиллерийский и пулеметный огонь.

артиллеристов дружно поддерживала 689-я дружина. Однако сильный огонь броневика заставил восставших солдат отойти и окопаться на территории Арского кладбища.

Столкновение на Арском поле послужило сигналом для дружного выступления отрядов Красной гвардии и рабочих. По сигналу тревожных гудков фабрик и заводов рабочие быстро собрались у здания революционного комитета и после первых выстрелов отряда красногвардейцев и рабочих заняли позиции вдоль Адмиралтейской дамбы, Ягодной слободы, Гривки и Козьей слободы.

Активные участники этих событий так характеризуют революционное настроение рабочих: «Выступление рабочих, их настроение до того было единодушным, что достаточно было нескольких часов для вооружения двухтысячной массы. Сотни рук тянулись за одной винтовкой. Недостаток оружия вызывал у рабочих справедливый ропот.

На ягодинский базар рабочие на руках вынесли из завода пушки, которыми обстреливали крепость, защищаемую верными Временному правительству юнкерами и прапорщиками»².

В вооруженную борьбу против юнкеров и других сил буржуазии вступили рабочие предприятий, расположенных в других частях города: полярцы, шабановцы и крестовниковцы.

Вооруженная борьба рабочих и солдат в Казани началась почти одновременно с вооруженным выступлением рабочих и солдат в Петрограде.

Большевики находились на самых решающих участках боя. Восставшими солдатами на Арском поле руководил революционный штаб при бригадном комитете 2-й артбригады во главе с членами военной организации большевиков — Шелыхмановым, Вязиным и др. Борьбой отрядов рабочих и частей гарнизона, действовавших со стороны Заречья, руководил революционный штаб при 240-м полку во главе с председателем военной организации большевиков Е. Ершовым. Начальником штаба был выделен капитан Масальский. Этот штаб осуществлял все оперативное руководство; он координировал военные действия отрядов рабочих и войсковых частей, посылая лучшие из них на решающие участки боя.

Наступлению отрядов Красной гвардии и рабочих на город сильно препятствовал броневик юнкеров, курсировавший по Адмиралтейской дамбе.

После первых же выстрелов из пушек, произведенных рабочими, выяснилось, что снаряды не разрывались, так как инженер завода Красильников нарочно выдал из окружного артиллерийского склада негодные снаряды. Красильников немедленно был арестован.

Под пулеметным огнем броневика рабочие забаррикадировали все дороги, ведущие в Заречье и рабочую слободу. Баррикады были устроены у завода Эккерт, у Ягодинского моста через Казанку, в поле (дорога в город) и у главных ворот завода. Мост через Казанку был забаррикадирован 5 лодками, камнями, бревнами. Между частями войск и отрядами рабочих была установлена телефонная связь. Артиллерийский огонь восставших был сосредоточен по основным пунктам, где было скопление сил и штаб противника: дом командующего войсками, крепость и здание дворянского собрания.

Ночью город был осажден со всех сторон. Перевес явно был на стороне восставших. Во избежание кровопролития и разрушения города восставшие от имени революционного штаба при 2-й артиллерийской бригаде послали делегацию командующему войсками со следующим ультиматумом: 1) немедленно разоружить всех юнкеров, 2) вывести из Казани бронемашину, 3) передать все оружие совету и 4) удалить комиссара Временного правительства Калинина. Представители Временного правительства отвергли ультиматум восставших. После этого делегация рабочих и солдат покинула заседание, возложив всю ответственность за дальнейшее кровопролитие и разрушение города на тех, кто не хотел прекратить борьбу на условиях, предложенных делегацией.

Бой с утра 25 октября (7 ноября) возобновился с новой силой, принял ожесточенный характер и продолжался до самого вечера. Бой происходил на трех основных участках: 1) на Арском поле между основными силами юнкеров, с одной стороны, и артиллеристами 1-го и 2-го дивизионов, солдатами 254-й, 685-й и 689-й дружин, значительной частью солдат 164-го полка и небольшой группой рабочих-крестовниковцев — с другой; 2) со стороны Заречья по Адмиралтейской дамбе, Горбатову

месту наступали рабочие-зареченцы, расположенные двумя с половиной тысячами штыков и тремя пушками; 3) по направлению в вокзал и Татарской слободе лугами, по новой дамбе, наступали солдаты 240-го полка, артиллеристы, рабочие — крестовниковцы, шабановцы и полярцы.

Юнкера и другие части, вытупавшие на стороне Временного правительства, имели то преимущество перед восставшими, что были укрыты в городе и обладали массой вышек и другими удобными местами для наблюдения. Огнем артиллерии и пулеметов они неоднократно отбивали атаки восставших на город.

В самый решительный момент в бой вступила артиллерия восставших рабочих-зареченцев, которые сами начинали снаряды. Несколькими удачными выстрелами были сняты наблюдатели и пулеметы с крыши юнкерского училища в кремле, с соборной колокольни и с башни Сююмбеки. Три—четыре выстрела по бронезику юнкеров вынудили его скрыться в город. Успешная работа артиллерии явилась подготовкой к общему наступлению. Это наступление значительно облегчило задачу войсковых частей, сражавшихся по обеим флангам рабочих-зареченцев.

Рабочие-татары вопреки агитации Харби-шуро также активно участвовали в октябрьском вооруженном восстании в Казани. В составе красногвардейских отрядов алафузовцев-пороховников было до 300 татар, сражавшихся плечом к плечу с русскими рабочими против вооруженных сил буржуазии. Из татарских частей в дни октябрьских боев в Казани наиболее отличались татарские роты 94-го и 95-го полков. «Превосходно вели себя татары», — заявил капитан Масальский, начальник штаба революционных войск, после победы восставших.

Один из участников октябрьского переворота в Казани, тов. Набйбулла Вахитов, вспоминает: «Политическая жизнь 12-й мусульманской роты 95-го пехотного полка, которой я командовал, проходила под руководством М. Н. Вахитова. За несколько дней до октябрьского переворота всеинное Шуро* произвело смотр татарским частям. Наша рота была на смотре под командой прапорщика Губайдуллина. После смотра и выступлений шуристов солдатам были розданы деньги и свертки с конфетами. По возвращении в казармы (в Адмиралтейской слободе) был устроен митинг, на котором выступил Ахун Гатаулла Багаутдинов. Он призывал татарских солдат в случае каких-либо выступлений держаться в стороне и не примыкать к восставшим и этим самым сохранить свои силы и кровь во имя мусульманства.

Я и председатель ротного комитета тут же отправились к М. Н. Вахитову, рассказали обо всем случившемся и попросили его приехать в роту. Но так как ему было дано распоряжение выступать на более серьезном собрании, он поручил это сделать другому товарищу и просил нас в меру нашего умения выступить самим и дал нам необходимые указания. Так и было сделано. После митинга командиру роты, как шуристу, водившему солдат на смотр к Шуро, было выражено недоверие. Командира отстранили и подтвердили аресту. На этом же собрании командиром роты выбрали меня.

За два—три дня до октябрьского переворота я был осведомлен М. Н. Вахитовым о предстоящих событиях, и он дал мне указание, как командиру 12-й мусульманской роты, выступить в бой, как только получу на это предписание. 24 октября 1917 г. я получил секретный пакет, лично адресованный мне, от полкового комитета. Мне было предложено немедленно в полном боевом порядке с ротой явиться в Казань в распоряжение полкового комитета. Мы немедленно двинулись к месту назначения.

Перед отрядами красногвардейцев и рабочих, после того как значительная часть 164-го полка переправилась на Арское поле, были поставлены две задачи: во-первых, отстоять дамбу, ведущую в Базью слободу, и отражать наступление юнкеров, во-вторых, наступать вдоль реки Казанки (участок Федосеевской улицы).

Бои на всех трех участках продолжались целый день. К концу дня в результате общего наступления восставших сопротивление юнкеров было сломлено. Их стали теснить со всех сторон: со стороны Адмиралтейской дамбы наступали отряды рабочих-зареченцев; по лугам к вокзалу и со стороны озера Кабан наступали 240-й полк, рабочие — крестовниковцы, шабановцы; вдоль берега реки Казанки — красно-

* Военный Совет — организация татарской буржуазии.

гвардейские отряды, части 164-го и 94-го полков и со стороны Арского поля — артиллеристы, части 95-го полка и части 685-й и 689-й дружин.

Утром, в 9 часов, 26 октября юнкера отступили по направлению к крепости. Восставшие вступили в город по Адмиралтейской дамбе, по Подлужному мосту через Казанку и со стороны Академической слободы. Юнкера запросили перемирия.

26 октября, в 3 часа ночи, в кремле начались переговоры между представителями восставших и представителями органов Временного правительства. Представители рабочих — алафузовцев, пороховиков, крестовниковцев и других предприятий — и представители революционных войсковых частей требовали сдачи правительственными войсками всего оружия и ареста их руководителей. Представители юнкеров умоляли оставить у них оружие для «личной охраны».

В это время была получена телеграмма о свержении в Петрограде Временного правительства и о переходе власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это полностью парализовало буржуазию, и юнкера сдались окончательно. 26 октября, рано утром, власть в Казани фактически перешла в руки пролетариата и солдат гарнизона.

26 октября, вечером, большевики созвали расширенное заседание Казанского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с участием представителей фабзавкомов и войсковых комитетов. На этом заседании был избран временный революционный комитет, в состав которого вошли: Г. Олькеппцкий, К. Якунов, Н. Шелиханов, А. Бочков, А. Карпов, И. Волков, Фролов, М. Н. Вахитов, А. Гипзбург и др.

Революционный комитет, а впоследствии Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, к которому перешла вся полнота власти, провел большую работу по борьбе с контрреволюционными выступлениями, по обеспечению революционного порядка, по созданию государственного аппарата, по установлению и упрочению советской власти на периферии.

Ревком уделял большое внимание вопросу усиления Красной гвардии. Отряды Красной гвардии, существовавшие отдельно на каждом предприятии, были объединены центральным штабом.

В ряде уездов Казанской губернии: в Казанском, Чистопольском, Спасском и Свияжском — власть советов была установлена вскоре после победы вооруженного восстания в Казани; в Мамалышском, Чебоксарском, Яринском уездах — в конце ноября — начале декабря; в Царевкокшайском, Цивильском, Тетюшском, Лаишевском, Козьмодемьянском — в конце декабря и в январе 1918 года.

В ряде уездных центров — в Чистополе, Спасске, Чебоксарах — местная буржуазия, кулачество с помощью эсеров и меньшевиков оказывали упорное сопротивление установлению и упрочению советской власти, организуя контрреволюционные восстания и свергая местами советскую власть. Не один раз Казанский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов посылал отряды Красной гвардии для ликвидации там контрреволюционных мятежей и для восстановления советской власти.

В феврале—марте 1918 г. казанскому пролетариату пришлось повести борьбу с контрреволюционным мятежом и в самой Казани. Речь идет о так называемой «Забумачной республике», которая была открытым вооруженным выступлением контрреволюционной татарской буржуазии против победившей Великой Октябрьской социалистической революции и попыткой создания буржуазно-националистического государства на территории Среднего Поволжья и Южного Урала.

При активном участии рабочих-татар, при помощи прибывшего из центра отряда моряков эта авантюра татарской буржуазии была ликвидирована. Власть советов в Казани упрочилась. Этому способствовало последовательное проведение в жизнь казанскими большевиками принципов ленинско-сталинской национальной политики.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

¹ «Камско-Волжская речь» от 24 октября 1917 года.

² Журнал «Коммунистический путь» за 1922 г. 11/18, стр. 43.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА У СЛАВЯН И ЗАДАЧИ СОВЕТСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Академик Н. Державин

I

Историческая наука у славянских народов родилась вместе с развитием капитализма и зарождением национальной буржуазии, в условиях напряженной борьбы этих народов за свое национально-политическое освобождение. В этой борьбе историческая наука играла крупную роль. Блестящими примерами в этом смысле могут служить исторические труды Добровского, Шафарика, Коллара, Палацкого — у чехов; труды Раича, Джулиана и др., по особенно Вука Караджича — у сербов; Курузевич-Сакцинского, Фраца Рачко — у хорватов; знаменитая «История словеноболгарская» Шапсия — у болгар; труды Нарушевича и его школы — у поляков.

На всех этих трудах лежит в большей или меньшей степени яркая печать национализма, национального пафоса и патриотизма, представляющие собой отражение в науке национально-освободительных устремлений своего времени. Внимание историков сосредоточивалось преимущественно на страницах славного исторического прошлого родного народа, носителем которого они считали, однако, не сам народ, не трудящиеся массы, а его командные классы в лице царей, королей и князей. В том числе и князей церкви — патриархов и епископов. Это была прежде всего история высших классов, не выходящая за рамки простых биографий и повествований о царских походах, об их войнах и битвах, о победах и поражениях. Народ оставался в стороне, на вторых ролях. В понимании историков эпохи зарождения исторического знания у славян, не народ делал историю, а высшие классы — в лице своих царей и королей, — и эти же классы создавали славу народа в его историческом прошлом.

Эти тенденции остаются в силе в буржуазной историографии всех славянских народов вплоть до настоящего дня. Такovy, например, исторические труды хорватского историка Шипича, сербского историка Станое Станоевича, болгарского историка В. Н. Златарского и др. Но особенно сильны эти тенденции в трудах так называемой Краковской исторической школы, представляющей в науке идеологию галицийского «юнкерства» и игравшей в польской исторической науке еще до недавнего времени ведущую роль¹. Однако влияние успехов западноевропейской буржуазной науки, с одной стороны, и обострение внутренних классовых противоречий — с другой, заставили буржуазных историков, отказавшихся от какой бы то ни было романтики, заняться специально экономическими проблемами истории. Этим проблемам сейчас у всех славянских народов уделяется довольно серьезное внимание.

Что же касается метода исторических исследований, то он попрежнему остается идеалистическим и метафизическим. В исторической науке у славян, как, между прочим, и в лингвистике и в литературоведении, господствует филологический формализм, характерный для всей буржуазной исторической науки на Западе. Сущность этого филологического направления, или «метода», как оно обычно называется в буржуазной науке, заключается в том, что исследователь имеет в центре своего внимания в качестве основного объекта исследования древний текстовый памятник или документ. Палеографическое и филологическое обследование этого памятника в пе-

лях определения его языка, редакции и подлинности составляет для исследователя основную и конечную задачу. Это так называемая филологическая критика.

Такая работа имеет, конечно, огромное значение и для языковеда, и для литературоведа, и для историка. Однако сама по себе эта предварительная работа над источником, весьма кропотливая и сложная, требующая специальных познаний и технических навыков, не представляет еще собой ни эпигвистики, ни литературоведения, ни истории. Подлинная наука начинается с того момента, когда документ прошел названную выше предварительную лабораторно-филологическую обработку.

Иначе обстоит дело в буржуазной науке. Здесь филологической критикой подменяется подлинная наука. Соответственно с этим типичным для буржуазной науки эпигвистическим исследованием является палеографическое обелелование памятника, в результате чего устанавливаются время написания памятника и его национальная (по языку) принадлежность. Типичным литературоведческим исследованием для буржуазной науки являются сравнительное изучение списков памятника, установление походной редакции, определение данной редакции сравнительно с прочими в смысле характерных для нее композиции и тематического или сюжетного содержания, определение времени происхождения памятника и в отдельных случаях и его автора, если памятник безымянный. Но главное, чем характеризуется в данном случае буржуазная наука, — это тем, что она изучает памятник в полном отрыве его от окружающей жизни, от социальной среды, отражением которой данный памятник является. Исследователь и наука замыкаются в памятнике и перестали видеть что бы то ни было, лежащее за пределами текста и грамматической формы. Даже такой крупный представитель славянской филологии, как Вotrслав Ягич, не избег этой участи. Начав свои славяноведные изучения в тесной увязке с широким культурно-национально-освободительным движением своей родной, хорватской общественности 60-х годов, впоследствии он стал враждебно относиться ко всякого рода общеную науке с политикой, настойчиво убегая в ученый «объективизм» от запросов живой жизни. Такое поведение представляет собою, конечно, не что иное, как ту же политику, но политику примиренчески-оппортунистического толка. Это и есть тот филологический формализм, которым характеризуется современная филологическая наука на Западе и который оказал свое влияние и на историческую науку у славян.

Блестящим представителем этого направления в исторической науке является уже названный выше болгарский историк — проф. В. Н. Златарский. Прекрасный знаток материала, образцовый филолог, он дал в своем капитальном труде «История на Българската държава през средните векове» типичный для буржуазно-исторической науки идеалистический и метафизический труд, в котором чисто субъективный анализ внутренней взаимобусловленности и взаимосвязи событий без какой бы то ни было увязки их с основными движущими силами исторического процесса доведен им до виртуозного мастерства. В подобного рода трудах буржуазных ученых история трактуется обыкновенно как ряд чисто количественных изменений в рамках «непрерывной эволюции», что в конечном счете приводит исследователя к механистическому истолкованию исторического процесса. Вполне понятно, что это истолкование не только не вскрывает подлинной исторической действительности, но заведомо искажает ее, и притом искажает в интересах господствующих классов.

II

В связи с изложенными выше фактами, характеризующими современное положение исторической науки на славянском Западе, перед советской наукой в области изучения истории славянских народов открываются широчайшие перспективы как в смысле коренного методологического пересмотра всего огромного наследия буржуазной науки, так и в смысле коренной переработки основных проблем истории славянских народов в соответствии с задачами передовой марксистско-ленинской науки.

«Славянский мир» интересует нас не какой-либо своей, не существующей фактически, специфической расовой изолированностью, не какой-либо отмежеванностью в процессе своего культурно-исторического развития от прочих народов мира: он интересует нас с точки зрения развития тех же основных этапов социального процесса, какие в равной мере общи всем без исключения народам мира. Так называемый

славянский мир — это один из своеобразных по языку и особенностям национального культурно-исторического развития участков единого общеевропейского фронта народов. Если мы говорим о «славянском мире» в об истории отдельных народов этого «мира», то этим самым мы вовсе не противопоставляем их какому-либо иному «миру» или иной «культуре», как нечто «исключительное», а ставим их рядом друг с другом, как равноправные народы в общей семье народов Европы и мира.

«Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству! — вот принципы рабочей демократии», — писал Ленин 10 мая 1913 г. в «Правде»².

Во имя этих основных принципов, во имя защиты интересов прогрессивного культурного и социально-экономического развития отдельных народов, равноправных во всех отношениях членов великой общечеловеческой семьи, во имя всемерной защиты свободы и прав народов в деле их хозяйственного и культурного национального развития мы относимся непримиримо враждебно ко всяким теориям расовой исключительности, ко всяким националистически-шовинистическим тенденциям и великодержавному панславизму, ко всяким попыткам отмежевать «славянский мир» в какую-то особую, замкнутую в себе культурно-историческую единицу, имеющую какие-то специфические задачи в общей семье народов мира, каких не имеют другие народы.

Объединение всех славянских народов в целях самообороны против наступающего на него кровавого фашизма нами, безусловно, приветствуется как важнейшая политическая задача, диктуемая нависшею над славянскими народами угрозой самому их существованию со стороны фашистского зверя.

Объединение вокруг Советского Союза всех братских славянских народов, как вокруг своей мощной опоры в борьбе с злейшим врагом и насильником славянства — кровавым фашизмом, — диктует советской исторической науке в качестве важнейшей очередной задачи всемерное содействие делу сплочения и укрепления единого международного фронта всех славянских народов для решительной борьбы до полного разгрома и уничтожения гитлеризма. Советская историческая наука окажет тем самым свою помощь героической Красной Армии и всему передовому человечеству в деле борьбы с гитлеровскими кровавыми полчищами.

Советская историческая наука, особенно за последний год, проделала большую работу по изучению истории славянских народов. Созданный в Институте истории Академии наук СССР сектор славяноведения и научные сотрудники университетов разработали ряд важнейших проблем истории славянства. Однако еще более крупные задачи стоят сейчас перед учеными, занимающимися этими проблемами.

Филологическому формализму, идеализму и метафизике советская историческая наука противопоставляет исторический материализм, марксистскую диалектику.

В распоряжении советской науки имеется и ряд достижений, среди которых мы отметим здесь одно, представляющее собой исключительное значение для истории, — это яфетическая теория акад. Н. Я. Марра.

Установленный акад. Марром принцип единства глоттогенетического и этногенетического процесса, т. е. единства процесса языкового развития человечества во всем мире, а равно и его открытия в области лингвистической палеонтологии нанесли решительный удар господствующей до сих пор в буржуазной науке так называемой индо-европейской теории в языкознании. Основные положения этой теории из языкознания вошли в историю, литературоведение, этнографию и в фольклор как установленные и общепризнанные на Западе принципы науки. Теория общего праязыка и общей прародины для каждой группы языков и народов привела к уродливым представлениям о развитии языка и культуры человечества, к изучению человечества в замкнутых, отмежеванных друг от друга группах родственных по языку народов. Необходимо отметить, что крупнейшие и наиболее авторитетные представители индо-европейской теории никогда не рассматривали общиндо-европейский язык и его носителя — праязык — как расово-моноклассный народ и никогда не связывали представления о языке с представлением о расе, т. е. никогда не говорили об этих огромных языках-группах как языках расово-отличных друг от друга народов. Тем не менее индо-европейская теория, несомненно, послужила благодарной почвой для выращивания на ней великодержавных тенденций и расовых теорий.

Индоевропейские языки и народы, или, по немецкой терминологии, индо-германские языки и народы, а по фашистской терминологии, — арийские народы, стали фашистами рассматриваться как наиболее передовой, совершенный, одаренный и ценный по своей культуре и культурности расовый тип, которому должны принадлежать мировое владычество и господство над всеми прочими народами. Конечно, сама по себе индоевропейская теория со всеми своими огромными достижениями в области сравнительного изучения индоевропейских языков (индийский, иранский, армянский, греческий, литовский и славянский, латинский и романский, кельтский, германский) неповинна в этой фашистской фальсификации и использовании ее данных для расистской теории. Все же в основных принципах своих теоретических построений она стоит в резком противоречии с огромными достижениями марксистской науки об обществе и развитии культуры мирового человечества. На этих достижениях выросло новое учение о языке акад. Марра, которое подрывает расистскую теорию немецких фашистов.

III

Какие же основные проблемы стоят сейчас перед нами в области изучения истории славянских народов? Прежде всего — труднейшая проблема этногенеза славянских народов. Труднейшая в силу своей сложности: она носит комплексный характер и представляет собой одновременно и историческую, и этнографическую, и лингвистическую, и философскую, и политическую проблему. Она проблема историческая, поскольку в своих построениях опирается на исторический материал; она проблема этнографическая, поскольку в основе своей имеет дело с вопросом происхождения народа; она же и проблема лингвистическая, поскольку этногенез всякого народа тесно связан с процессом становления его языка, и, наконец, в целом она проблема политическая, поскольку основным объектом своего изучения имеет народ, выступающий на арену исторической жизни в обстановке международного окружения и взаимосвязей.

Проблема эта имеет обширную литературу и обстоятельно разработана в деталях. Но эта разработка, построенная в основном на миграционной теории, органически вытекающей из индоевропейской теории общеславянской прародины и праязыка, носит чисто идеалистический и метафизический характер, а потому нуждается в коренном пересмотре на основе марксистской материалистической диалектики, т. е. нуждается в полном разрушении и в перестройке сверху донизу. Этого требуют от нас интересы подлинной марксистской науки, интересы борьбы с расовыми теориями фашистских фальсификаторов истории.

В тесной связи с проблемой этногенеза славян стоит проблема первобытно-родового строя у славян и славянской общины в древнейшее время, продолжающей и до сих пор еще кое-где у южных славян свое бытование в так называемой задруге. Несмотря на то что современная славянская задруга довольно хорошо представлена в трудах К. Иречка, К. Кедлеца, Пейскера, Бальцера, Марковича, Стржалега, Бобчева и целого ряда русских ученых, тем не менее проблема древней славянской общины, ее строя, внутренних отношений и культуры до сих пор не разработана с надлежащей полнотой и обстоятельностью ни у славян на Западе, ни в русской дореволюционной и советской науке. Изучение этой проблемы должно привлечь внимание исследователя-слависта к истории византийского права, в частности к законодательной деятельности исаврийской династии, к так называемой экалоге 740 г. Льва III Исавра (717—741) и Константина V Копронима (741—775) и особенно к «земледельческому закону». В последнем усматривается наличие элементов славянского обычного права, характеризующих общинные отношения у балкашских славян VII—VIII веков. Эта точка зрения, впервые высказанная д-ром Цахариэ фон Лингенталь в 1864 г.³, была детально разработана в 1878 г. знаменитым византиноведом акад. В. Василевским в статье «Законодательство иконоборцев»⁴. Точку зрения Василевского приняли выдающийся византиновед акад. Ф. И. Успенский⁵ и др. Противоположную позицию по этому вопросу занял византинист Б. А. Панченко. В 1904 г. вышло его исследование «Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы»⁶, в котором автор вопреки точке зрения В. Василевского, пришел к выводу, что в основе норм «земледельческого закона» лежат

личная крестьянская собственность и личное хозяйство; что он охраняет не как-либо права общины, но частную собственность и личную предприимчивость крестьянина; что аграрные отношения, по «крестьянскому закону», основаны на личной крестьянской собственности, рядом с которой существовала и неразделенная территория, находившаяся в коллективной собственности села, и т. д.

Несмотря на то что точка зрения Б. А. Папченко была критически рассмотрена и отвергнута уже в 1909 г. болгарским византинистом проф. Мутафчиевым⁷, этот разноречивый ставит перед советской наукой настоятельную необходимость критического пересмотра этой проблемы во всем ее объеме.

Изучению славянского первобытно-родового строя важно, в частности, в том отношении, что оно поможет нам правильнее подойти к разрешению проблемы образования и развития феодальных отношений у славянских народов, проблема, которая до сих пор остается или вовсе нетронутой в славянской историографии или если и разрешаемой, то в духе самой примитивной, антинаучной, дилетантской кустарщины. Характерное для буржуазной науки непонимание внутренней сущности феодализма как особой социально-экономической формации приводит славянских историков только лишь к чисто внешним описаниям фактов экономической истории. Так, например, основоположник чешской исторической науки Фр. Палацкий, останавливаясь перед целым рядом фактов разложения родового строя и формирования новых общественных отношений у чешского народа, приходит к выводу, что феодализм представляет собой явление, не развившееся органически на чешской почве, а занесенное сюда извне, из Германии.

Огромное место в истории всех славянских народов — южных, западных и восточных — занимает Византия. Изучение славяно-византийских отношений начиная с древнейших времен и вплоть до падения Константинополя в XV в. (1453) составляет одну из основных проблем нашей исторической науки. В истории Восточноримской империи славяне, как известно, сыграли роль тарана, который нанес сокрушительный удар по ее мировому могуществу, но вместе с тем Византия не только дала всем славянам, в том числе и западным, христианский культ на родном для них языке и первые начатки науки, искусства и литературы, но и положила печать своей культуры и просвещения на все дальнейшее развитие восточных и южных славян. У западных славян византийское влияние очень рано, уже в конце IX в., пришлось в столкновение с агрессивной римско-германской культурой, но окончательно слало свои позиции только в XI в., с ликвидацией в 1097 г. последнего его оплота — Сазавского славянского монастыря.

Совершенно не разработанный или разработанный крайне поверхностно и неудовлетворительно в славянской исторической науке до сих пор остается проблема образования первых государственных объединений у южных и западных славян: попрежнему здесь господствуют или «варяги» в лице такого-нибудь болгаро-турко-татарина Аспаруха, или франкского кулица Само у чехов, или же, еще проще, некий неуловимый «дух» с весьма явственным национал-шовинистическим ароматом. Сербский историк Станое Станоевич в своей «Истории сербского народа», вышедшей 2-м изданием в 1910 г. (Белград), обнаружил полное бессилие сколько-нибудь удовлетворительно объяснить образование из разрозненных славянских племен единого сербского народа и сербской государственности. Он не умеет даже наметить подлинных путей этого процесса и склонен видеть их, с одной стороны, в благоприятном географическом положении сербского племени сравнительно с другими родственными племенами, а с другой, — в его преимущественных физических и интеллектуальных способностях⁸. К. Ирекел отмахнулся от этих вопросов ссылкой на Дюммлера, ограничившись констатированием факта — *der Name der Serben wurde langsam ein Gesamtname für die Nachbarstämme*⁹ (имя сербов стало постепенно сводным именем для соседних племен).

Нисколько не улучшил положения вещей и Ф. Шиншич, автор «Истории хорватов», вышедшей в Загребе в 1925 году. Он не сомневается, что в начале IX в. когда в древних источниках выступает только общее имя народа — «славяне», — уже существовали отдельные племенные имена — «хорваты и сербы». Но с его точки зрения они вступили на историческую сцену только вместе с образованием политических областей. Случилось так, замечает автор, что один и тот же народ, вначале известный у источников под именем славян, стал группироваться вокруг двух пле-

меньших имен — «хорватов и сербов», — а впоследствии, по мере роста политической мощи того или иного, политическое имя каждого из них охватывало то больший, то меньший простор¹⁹.

Особенный интерес представляет собой история западной группы славянских народов, т. е. полабских и прибалтийских славян. Положительные исторические свидетельства говорят о том, что в VI столетии нашей эры славяне занимали всю современную Восточную Германию вплоть до средней Эльбы (Лабы) и ее югозападного притока Заалы, где славяно под именем мугилонов отмечены уже географом Страбонем в I в. до н. э. и нашей эры. В VI—VII вв. славяне распространялись и значительно далее на запад от Эльбы, о чем свидетельствует, в частности, установленная Карлом Великим в 805 г. так называемая *limes sorabicus* (сербская граница), проходившая западнее реки Эльбы. Отдельные славянские колонии под именем «*slavi*» фигурируют в источниках далеко на запад от названной границы, вплоть до реки Рейна. Город Гамбург в источниках IX в. называется «*civitas slavonum*» (город славян); о нем говорится, что он находился *in confinibus slavonum et danorum atque saxonum* (по соседству с славянами, датчанами и саксами). Компактное славянское население простиралось здесь вплоть до линии Киль—Неймюнстер — р. Альтра — Гамбург — Магдебург и т. д. У Люнебурга его компактное население переходило на левый берег Эльбы. Соседний с городом Люнебургом район реки Иетцель (сл. Несп), населенный некогда славянским племенем древане, сохранял свое славянское население вплоть до XVIII в. и до сих пор носит у немцев название «*Drawehn* и *Wendland*», т. е. «земля вендов», а вендами немцы называют славян.

Далее на юг западная граница отчасти компактного, отчасти разреженного славянского населения охватывала район г. Магдебурга и бассейна р. Салы с городами Галле, Мерзебург, Пена, Эрфурт, Гота и далее на запад, вплоть до городов Геттингена, Герсфельда, Фульда, Бамберга, Нернберга и Донауворта в верховьях Дуная. Мы располагаем богатейшими источниками X, XI, XII и XIII вв., которые совершенно ясно рисуют славянский облик населения указанной выше обширной территории современной Германии. При этом надо отметить, что население это не носило спорадического характера, не было вкраплено среди какого-либо иноязычного этнографического элемента, а представляло собой массовое, количественно весьма значительное население, что давало основания баварскому географу IX в. говорить о нем: «*Non sunt nati, sed seminati*»; другими словами: свою численность славяне производили на этого автора впечатление, что они не рождаются, а так бы вырастают путем посева.

Это сплошное славянское население на территории нынешней Восточной Германии распадалось на четыре основные группы: 1) огромную область сербов, колышком охватывавшую с запада, севера (Судетские горы) и востока группу чешских племен; 2) область ободричей у нижней Эльбы; 3) область лютичей к востоку от ободричей вплоть до р. Одры; 4) область поморян между реками Одрой и Вислой.

Тысячу лет тому назад, при ближайших преемниках Карла Великого (742—814) — Генрихе I (876—912) и Оттоне I (936—973), — впервые широким фронтом развертывается решительное наступление немецких завоевателей на Восток — на полабских и прибалтийских славян, — то наступление, которое известно в мировой науке и политике как немецкий *Drang nach Osten*. В результате этого наступления, сопровождавшегося неслыханными зверствами и жестокостью, уже во второй половине XII в. все ободричи, лютичи и поморяне подпали под немецкое иго, что было связано для них не только с утратой политической независимости, но и с потерей национальности. Самооборона славянских народов, живших дальше на востоке, против наступавшего на них немецкого хищника отмечена целым рядом знаменитых героических эпизодов, вроде Ледового побоища (1242) и Грюнвальдской битвы (1410).

История группы чешских славянских племен, оказавшихся на наших глазах первой жертвой неслыханного в истории фашистского разбоя, уже начиная с VII в. н. э., т. е. с образования первого западнославянского государства Само, и вплоть до настоящего дня представляет непрерывную борьбу народов Чехословакии в защиту своей политической независимости и национального самосохранения, против наступления немецких варваров. В результате этой многовековой борьбы Чехия, как и Польша, постепенно наводняется немецкими колонистами, которые с древнейших времен

начинают вносить в общественную, экономическую и культурную жизнь чешского и польского народов разлагающий элемент германизации.

Сложные чешско-немецкие национальные взаимоотношения связаны тесно с немецкой колонизацией. Без понимания этой проблемы не могут быть поняты отдельные образцы и специфические особенности чешского исторического процесса. Если к сказанному мы прибавим наступательную политику австро-германского блока на Ближнем Востоке и в славянских странах Балканского полуострова — в Сербии и Болгарии — начиная со второй половины XIX в., мы получим комплекс сложных исторических событий, выдвигающих в целом огромную историческую проблему славяно-германских отношений. Разрешить эту проблему во всей ее сложности и надлежащей полноте может только советская наука.

Неключительный интерес для советской науки представляют религиозно-рационалистическое движение в славянских странах — начиная с так называемого «богомильского» движения у болгар, хорватов и сербов (X в.) и кончая гуситскими войнами и реформацией у западных славян (XV в.).

Гуситские войны — это величественная эпопея борьбы угнетенного чешского народа за свое национальное раскрепощение. Чешская буржуазная наука, уделяющая всегда гуситским войнам и гуситскому движению исключительное внимание, совершенно основательно рассматривает гуситское движение как один из важнейших моментов чешской национальной истории. Начиная с эпохи чешского национального возрождения в начале XIX в. в чешской истории, литературе, искусстве никогда не ослабевал интерес к этой героической эпопее чешского народа. Гус и гуситство в национальной чешской истории были теми страницами, из которых чешская национальная интеллигенция всегда брала лозунги в борьбе за освобождение чешского народа*. Однако ко всем работам чешских буржуазных историков, посвященным эпохе гуситских войн, с полным основанием могут быть применены слова Энгельса: «Хотя историкография уже достаточно затруднила нам, особенно в Германии, понимание великой исторической роли борьбы классов, и нам нет ни малейшей надобности делать его совершенно невозможным, низводя историю этой борьбы на степень простого придатка к истории церкви»¹². Представитель чешской революционной демократии знаменитый Карл Гавличек-Боровский (1821—1856) в одной из своих сатир, направленных против лицемерия буржуазии, едко высмеял стремление буржуазной науки представить гуситские войны как чисто религиозное движение.

«Из-за чего происходили гуситские войны?» — спрашивает автор и отвечает: «Ими должно было разрешить, вкушать ли боже тело с подливой или без подливой».

Завоевание османскими турками народов Балканского полуострова в XIV в. и ликвидация Византийской империи в XV в., открывшие перед турками свободную дорогу для распространения своих завоеваний далеко на север от Дуная и северного побережья Черного моря, служат важной вехой в истории славянских народов. На целый ряд веков они задержали и изуродовали естественный рост производительных сил народов полуострова, развитие национальной экономики и национальной культуры. Турки отрезали черноморское и азовское побережья от русского народа, естественного владельца этих побережий, испокон веков исторически, экономически, политически связанного с ними. Они на целый ряд веков заперли для восточных и южных славян Черное море и тем самым лишили причерноморские народы кратчайшей и легчайшей связи с народами Средиземноморья, с их промышленностью и культурой. Будучи сами отсталыми в экономическом и культурном отношении, турки задержали экономический и культурный рост подвластных им славянских народов, создав тем самым условия для превращения угнетенных славянских народов полуострова в объект самой наглой со стороны западноевропейских промышленников и торговцев эксплуатации. Завоевание народов Балканского полуострова, Крыма, северного причерноморского и приазовского районов османскими турками представляет важнейшую проблему в истории славянских народов и заслуживает особого внимания советского историка как проблема славяно-турецких отношений в прошлом.

Зарождение капитализма и подъем национальной буржуазии у южных и западных славян в конце XVIII и начале XIX в. вызвали в славянских странах полу-

* «Табор» — наша программа (Масарик).

острова и у западных славян широкое национально-освободительное движение. История национально-освободительного движения и национальных буржуазно-демократических революций у славян представляет широкий исторический интерес, выходящий далеко за пределы чисто местных национальных интересов. Поднять эту проблему настоящим образом может только советская наука, имеющая в своем распоряжении для ее разработки классическое руководство по национальному вопросу в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина.

История образования новых славянских государств после первой империалистической войны; борьба классов и рабочее движение в славянских странах в эпоху империализма и пролетарских революций; проблема национальных меньшинств в славянских странах; история крестьянских движений и крестьянских восстаний у славян начиная с древнейших времен и кончая современностью и т. д. — все эти вопросы остаются пока не освещенными в нашей науке.

Мы далеко не исчерпали всей проблематики, которая, с нашей точки зрения, в первую очередь может и должна привлечь к себе внимание советской науки в области истории славянских народов. Коллективный труд историков должен внести в наш перечень свои поправки и дополнения. Во всяком случае, и в своем настоящем виде, как предварительная, ориентировочная пометка основной проблематики по истории славянских народов, он достаточно ясно и убедительно говорит о том, какой огромный научный интерес и какую огромную актуальную значимость для советской науки представляет изучение истории славянских народов.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

¹ Подробнее см. в статье М. Джервиса «Польская историческая наука на VII международном конгрессе историков (1933)». «Историк-марксист» за 1934 год. Кн. 2(36).

² Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 389.

³ Zachariae von Lingenthal Karl Eduard. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. 1864, 1892.

⁴ См. Журнал министерства народного просвещения (ЖМНПР). Октябрь 1878 года. Ч. 199-я, стр. 258, и ноябрь 1878 года. Ч. 200-я, стр. 95.

⁵ ЖМНПР за 1883 год. Ч. 225-я, ст. Ф. Успенского «К истории крестьянского землевладения в Византии».

⁶ «Известия русского археологического института в Константинополе». Т. IX. Выпуски 1—2.

⁷ См. его «Сельско землевладение в Византии». Сборник за народни умстворення, наука и книжнина. Кн. XXV. Ч. 2-я, стр. 3—72. София. 1909.

⁸ См. его «История сръбского народа», стр. 48. Белград. 1908.

⁹ См. его «Geschichte der Serben». Bd. I, S. 117, 120—122. Gotha. 1911.

¹⁰ Sisié Ferdo «Povijest Hivata». Zagreb. 1925.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 657.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

СОВЕТСКИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО НОВОЙ ИСТОРИИ ЗА 25 ЛЕТ

Проф. А. Ефимов

Публикация источников по новой истории лимитировалась тем, что большинство основных архивных фондов по истории зарубежных стран находится вне пределов СССР. Однако в СССР имеются свои большие и важнейшие фонды по новой истории.

Первая группа архивных фондов — это фонды по истории международных отношений, которые имелись в России еще в до-революционный период и оказались доступными для историков благодаря Октябрьской социалистической революции. Другая группа фондов — лучшее в мире собрание рукописей Маркса и Энгельса — была создана в СССР советской властью и большевистской партией. Кроме того много документов по истории зарубежных стран находится в персональных и других фондах наших архивов и в рукописных отделах академических библиотек.

В первые же недели существования советской власти наметились две основные линии документальных публикаций по вопросам новой истории. Первая — издание произведений Маркса и Энгельса. Потребность в изданиях их трудов была огромна, значение этих публикаций исключительно велико, и в 1922 г. был учрежден Институт Маркса—Энгельса, преобразованный затем в Институт Маркса—Энгельса—Ленина. Этот Институт собрал лучшие в мире рукописные фонды произведений основоположников марксизма и значительную библиотеку по истории социализма и истории вообще. На Институт была возложена задача публикации произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Другая линия публикаций по новой истории — издание документов по международной политике. Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции наша страна четвертый год находилась в войне, главная тяжесть которой была вынесена русскими войсками и нашей страной. Потребность в том, чтобы осознать сущность, характер этой войны, найти ее виновников, найти выход из нее, была настолько острой. Сейчас же после установления советской власти Наркоминделом были опубликованы под ответственной редакцией матроса тов. Маркина (погибшего затем на колчаковском фронте) тайные договоры и другие документы о происхождении первой мировой войны. Это издание не претендовало на научность, но политическое его значение было огромно. Оно

вызвало множество ответных публикаций в Европе и дало толчок к появлению ряда последующих научных советских публикаций по международным отношениям.

Обратимся теперь к публикациям материалов ИМЭЛ, относящимся к новой истории.

Издание сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина имеет огромное значение, так как их выход в свет создал условия для углубленного изучения замечательных исторических источников и произведений, овещающих развитие, формирование научного социализма и современную стадию марксистско-ленинской теории.

Сочинения Маркса и Энгельса составляют в общей сложности 29 томов¹. Все они уже вышли в свет, за исключением XX и XXIX томов, также подготовленных к печати. Это капитальнейшее издание огромной важности является первым в мире и единственным научным и наиболее полным собранием сочинений творцов материалистической диалектики, основоположников научного социализма. Предшествующие издания, выходявшие после смерти Энгельса, а в их числе и издания германской социал-демократии под редакцией Эдуарда Бернштейна, воспроизводили сочинения Маркса и Энгельса в ряде случаев в искаженном, а иногда и прямо в фальсифицированном виде.

Издание ИМЭЛ воспроизводит полностью, без купюр и изменений, подлинные тексты гениальных трудов Маркса и Энгельса. Первые пять томов этих сочинений дают возможность ознакомиться с формированием теории научного коммунизма Маркса и Энгельса. Сюда включены такие работы, как «Немецкая идеология», которая при жизни Маркса не нашла издателя и впервые в полном и научном издании увидела свет лишь в СССР. Между тем это произведение имеет исключительно важное значение для изучения процесса выработки и сущности философской системы и политической теории Маркса и Энгельса, их учения о диктатуре пролетариата.

В томе V сочинений Маркса и Энгельса помещены «Принципы коммунизма» Энгельса и «Манифест коммунистической партии». В течение 1922—1940 гг. «Манифест коммунистической партии» издавался ИМЭЛ шесть раз. Особенно большое значение имеет издание 1940 г., перевод которого был заново пересмотрен и отредактирован.

Это значительное произведение, как и многие другие издания ИМЭЛ, переведено на языки народов Советского Союза.

VI—VIII томы сочинений Маркса и Энгельса содержат произведения, написанные в период революции и контрреволюции 1848—1849 гг. в Европе. В этих томах помещены исторические работы К. Маркса «1848—1849. [Классовая борьба во Франции]» и К. Маркса и Ф. Энгельса «Революция и контр-революция в Германии», которые не только являются ценнейшими историческими источниками, но и создали эпоху в развитии исторической науки, так как явились первыми произведениями, в которых целые периоды истории были освещены на основе открытого и разработанного Марксом и Энгельсом метода исторического материализма.

Кроме того в этих же томах помещены «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельса, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса, а также впервые воспроизведена по рукописи статья Энгельса «Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г.». Эта статья содержит анализ политического положения того времени и блестящий обзор наполеоновских войн; эта же статья дает ряд ценнейших указаний по вопросу о войне вообще.

IX—XII томы сочинений Маркса и Энгельса охватывают статьи и корреспонденции, написанные в период реакции, наступившей в Европе после поражения революции 1848—1849 гг., и в годы подъема национально-буржуазных и пролетарских движений — в конце 50-х и начале 60-х годов. В эти томы входят и некоторые экономические работы, как например создавшее эпоху в развитии экономической науки произведение «К критике политической экономии». Материалы названных томов дают огромный и частью новый, впервые публикуемый материал. Здесь собраны статьи Маркса и Энгельса, которые появлялись в венской радикальной газете «Die Presse», в «The New-York Daily Tribune» и других изданиях, часто без подписи их авторов. Собранные вместе, эти статьи дают замечательный материал для понимания международных отношений того периода политической истории Англии, сущности и хода гражданской войны в Америке, национально-освободительного движения в Италии, в германских государствах, национальной борьбы в Ирландии, событий в Китае и в Индии, восточного вопроса и Крымской войны, истории испанских революций XIX в. и многих других проблем.

Две части обширного XIII тома сочинений Маркса и Энгельса содержат ценнейший и в известной части впервые публикуемый материал по истории Международного товарищества рабочих. XIV—XVI томы посвящены философским работам: «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» (это произведение впервые было напечатано в СССР), «Людвиг Фейербах» — и статьям и корреспонденциям периода от поражения Парижской коммуны до смерти Маркса, а затем и Энгельса. В этих томах помещен

замечательный партийный программный документ — «Критика Готской программы» К. Маркса. Гениальные произведения Маркса «Капитал» и «Теория прибавочной стоимости» помещены в XVII—XX томах. Переписка между Марксом и Энгельсом и их переписка с третьими лицами (томы XXI—XXIX) завершает издание.

Письма Маркса и Энгельса к третьим лицам были впервые собраны и впервые же опубликованы в советском издании.

Одним из видов научных публикаций ИМЭЛ является издание произведений Маркса и Энгельса на тех языках, на которых эти работы были написаны и впервые опубликованы.

В этом издании (7 томов работ, написанных до 1848 г., и 4 тома переписки) публикуется, по возможности, все литературное наследство Маркса и Энгельса, включая и не появившиеся еще в печати рукописи, подготовительные работы, наброски, планы, варианты и др.

Много нового в изучении истории зарубежного рабочего движения внесла принятая ИМЭЛ публикация протоколов и других материалов конгрессов и конференций Международного товарищества рабочих. Уже вышли в свет следующие издания этой серии: «Базельский конгресс I Интернационала 1869 г.» (ИМЭЛ. М. 1934) и «Лондонская конференция I Интернационала, 17—23 сентября 1871 г.» (ИМЭЛ. М. 1935). В этих изданиях собраны и подвергнуты тщательной проверке оригиналы, фотокопии или современные конгрессам издания их протоколов в виде отдельных бюллетеней или сборников, частью же материалы взяты из газетных отчетов. Большинство этих материалов опубликовано на русском языке впервые, часть их до того вообще не была опубликована*. Бесспорно большой интерес представляет одна из новейших документальных публикаций ИМЭЛ — «I Интернационал в дни Парижской коммуны»**.

* Так например в приложениях и протоколах Базельского конгресса I Интернационала помещены письма Маркса к де Папу и письма участников Базельского конгресса Марксу. Среди них пять писем Лесснера, являющиеся почти протокольной записью хода заседаний и подробной информацией о закулисной стороне конгресса. Там же опубликованы (также впервые) письма Лафарга Марксу, которые содержат подробный отчет о заседании Генерального совета 24 сентября 1869 года. Протоколы Лондонской конференции характеризуют борьбу за партию, против сектантства, против вреднейшей дезорганизаторской деятельности бакунистов.

** Это издание входит в серию «I Интернационал в документах». Здесь в большей части впервые опубликованы протоколы Генерального совета Международного товарищества рабочих с конца февраля по конец мая 1871 г., т. е. за период от кануна захвата власти ЦК Национальной гвардии и кончая трагическими событиями кровавой майской недели. Вторая часть

К числу публикаций, вводящих в лабораторию научного исследования классиков марксизма-ленинизма, относятся такие издания, как «Архив Маркса и Энгельса», «Ленинский сборник», или такие, например, сборники материалов, как «Хронологические выписки К. Маркса» или Ленинские «Тетради по империализму».

«Архив Маркса и Энгельса» имеет самостоятельное значение и занимает самостоятельное место наряду с собранием сочинений Маркса и Энгельса. Там помещены различные варианты работы Маркса «Гражданская война во Франции», не вошедшие в собрание сочинений; там опубликован ряд предварительных набросков Маркса по экономическим проблемам: черновые наброски «Капитала» и неопубликованные первоначальные составные части этого произведения, статьи Энгельса «Брентано contra Маркс» («Архив», Т. II), выписки Маркса, сделанные из газет времен Парижской коммуны, «Хронологические выписки» К. Маркса («Архив», Т. V—VII и др.).

Огромное значение для изучения новой истории имел выход впервые появившегося при советской власти издания сочинений В. И. Ленина. В настоящее время начато 4-е издание сочинений В. И. Ленина, два тома которого уже вышли².

Работы И. В. Сталина «Вопросы ленинизма» (11-е изд. М. 1939), «Марксизм и национально-колониальный вопрос» (1934, 1935, 1936, 1937, 1938, 1939), статьи, помещенные в сборниках «Ленин Сталин. Избранные произведения 1917 года», И. Сталин «О великой отечественной войне Советского Союза» (М. 1942) имеют колоссальное значение для изучения новой истории. Эти произведения, вооружая историков научной методологией, дают решение многих важнейших проблем новой истории. Работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина являются основой, на которой происходило и происходит развитие исторической науки в СССР.

Много нового в науку внес журнал «Пролетарская революция» своими публикациями документов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Так например в № 3 «Пролетарской революции» за 1929 г. опубликована не известная до того времени рукопись К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», имеющая исключительно важное значение для исследования отправной проблемы новой истории — проблемы генезиса капитализма. В № 9 «Пролетарской революции» за 1938 г. впервые была опубликована брошюра К. Маркса «Мелкие расколы в Интернационале», написанная в ответ на поток лжи

и клеветы, направленный против Интернационала и Маркса, который обрушился на них после поражения Парижской коммуны. В той же квинжизе журнала была напечатана считавшаяся утерянной тетрадь выписок В. И. Ленина об империализме и другие не публиковавшиеся ранее документы Ленина.

Огромный интерес представляют ленинские «Тетради по империализму». Эти выписки составили толстый том (свыше 700 страниц). Они показывают, какая колоссальная работа была проделана Лениным за период с 1912 по 1914 год. Для данной работы им были сделаны выписки из 148 книг и 232 статей. Ленинская работа «Империализм как высшая стадия капитализма», являющаяся продолжением «Капитала» Маркса, установила новые закономерности в развитии капитализма. Разрабатывая эти проблемы на основе большого количества источников и литературы, Ленин привлек материал о новых явлениях в экономическом и политическом развитии капиталистических стран. Выписки, сделанные Лениным, сопровождаются рядом его замечаний и пометок и составляют неопеченный клад для всякого работающего в области марксистской теории и новой истории.

Особо должна быть отмечена такая работа Ленина, опубликованная в «Тетрадах по империализму», как синхронистическая таблица «Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 г.».

Трудно переоценить значение для развития всей исторической науки в целом и, в частности, для новой истории выхода в свет «Краткого курса» истории ВКП(б), который за четыре последних года разошелся в количестве 19 млн. экземпляров.

Партиздат выпустил многие исторические работы Маркса и Энгельса отдельными изданиями и ряд тематических сборников произведений классиков марксизма, рассчитанных для использования самой широкой аудиторией. Назовем, например, из сборников, относящихся непосредственно к новой истории, такой чрезвычайно полезный и пользующийся большой популярностью сборник как «В. И. Ленин о Парижской коммуне», вышедший во многих изданиях, сборник К. Маркс и Ф. Энгельс «Парижская коммуна» (Госполитиздат, 1938 г.) или сборник «Маркс-Энгельс марксизм», или же «К. Маркс. Документы I Интернационала», изданный в 1939 г. и содержащий некоторые письма Маркса и Энгельса, освещающие историю и значение I Интернационала.

Многие документы классиков марксизма-ленинизма были впервые опубликованы в «Правде».

Все издания ИМЭЛ и Партиздата отличаются прекрасным оформлением, но и среди них особо следует отметить чрезвычайно удачное в художественном отношении издание «Коммунистического манифеста»; также хорошо оформлены «Мемуары о Марксе», вышедшие в издании «Молодой гвардии» в 1940 году.

книжки состоят из писем членов Интернационала о Коммуне. Все вошедшие в сборник документы, за немногими исключениями, опубликованы по подлинникам или по фотокопиям подлинников, хранящихся в архиве ИМЭЛ. Ценнейший материал, недавно увидевший свет благодаря этой публикации, ждет своего исследователя.

Наряду с публикациями произведений классиков марксизма-ленинизма было уделено внимание изданию источников по истории научного и утопического социализма.

В 1923 г. Государственное издательство выпустило в свет русский перевод одного из ценнейших источников по истории утопического социализма — книгу Ф. Буонаротти «Гражд. Бабеф и заговор равных». Этот источник представляет особый интерес, с одной стороны, потому, что он написан ближайшим другом Бабефа и одним из руководителей «Общества равных», но кроме того в этой книге дан общий очерк французской революции XVIII в., принадлежащий перу революционного утопического коммуниста. От этого источника ведет начало традиция в историографии французской революции, которая в своем дальнейшем развитии и изменении приводит к научной социалистической концепции истории французской революции. Главное же: эта книга проливает свет на историю деятельности замечательного трибуна и революционного утопического коммуниста Бабефа.

В 1937 г. Институт философии Академии наук СССР опубликовал ряд важнейших произведений Шарля Фурье — «Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытия» (М. 1938) и «Новый промышленный и общественный мир или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии, организованной по сериям, построенным на страстях» (М. 1939). Данные произведения Фурье характерны тем, что раскрывают его метод, содержат наиболее яркие страницы, посвященные критике капиталистического строя, и дают изумительные по яркости и содержательности, иной раз фантастические, картины будущего строя человечества.

Для истории социализма имеют большое значение научные публикации материалов по истории Парижской коммуны. Должно быть отмечено русское издание «Протоколов Парижской коммуны» 28 марта — 30 апреля 1871 г. (М. 1933). Впервые этот том был издан во Франции Буржемом при содействии Г. Анрио. Подлинники находятся в Bibliothèque historique de la ville de Paris. Публикация дает ценнейший материал о деятельности Коммуны, о ее мероприятиях в области социального законодательства, о борьбе Коммуны с Версалем и по другим вопросам*.

Интересные и новые источники о Коммуне публиковались в «Литературном наследстве». К числу таких материалов относятся листовки, выходившие под заголовком «Виселица». Эти листовки о Парижской коммуне издавались в дни Коммуны, в апре-

ле—мае 1871 г., в России. Автор их, революционный народник Н. П. Гончаров, подзывал к выступлению с оружием в руках на помощь коммунарам («Литературное наследство» № 1 за 1931 г.).

Обратимся теперь к публикациям по истории международных отношений. Эти публикации, как и публикации по истории социализма, являются ценным вкладом в мировую науку. Большое количество не опубликованных ранее архивных материалов стало общим достоянием благодаря журналу «Красный архив», который начал выходить в 1922 г., поставив своей основной задачей разоблачение тайн империалистической политики и дипломатии и опубликование документов, представляющих исторический или историко-литературный интерес. Основная масса публикаций этого журнала в области новой истории представляет документы по истории международных отношений за самые различные периоды и документы по вопросу о политических и культурных связях нашей родины и зарубежных стран.

В первом же томе «Красного архива» помещен обширный материал о русско-германских отношениях, начиная с 1873 по 1914 год. Опубликованные материалы представляют большой научный интерес. Они разоблачают агрессию германского империализма и опровергают те антинаучные комментарии, которыми их снабдил при издании М. Н. Покровский.

Последующие томы «Красного архива» ознакомили читающий мир с большим количеством ценнейших, до тех пор не опубликованных источников, как например доклады б. министра иностранных дел Сазонова Николаю Романову, семейная переписка Романовых, переписка и дневники Кокорцева, Половцева, Куропаткина, Столыпина. Были также опубликованы материалы русского верховного командования, материалы о портсмутских мирных переговорах, об англо-русском соглашении 1907 г. и русско-германском договоре 1905 г., о потсдамском соглашении 1911 г., о берлинском конгрессе 1878 г., о революции 1830 г. в Бельгии, о польской войне 1794 г. в реляциях и рапортах А. В. Суворова, о румынском произволе в Бессарабии, о плане Наполеона I совершить десант на Британские острова, и т. п.

Особо следует отметить в журнале «Красный архив» такие крупные публикации, как «Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг.» (томы XXXI и XXXII) и «Ставка и министерство иностранных дел» (томы XXVI—XXX), а также публикации на разные темы, подготовленные Е. В. Тарле, А. Л. Поповым, А. С. Ерусалимским, Е. А. Адамовым, Д. О. Заславским, В. М. Хвостовым, Р. А. Авербух, В. В. Максакковым и многими другими историками.

Многие публикации «Красного архива» были переведены на иностранные языки или же отмечались за границей в научно-исторических журналах.

* Особое место занимает небольшой сборник «Письма рабочих Парижской коммуны» (М. 1933), содержащий впервые опубликованные три корреспонденции в редакцию парижской революционной газеты «Père Duchêne», подлинники которой хранятся в архиве ИМЭЛ. Этот сборник характеризует инициативу парижских рабочих в дни Коммуны.

Часть документов, опубликованных в «Красном архиве» в первые годы его существования, вошла в серию изданных по поручению НКВД сборников по вопросу о происхождении и событиях дипломатической истории первой мировой войны³.

Новый этап в публикации документов по международным отношениям открыло издание «Международные отношения в эпоху империализма. Документы царского и Временного правительств, 1878—1917 гг.» (1931). Вышли томы XVIII—XX (2 серии) и том I (3 серии). Особенность этой публикации заключается в том, что это единственная из официальных публикаций европейских правительств, в которой систематически изданы документы периода первой мировой войны. Все европейские официальные публикации останавливаются на 1914 г., и исследователи периода первой мировой войны не только в России, но и во всех других странах, в особенности в Англии и во Франции, а также в ряде других государств (Иран, Швеция и др.) могут пользоваться и пользуются только советской публикацией. К тому же, хотя основной задачей советской публикации являлось «наиболее полное и всестороннее освещение основных линий внешней политики царской России», в ней в известной мере получала освещение и политика других государств. Вторая особенность данной публикации заключается в том, что это единственная в мире официальная публикация, которая воспроизводит включенные в нее документы без всяких сокращений, с сохранением всей полноты текста. Материалы названной публикации расположены в строго хронологическом порядке. Все документы в публикации даются на языке их оригиналов, и сопровождаются точными переводами. Издание снабжено тщательно составленными указателями: именованным, указателем корреспондентов и указателем тем дипломатической переписки. Эта публикация дает бесспорный, научно доброкачественный материал первоклассной важности. Советская публикация разоблачает фальсификации, произведенные в Германии при издании русских документов. Так, в публикациях Штыве и Зиберта, изданных по заданию германского министерства иностранных дел и содержащих материалы русских послов в Париже — Извольского — и в Лондоне — Бенкендорфа, — текст был фальсифицирован. Эта подделка была установлена советскими историками, которые, публикуя подлинные тексты документов, указали, в каких местах и как был фальсифицирован текст в немецких официальных изданиях.

Документы довоенной серии весьма подробно освещают дипломатическую обстановку агадирского кризиса, триполитанской войны и балканских войн. Они раскрывают во многих новых деталях агрессивную политику германского империализма, стремившегося захватить Марокко и укрепить свое влияние в средиземноморском бассейне. Они показывают провокационные методы, применявшиеся рядом германских дипломатов. Они раскрывают также агрессивные методы итальянского империализма, набросившего-

ся на Турцию, чтобы захватить Триполитанию и Киренаику (Ливия). Наконец, они раскрывают методы, которые использовала австро-германская дипломатия, чтобы подготовить и подтолкнуть Болгарию к нападению на ее союзников в 1913 году. Изданные первые пять томов ее третьей серии с совершенной очевидностью показывают, что российское правительство хотя и ожидало войны и готовилось к ней, но отнюдь не играло активной роли в развязывании первой мировой войны.

IV и V томы дают материалы непосредственно об июльском кризисе 28 июня — 4 августа 1914 года. Документы третьей серии дают новые интересные данные о переговорах и мероприятиях, направленных к консолидации политических взаимоотношений и военных усилений, имевших своей целью разгром Германской империи. VI том и следующие дают большую серию дипломатических документов, освещающих вопрос о координации действий фронтов и об огромном значении русского фронта в ходе первой мировой войны*.

Переходя к публикации монографического типа, особо отметим ценное документальное издание — «Наступление югозападного фронта в мае — июне 1916 г. Сборник документов» (Центр. Гос. истор. архив. М. Воениз. 1940). Документы, опубликованные в этом сборнике, освещают одну из славных страниц истории русского оружия.

В связи с этой публикацией надо назвать книгу А. А. Брусилова «Мои воспоминания», изданную Воениздатом в Москве в 1941 году.

В 1942 г. в Москве вышел сборник Управления государственными архивами НКВД СССР «Документы о немецких зверствах в 1914—1918 гг.». Этот сборник состоит из двух частей; в одной из них имеются данные о чудовищных зверствах немцев во время первой мировой войны—1914—1918 гг., а во второй — о злодеяниях немецких оккупантов на советской территории в 1918 году. Во второй части сборника помещены также документы о народной войне против немецких захватчиков.

В числе исторических источников важное место занимают мемуары, дневники и переписка. Наибольшее количество мемуаров было опубликовано в плане истории международных отношений. Большой интерес представляет научное издание мемуаров Бисмарка с обширной вступительной статьей проф. А. С. Ерусалимского⁴. Это — первое издание из намеченной серии «Библиотека внешней политики», которая должна включить в себя как мемуары дипломатов, так и монографии по истории дипломатии и внешней политики, а также и по международному праву. К этому же типу мемуаров относятся мемуары французского дипломата

* Начатая под руководством М. Н. Покровского, в последний год эта публикация ведется комиссией в составе А. С. Ерусалимского, Ф. А. Ротштейна и Г. Могилевича.

Талейрана, князя Перигора, вышедшие в 1934 году⁵. Эти мемуары снабжены предисловием акад. Е. В. Тарле, представляющим самостоятельное исследование.

Кроме того отметим издание мемуаров Витте⁶, дневников Ламздорфа⁷. Большой интерес представляют мемуары Ю. Соловьева «25 лет моей дипломатической службы» (М. 1928) и получившие широкую известность мемуары военного и дипломата Игнатьева «50 лет в строю» (М. 1942). Был издан ряд дневников политических деятелей Антанты, полковника Хауза⁸, который перед самой войной 1914 г. совершил путешествие в Европу с целью создания блока из США, Англии, Японии и Германии; Бьюкенена⁹, Ллойд Джорджа¹⁰, мемуары Лиддель-Гарта¹¹, Р. Пуанкаре¹², Поля Луи¹³.

На издании мемуаров, как и на других документальных публикациях, сказалось влияние М. Н. Покровского и его «школы». Например в предисловиях к мемуарам Пурталеса¹⁴ и Тирпица всемерно обеляется, в духе М. Н. Покровского, германский империализм. Однако само фактическое содержание мемуаров решительно противоречит версии «школы» Покровского и самым убедительным образом ее опровергает*.

Нельзя пройти мимо документальных публикаций журнала «Литературное наследство». Хотя в большинстве своем эти материалы освещают вопросы истории мировой литературы, но в ряде случаев в нем помещались и материалы, не относящиеся к литературе, но имеющие большое значение для общей истории. Особый интерес в плане новой истории представляют специальные русско-французские томы: XXIX—XXX, XXXI и XXXII. В этих томах «Литературного наследства» опубликованы тексты Даламбера, Гельвеция, не известные ранее материалы, относящиеся к творчеству Ж.-Ж. Руссо, Шатобриана, Ламартина, г-жи де Сталь, Бенжамена Констана, Сент-Бёва, Жорж Занд, Беранже, Золя и других писателей и политических деятелей. Публикации этих томов в основном касаются литературных взаимоотношений России и Франции в XVIII—XIX вв. и группируются вокруг трех основных тем: французской просветительской литературы, французской революции 1789 г. и наступившей вслед за ней общеевропейской реакции.

Во II томе сборника «Русская культура и Франция» в приложении к статье В. Люблинского «Наследие Вольтера в СССР» публикуются рукописи Вольтера, приобретенные Екатериной II вместе с библиотекой Вольтера. В одной из публикаций содержится 178 писем Вольтера д'Аржанталю, часть которых некогда раньше не была опубликована, а другая часть бы-

ла опубликована неточно. Письма Вольтера к д'Аржанталю дают ряд новых моментов биографии Вольтера, картину быта и социально-политической обстановки его жизни в период 1734—1761 годов.

Новые материалы сообщены в публикации «Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И. М. Симолина». В этом же томе помещены рукописи Жозефа де Местра — его дипломатическая переписка с русскими корреспондентами.

Интересны приложения к исследованию Л. Гроссмана «Бальзак в России»¹⁵. Особо следует отметить публикацию под ред. Е. В. Тарле «Донесения Якова Толстого III отделению», освещающую ряд моментов истории французской печати с середины 30-х годов до начала Крымской войны 1854—1856 гг.¹⁶

Журнал «Историк-марксист» уделял документальным публикациям сравнительно немного места. Главным образом эти публикации касались вопросов истории научного социализма и распространения произведений Маркса и Энгельса в России и некоторых вопросов истории революционного движения, например французской революции XVIII века и французского социализма.

Ряд документов, помещенных в «Историк-марксисте» и «Красном архиве», осветил малоизвестные страницы из истории русско-американских отношений. Эти материалы показывают, что дружественные отношения между двумя этими великими державами, объединенными в борьбе против гитлеризма, имеют прочные исторические традиции. Наибольшее внимание исследователей привлекли материалы о русско-американских отношениях в период гражданской войны 1861—1863 гг.¹⁷ После публикаций Е. А. Адамова, А. А. Юрьева, М. Малкина и А. В. Ефимова можно считать исчерпывающе освещенным вопрос о причине посылки русских эскадр в Северную Америку в 1863 году. Советскими историками разрабатывались и архивные материалы по вопросу о русско-американских отношениях конца XVIII века. Публикация по этому вопросу, в центре которой стоят вопросы по истории вооруженного нейтралитета 1780 г., готовится к печати под руководством А. В. Ефимова.

Из многочисленных публикаций по французской революции конца XVIII в. отметим «Неизданные документы времен якобинской диктатуры», опубликованные с предисловием акад. Е. В. Тарле в № 3 журнала «Историк-марксист» за 1939 год. Эти материалы освещают деятельность комитета общественного спасения в рейнской армии во втором году республики.

В Институте истории Академии наук СССР работала комиссия по публикации документов о русско-французских отношениях в период революции XVIII в. во Франции в составе: акад. Е. В. Тарле, профессоров А. В. Ефимова, Ф. О. Нотовича, В. М. Хвостова. Первый том документальной публикации, охватывающий период 1789—1790 гг., был уже отпечатан в Тал-

* Кроме мемуаров по международным отношениям издавались мемуары другого типа, например мемуары участников Парижской коммуны Л. Мишель, Лефрансэ, Аллемана, мемуары Гарибальди, Ф. Орсини, А. Рошфора и др.

тине, но в связи с начавшейся войной задержался выходом в свет.

Материалы новой истории публиковались и для учебных целей: по истории Англии — В. М. Лавровским, по истории Франции — Е. Н. Джигилеговым, И. В. Берделозовым, Н. П. Фрейбергом, А. И. Молоком. Кроме того были составлены хрестоматии для высших учебных заведений и для средней школы.

Подводя итоги публикациям по новой истории в СССР, можно сделать вывод, что несмотря на недостатки некоторых публикаций, объясняемые главным образом влиянием М. Н. Покровского и его «школы», в целом советские публикации имеют большое значение для развития исторической науки. Характерная черта советских публикаций — их научность, достоверность и объективность. Эти публикации вошли в

основной фонд источников, на основе которого развивается изучение новой истории. Особенно полезно учесть это в наши дни, когда историческая наука в фашистской Германии и ее вассальных странах уничтожена и подменена пропагандой заведомо ложных, якобы исторических, на самом деле нигде и никогда не имевших места фактов. В наши дни немецкие и прочие фашисты издают толстые томы насмешливых состряпанных фальшивых документов, которые должны «оправдать» безумные, человеконенавистнические планы и дела преступной фашистской шайки.

Но целые томы фальшивых документов не заслонят от глаз всех прогрессивных людей чудовищных преступлений озверелых немецко-фашистских насильников, убийц женщин и детей, и не спасут немецких и прочих палачей от заслуженного возмездия за все совершенные ими преступления.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- ¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Томы I—XIX, XXI—XXVIII. Еще до окончания печатания I-го издания была начата его допечатка, причем были исправлены некоторые неточности перевода, имевшиеся в первых томах.
- ² Ленин. Соч. Томы I—XXX. 1926—1936. 2-е изд. Томы I—XXX. 1926—1937. 3-е изд. Томы I, II. 1941. 4-е изд.
- ³ «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.». Сборник секретных дипломатических документов быв. императорского российского министерства иностранных дел (М. 1922); «Материалы из архивов министерства иностранных дел, политических архивов министерства, переписки с послами и поверенными в делах в различных столицах»; «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны» (М. 1927); «Раздел Азиатской Турции» (М. 1924); «Константинополь и проливы» (Томы I и II. М. 1925); «Царская Россия в мировой войне» (М. 1925). Ценным в этих сборниках являются помещенные в них документы.
- ⁴ Бисмарк О. «Мысли и воспоминания». Перевод с немецкого под ред. проф. А. С. Ерусалимского. Т. I. М. 1940.
- ⁵ Талейран «Мемуары». Пер. С. Фейгштой. Ред. и статья Е. В. Тарле. М. 1934.
- ⁶ Витте С. Ю. «Воспоминания». Томы I—II. Л. 1924; Т. III. Л. 1924.
- ⁷ В. Н. Ламздорф «Дневник 1891—1899 годов». Под ред. и с предисловием Ф. А. Ротштейна.
- ⁸ «Архив полковника Хауза». Перев. с английского. Томы I—II. М. 1937; Т. III. М. 1939.
- ⁹ Брюкенен Дж. «Мемуары дипломата». М. 1923.
- ¹⁰ Ллойд Джордж «Военные мемуары». Томы I—II. М. 1934; Т. IV. М. 1934.
- ¹¹ Лиддель-Гарт «Правда о войне 1914—1918 годов». М. 1935.
- ¹² Пуанкаре Р. «На службе Франции. Воспоминания за девять лет». М. 1936.
- ¹³ Поль Луи «Записки посла». М. 1924.
- ¹⁴ Гр. Пурталес «Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1915 году». М. и П. 1923.
- ¹⁵ «Литературное наследство» №№ 33—34. М. 1939.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ «Соединенные штаты в эпоху гражданской войны и Россия». С предисловием Е. Адамова. «Красный архив». Т. XXXVIII за 1930 г.; «Посылка двух русских эскадр в Северную Америку». С предисловием А. В. Ефимова. «Историк-марксист» № 3 за 1936 г.; «К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США». Вводная статья М. Малкина. Документы подготовлены к печати А. А. Юрьевым.

СОВЕТСКИЕ АРХИВЫ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

П. Софинов

В советских государственных архивах сосредоточены величайшие культурные ценности — письменные памятники, отражающие многообразную историю нашей родины, рост ее военного могущества, внешнюю политику, развитие экономики и культуры. Мировая историческая наука уже почерпнула ценнейшие данные из документальных материалов советских архивов, но многие миллионы документов еще ждут своих исследователей. Задача сохранения, приведения в порядок и использования государственного архивного фонда СССР всегда была основной задачей в работе советских историков-архивистов. Но в условиях войны сохранность этого народного достояния приобретает особенно важное значение. Гибель исторических документов означала бы непоправимую потерю для советской и мировой науки, ибо документы прошлого восстановить нельзя.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз с необычайной остротой поставило вопрос об охране государственного архивного фонда. Фашистские варвары ведут войну с целью уничтожения нашей страны, ее культуры, науки и искусства. С неприкрытым цинизмом они объявляют, что на Востоке «никакие культурные ценности не имеют значения». Они разрушают наши музеи, библиотеки, памятники искусства и старины. Архивы они или подвергают уничтожению или используют в своих полицейских целях. Уже в первые дни войны стало известно, что в результате вражеской бомбардировки сгорели ценнейшие материалы Житомирского областного архива. Много ценных исторических документов погибло от бомбардировок в Минске, Смоленске, Чернигове и других городах.

После изгнания немецко-фашистских захватчиков из районов Московской, Тульской, Калининской областей были получены новые многочисленные данные о варварском отношении немцев к архивам. В Сталиногорске фашисты превратили архив в конюшню, в Алексинском и Череповецком районах Тульской области документы архивов были частью сожжены, частью разграблены фашистскими солдатами. Во многих районах Калининской области архивы были варварски уничтожены. Все эти факты явились только подтверждением того, насколько меры, предпринятые советским правительством по сохранению государственного архивного фонда, явились своевременными и необходимыми.

В первые же дни войны специальным распоряжением Совет народных комиссаров Союза ССР предложил эвакуировать в глубь страны все документальные мате-

риалы, имеющие научно-историческое и практическое значение. В тяжелых условиях, вызванных вероломным внезапным нападением фашистов на СССР, советские историки-архивисты провели огромную работу по спасению народного достояния. В короткий срок в глубь страны были вывезены сотни тысяч ценнейших фондов. Много вагонов документальных материалов из крупнейших архивохранилищ страны было своевременно эвакуировано на восток.

Наряду с этим научный аппарат государственных архивов приступил к практическому использованию документальных материалов в интересах великой отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. Можно привести многочисленные факты, когда советские архивисты оказали значительную помощь военному командованию, партийным и советским организациям. Документальные материалы о партизанском движении в 1918 г., извлеченные из архивов, были использованы при организации партизанских отрядов и для передачи накопленного опыта партизанской борьбы молодым советским партизанам.

Ленинградские историки-архивисты в суровых условиях блокады, под вой артиллерийских снарядов и бомб, в холодных, нетопленных помещениях продолжали работу, направленную на оборону города. По заданию военного командования и хозяйственных организаций, они отыскивали материалы о строительстве моста через р. Нарву и документы, характеризующие режим этой реки (размеры бассейна, глубину реки, моменты замерзания и вскрытия). В ноябре — декабре 1941 г., когда фашистские полчища грозили отрезать Ленинград от всей страны, чтобы голодом задушить героических защитников неприступного города, коллектив научных сотрудников ленинградских архивов собрал по кускам, из различных хранилищ, проект одной дороги, имевшей крупнейшее экономическое значение.

В настоящее время государственные архивы Советского Союза развернули большую работу по выявлению документальных материалов в интересах дальнейшего развития производительных сил страны. Разыскиваются и передаются соответствующим плановым и хозяйственным организациям документы о результатах предшествующих геологических экспедиций, о залежах угля, нефти, железа и других полезных ископаемых. Так, отдел государственных архивов УНКВД Челябинской области, установив связь с Управлением геологических изысканий, област-

ным трестом местной промышленности. Управлением топливной промышленности передал им ценнейшие документальные материалы. Курганский филиал государственного архива выявил документы о геологических разрезах буровых скважин, данные буровых изысканий, сведения о горючих залежах и т. д.

Государственный архив Читинской области выявил и передал для практического использования материалы о местонахождении залежей мела. Геологическая разведка подтвердила богатое месторождение коалина. По материалам того же архива были открыты месторождения натра.

Государственный архив Омской области обнаружил в своих фондах материалы о местонахождении в области ценных глин (огнеупор, мыловка), о местонахождении и мощности залежей охры, крокуса, известкового камня, железной руды, каменного угля, свинцовой руды и др.

Ряд отделов государственных архивов готовит сейчас справочники о полезных ископаемых республики, области, края, которые явятся весьма ценным пособием в практической работе наших плановых и хозяйственных организаций.

Много внимания уделяют научные сотрудники архивов публикации исторических документов, изданию научно-популярных брошюр и агитационно-пропагандистской работе. Научно-издательским отделом Управления государственными архивами НКВД СССР за последнее время изданы сборники: «Документы о немецких зверствах в 1914—1918 гг.», «Сборник исторических документов и материалов», «Большевистские листовки в годы гражданской войны» (совместно с научными сотрудниками секретариата «Истории гражданской войны»); подготовлены к изданию сборники: «Документы великой пролетарской революции». Т. II, «В борьбе за власть советов», «Партизанская борьба советского народа против немецких захватчиков» и ряд других. Издана серия в 15 брошюр о героическом прошлом русского народа. Сейчас готовятся к печати документальные сборники: «Документы великой пролетарской революции». Т. III, «Героизм русских воинов», «Охрана памятников культуры и искусства в СССР», «Тыл Красной Армии в годы гражданской войны».

Местными отделами государственных архивов проведена большая работа по выявлению и публикации материалов об Отечественной войне 1812 г. против Наполеона. Отдел государственных архивов УНКВД Ростовской области издал сборник документов «Донское казачество в Отечественной войне 1812 года»; об участии народов Сибири в изгнании Наполеона из России опубликовали статьи: тов. Стрельский (отдел госархивов Омской области) и тов. Дулов (отдел госархивов Иркутской области). Научные сотрудники Кировских архивов опубликовали в местной печати статьи о народном ополчении Вятской губернии и о знаменитой участнице войны 1812 года — Надежде Дуровой. Брошюры о народном ополчении 1812 г. подготовили к печати также отделы государственных архивов Татарской АССР и Ивановской области. Вновь выявленные и опубликованные документы по 1812 г. отражают наиболее слабо изученный исторической наукой вопрос о широком участии народных масс в разгроме иностранных захватчиков.

Интересные публикации и статьи, основанные на документальных материалах, подготовлены научными сотрудниками архивов о борьбе советского народа с немецкими оккупантами в 1918 г., о деятельности ревкомов и комбедов в укреплении советской власти на местах, о трудовом героизме рабочих и крестьян в годы гражданской войны и др.

Следует отметить, что издание документальных работ на местах часто затрудняется непониманием некоторыми издательскими работниками большого научного и политического значения подобных публикаций. Часть руководителей областных и республиканских издательств (Узбекская ССР, Казахская ССР, Свердловская, Челябинская и другие области) предпочитают перепечатывать материал из центральной печати, вместо того чтобы издавать оригинальные работы, относящиеся к местному краю. Такое положение можно объяснить только нежеланием этой части руководителей работать над местной тематикой, непониманием огромного политического значения документальных публикаций как для исторической науки, так и для повседневной агитационно-пропагандистской работы.

МАТЕРИАЛЫ О ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И АНГЛИИ В XVI—XIX ВВ. В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ

Б. Каменецкий

Интерес к Англии, ее истории, экономике и быту был издавна присущ русскому обществу. Среди обширной литературы об Англии, выходявшей в России со второй половины XVIII в., имеется немало редких изданий важных исторических документов и других материалов, отражающих экономические, политические и культурные сношения России с Англией, установившиеся около 400 лет тому назад в связи с известной экспедицией Ричарда Ченслера.

Установлению отношений между Россией и Англией посвящена книжка Климента Адама «Первое путешествие англичан в Россию в 1553 году». Автор был другом Ченслера и написал свою книгу по его рассказам во второй половине XVI столетия на латинском языке. Русское издание вышло в Петербурге в 1838 году. Воспоминания Ченслера и его товарищей по путешествию, а также записки других англичан, побывавших в Московии в первые десятилетия знакомства с ней англичан, напечатаны в сборнике «Английские путешествия в Московском государстве XVI века» (перевод с английского акад. Ю. В. Готье. 1937).

Конец XVI и начало XVII в. ознаменовались выходом в свет в Англии ряда трактатов, в которых побывавшие в Московии ученые, дипломаты и купцы старались дать своим соотечественникам более или менее обстоятельные сведения о новой для них стране.

Самым обстоятельным из них является трактат ученого юриста Джильса Флетчера «О государстве Российском или образ правления русского царя» (изд. Суворина. Спб. 1905), появившийся впервые в Лондоне в 1591 году.

Та же эпоха находит свое отражение в книге Джерома Горсея, купца и дипломата, прожившего в Москве 18 лет; его «Записки о Московии XVI века», впервые полностью напечатанные в Лондоне в 1856 г., были переведены на русский язык в 60-х гг. XIX в. Н. А. Белозерской и вышли с предисловиями и примечаниями известного историка Н. Костомарова (Спб. 1909), и в книге сэра Томаса Смита, возглавлявшего английское посольство ко двору царя Бориса Годунова в 1604—1605 гг., «Путешествие и пребывание в России» (первоначально опубликованной в 1605 г.); перевод, введение и примечания И. М. Балдакова (Спб. 1893).

С 1659 по 1667 г. жил в Москве в должности придворного врача царя Алексея Михайловича англичанин Самуил Коллинз. Возвратившись на родину, Коллинз в 1667 г. издал в Лондоне книгу «Нынешнее состояние России, изложеное в письме к другу, живущему в Лондоне, выдающейся

особой, пребывавшей при дворе великого царя Московского в течение девяти лет». Сочинение Коллинза, занимавшее важное место среди иностранных источников о состоянии русского общества в XVII столетии, было переведено на русский язык известным славянофилом Петром Киреевским и издано в Москве в 1846 году (см. «Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете» № 1. 1846).

Во второй половине XVII в., при царях Алексее Михайловиче и Петре I, на русской службе долго находился, шотландец родом, генерал Патрик Гордон, бывший в числе близких к Петру I людей. Патрик Гордон оставил дневник, части 1-я и 2-я которого изданы в русском переводе в Москве в 1892 году. Сюда вошли записи, сделанные во время пребывания Гордона в России (1661—1684); 3-я часть дневника, охватывающая период с 1684 по 1699 г., к сожалению, не появилась на русском языке. Дневник П. Гордона — очень ценный памятник для истории петровской эпохи.

О дневниках П. Гордона см. также Биркнер А. «Патрик Гордон и его дневник». (Спб. 1878) и Майков П. «Дневник Патрика Гордона». «Русская старина» за январь—февраль 1916 г., стр. 129—139; 310—319.

К эпохе Петра I относится также книга Джона Перри «Состояние России при нынешнем царе». Русский перевод О. М. Дундуковой-Корсаковой (М. 1879).

Автор — весьма известный в свое время строитель кораблей, доков и каналов — был приглашен на русскую службу Петром I в 1698 г. (во время великого посольства), жил в России до 1715 г., когда он уехал, рассорившись с царем. Дж. Перри издал свою книгу в 1716 г. в Лондоне.

В книге весьма много занимательнейших подробностей об устройстве первых русских верфей и постройке судов, прорытии каналов, о строительных планах и проектах Петра I и т. п.

Между прочим, Петр I пригласил Перри для прорытия канала между Волгой и Доном, в связи с тем что взявшийся за это ранее немец Брекель не справился с задачей и, испугавшись царского гнева, сбежал по подложному паспорту.

Несомненный интерес представляет появившаяся во второй половине XVII в. одна из первых в Англии работ по истории и этнографии Московского государства, написанная на основании данных многочисленных очевидцев. Книга эта — «Московия или известия о Московии по открытиям английских путешественников, собранные из письменных свидетельств разных очевидцев» — принадлежит перу крупнейшего английского поэта и государственного дея-

теля Джона Мильтона — автора поэмы «Потерянный и возвращенный рай» и выдающегося участника английской революции. Русский перевод этой книги, являющейся теперь большой библиографической редкостью, вышел в издании Общества истории и древностей российских при Московском университете в 1875 г. под редакцией Ю. В. Толстого, с его же обстоятельной вводной статьей и примечаниями.

Богато представлены в русских изданиях документы о дипломатических связях между Россией и Англией в XVII—XVIII веках. Сюда относятся: публикации Ю. Толстого «Первые сорок лет сношений между Россией и Англией (1553—1593)» (Спб. 1875). Прекрасно изданная и тщательно подобранная серия документов, оригиналы которых находятся в русских и английских архивах (Британский музей, Лондонский королевский архив). Весьма ценна помещенная в этой книге переписка королевы Елизаветы английской с Иваном Грозным, Федором Ивановичем и Борисом Годуновым. Книге предпослано вступление Ю. Толстого, представляющее обзор англо-русских отношений во второй половине XVI века.

Сборник Императорского русского исторического общества (т. 38. Спб. 1883), содержащий «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией (1581—1604)», вышел под редакцией К. Н. Бестужева-Рюмина. В сборнике полно представлены источники о деятельности первых английских послов в России и русских послов в Англии. Среди них весьма любопытные данные о посольстве Еремея Боуса, приехавшего в Московию «для испрошения одних только англичанам приходить с товарами ко всем холмогорским пристаням и дать жалованную английским купцам грамоту о беспопытной торговле» (стр. 72—184), а также материалы, связанные с отправлением в Англию посольства Г. И. Миклулина (стр. 278—443). В числе их составленный Г. И. Миклулиным отчет о своем путешествии, так называемый «статейный список», представляющий описание английской жизни времен Елизаветы, сделанное с точки зрения русского дворянина той эпохи.

Сборник Ю. Толстого «Списки с царских грамот, хранящихся в Лондонском королевском архиве» (Спб. 1862), в котором приведены тексты восьми грамот царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича и уведомление о вступлении на престол юных царей Петра и Ивана, адресованное английскому королю Карлу II.

Многотомная «Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе» была издана Русским историческим обществом и охватывает период с 1704 по 1776 г. (см. сборники Императорского русского исторического общества тт. 12, 19, 39, 50, 61, 68, 76, 80, 85, 91, 99, 102, 103, 108, 110. Спб. 1873—1916).

«Реляция из Лондона» русского посла в Англии князя А. Д. Кантемира (1732—1739); т. I (М 1892); т. II (М 1903) с введением и примечаниями В. Н. Александренко.

Основные дипломатические документы находятся в многотомном «Собрании трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами», томы IX—X которого «Трактаты с Англией 1710—1801 гг.» изданы с вводной статьей проф. Ф. Мартенса (Спб. 1892).

И. Н. Бантыш-Каменский, проработавший свыше 50 лет в Московском главном архиве министерства иностранных дел (умер в 1814 г.), тщательно собрал и расположил по странам в хронологическом порядке данные о дипломатических отношениях России с иностранными государствами с 1481 по 1801 год. Получился труд «Сохраненное известие о взаимных между российскими монархами и европейскими дворами посольствах, переписках и договорах, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел в Московском архиве», изданный только в 1894 г. в Москве в 3 частях. В первой части содержатся материалы о взаимоотношениях с Англией.

Любопытным памятником англо-русских отношений является переписка великого русского полководца А. В. Суворова с известным английским адмиралом Нельсоном («Русский архив» № 3—4 за 1872 г., стр. 738—751). Нельсон поздравляет великого русского полководца с его блестящим альпийским походом 1799 г. против общего с Англией врага.

Обильно представлен в русских изданиях материал о культурных связях России с Англией, сделавшихся особо значительными со второй половины XVIII столетия; первые переводы английских классиков — Дефо, Стерна, Смолета, Ричардсона, Фильдинга, Свифта, Мильтона и др. вышли в последнее десятилетие XVIII в.; ранние издания работ крупнейших английских экономистов — Адама Смита, Сэя, Бектама, — относятся к 90-м годам XVIII и первым годам XIX века.

Показателем большого интереса к Англии в русском обществе является вышедший в 1772 г. русский перевод обстоятельного труда крупного европейского ученого Ф. Бишопта «Королевство аглицкое или Великобритания».

С 1820 по 1840 г. произведения Байрона стояли на первом месте среди переведенных на русский язык художественных произведений иностранных авторов. Большим успехом в России пользовались в XIX в. произведения Вальтера Скотта, Диккенса, Теккерея и особенно Шекспира, произведения которого много издавали и ставили на сцене.

С 60-х годов XIX столетия среди демократической и народной интеллигенции проявляется значительный интерес к работам английских ученых в области общественных наук, главным образом историков. Появляются переводы крупнейших из них на русский язык: в 1860—1865 гг. выходит 16-томное собрание сочинений выдающегося английского историка Маколея; в 1864 г. впервые публикуется в России знаменитая книга Т. Бокля «История цивилизации в Англии», выдержавшая несколько изданий и ставшая популярной среди

радикальных и революционных элементов русского общества благодаря своему жесту против деспотизма и произвола.

В 1860—1861 гг. Н. Г. Чернышевский печатает в журнале «Современник» свой перевод книги английского ученого Д. С. Милля «Основания политической экономии», в примечаниях к которой Чернышевский, по отзывам Маркса, мастерски изобразил банкротство буржуазной политической экономии. Русский перевод «Происхождения видов» Чарльза Дарвина появился в России вскоре после его выхода в свет в Англии. В России Дарвин нашел верного последователя и блестящего популяризатора в лице К. А. Тимирязева — великого ученого-демократа.

Все более возрастающий интерес к истории Англии в русском обществе вызвал выход в свет 4-томной «Истории английского народа» Д. Грина в переводе П. Николаева. Изд. Солдатовского. М. 1891—1892; его же «Краткой истории английского народа» (три выпуска) (изд. «Научно-образовательной библиотеки», М. 1897—1900); «Опыта по истории английской конституции» Фримена и Стеббса (перевод под редакцией М. М. Ковалевского. М. 1880) и «Общественной жизни Англии» Г. Трайля (6 томов), перевод П. Николаева (М. 1898—1900). Появляются на русском языке важнейшие работы английских ученых Роджерса, Каннингэма, Эшли по истории экономического развития Англии.

В это же время русские историки, не довольствуясь изучением произведений своих английских коллег, начинают самостоятельно разрабатывать проблемы истории Англии. В результате возникает целая школа русских исследователей в области английской истории. Работы П. Виноградова, М. Ковалевского, А. Савина, Д. Петрушевского по социальной истории средневековой

Англии, основанные на изучении английских архивных материалов, представляют собой ценный вклад в науку. Они оказали большое влияние на английских историков, высоко оценивавших труды своих русских коллег.

Традиции русской школы в истории Англии успешно продолжают в советское время. В последние годы вышли монография Е. А. Косминского «Английская деревня в XIII веке» (1935), 2-томная работа С. Архангельского «Аграрное законодательство Великой английской революции» (1935—1940). (Подробно об этом см. статью Е. Косминского «Роль русских историков в разработке истории Англии», «Исторический журнал» № 10—11 за 1941 г. и исследование В. М. Лавровского «Парламентские огораживания общинных земель в Англии в конце XVIII и начале XIX века» М. 1940).

Русские ученые издавна разрабатывали также вопросы об англо-русских отношениях. Первые основательные работы в этой области принадлежат перу И. Гамеля «Англичане в России в XVI—XVII вв.» («Записки Академии наук», т. VIII. 1865; т. XV. 1869. Спб. 1876. Книга сейчас сильно устарела) и Ю. Толстого «Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553—1593» (Спб. 1875). На большом фактическом материале основана трехтомная работа проф. В. Н. Александренко «Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке» (Спб. 1897—1903).

О торговых отношениях России с Англией опубликовала серьезные работы И. Любименко «История торговых отношений России с Англией» (Вып. 1-й. XVI в. Юрьев. 1912); «Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1453 по 1649 год» — «Известия Академии наук СССР» (Отделение общественных наук. 1933. № 10).

РУССКИЕ ПАТРИОТЫ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Проф. Н. Гусев

I

«Война и мир» с самого своего выхода в свет (1868—1869) сделалась одной из любимейших книг русских читателей. Интерес, который возбуждала эта книга, был самый разнообразный. Большинство читателей особенно интересовалось развитием действия романа, историями жизней и судеб многочисленных персонажей, с такой яркостью, силой, тщательностью и любовью нарисованных автором. Сложность и разнообразие жизненных положений и душевных переживаний Андрея Болконского, Пьера Безухова и Наташи Ростовой, Николая Ростова и княжны Марьи, старого князя

Болконского и графов Ростовых, Долохова, Денисова и многих других лиц привлекали к себе внимание читателей, с неослабевающим интересом прочитывавших главу за главой увлекательной книги. Другим интересовала преимущественно военная сторона произведения: события наших первых войн с Наполеоном и особенно Отечественная война 1812 г., Бородинское сражение и партизанское движение. Третьи особенно останавливались на исторической части «Войны и мира»: на описании исторических лиц, как Кутузов, Багратион, Сперанский, Растропчин, Наполеон, и на картинах быта александровской России. Социологи критиковали философско-исто-

рические взгляды Толстого. Литературоведы изучали особенности приемов знаменитого автора в обрисовке характеров, в развитии действия, в изображении пейзажей.

Совсем особый интерес и значение получило произведение Толстого в наши дни великой народной войны против германского фашизма. В статье А. Булгакова «По дороге на запад»¹ рассказывается о том, как батальон немцев боролся против двух рот советских войск и потерпел поражение в этом бою. По окончании сражения автор статьи задал полковнику вопрос: «Как же это произошло? Почему? Немцев ведь было больше, чем вас?»

«Полковник, — рассказывает А. Булгаков, — полез в свою сумку, но, видимо, не найдя чего-то, быстро встал и подошел к вороху каких-то бумаг.

— Вот, прочитайте-ка. Я случайно на нее здесь натолкнулся.

И он подал нам маленькую, в размер папиросной коробочки, брошюру. На десяти-одиннадцатой страницах красным карандашом было подчеркнуто: «Ника это есть дух войска, т. е. большее или меньшее желание драться и подвергать себя опасности всех людей, составляющих войско, совершенно независимо от того, дерутся ли люди под командой генералов или не генералов, в трех или двух линиях, дубинками или ружьями, стреляющими 30 раз в минуту. Люди, имеющие наибольшее желание драться, всегда поставят себя в невыгоднейшие условия для драки».

«Это была часть «Войны и мира» Толстого, изданная в приложении к «Огоньку», каким-то чудом попавшая в штабные карты, бумаги и теперь зачитанная командирами до дыр».

Написанное более семидесяти лет назад творение Толстого имеет огромное, актуальное значение и в наши дни. И не только в Советской России: значение произведения Толстого необычайно возросло и в тех славянских странах, которые подпали под пяту немецкого фашистского сапога. Чехословацкий министр иностранных дел Масарик в своей речи в городе Онтарио (Канада) заявил, обращаясь к своим слушателям: «Многие из вас читали знаменитый роман Толстого «Война и мир». В этой книге вы видите, что значит народная война. Россия знала, как встретить и отразить смертельную опасность в лице Наполеона, а сегодня Советская Россия знает, как встретить и разбить Гитлера. Это — бесмертный дух русского народа, который сопротивлялся в прошлом и сопротивляется сегодня продвижению захватчика»².

Это особенное значение творения Толстого в наши дни обуславливается самым содержанием и общим духом всего произведения. «Я старался писать историю народа» — такими словами сам автор определяет смысл и содержание своего произведения в одной из своих черновых заметок. «Чтобы произведение было хорошо, надо любить в нем главную, основную мысль. Так, в «Войне и мире» я любил мысль народную, вследствие войны двенадцатого года», — говорил Толстой.

Эта основная, «народная» мысль пронизывает все великое творение Толстого.

II

«Наполеон мог покорить только землю, но не народ» — эта мысль современника наполеоновских войн, поэта Федора Глинки, вполне подтверждается романом Толстого. В войне 1812 г., говорит Толстой, «решался вопрос жизни и смерти отечества». Война эта имела «свое дорогое русскому сердцу народное значение». «Для всех русских людей тогда было общее желание — изгнание французов из России и истребление их армий. Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия».

Поведение гражданского населения при появлении французов Толстой описывает в следующих словах: «Начиная от Смоленска во всех городах и деревнях русской земли... происходило то же самое, что происходило в Москве. Народ с беспечностью ждал неприятеля, не бунтовал, не волновался, никого не раздирав на куски, чувствуя в себе силы в самую трудную минуту найти то, что должно было сделать. Как только неприятель подходил, богатейшие элементы населения уходили, оставляя свое имущество, беднейшие оставались и зажимали и истребляли то, что оставалось. Сознание того, что это так будет, я всегда так будет, лежало и лежит в душе русского человека».

Первым городом, сожженным самими жителями, был Смоленск. «Разоренные жители Смоленска, — рассказывает Толстой про население Смоленска, — показывая пример другим русским, едут в Москву, думая только о своих потерях и разжигаемая ненависть к врагу».

Вот небогатый смоленский торговец Феррапонтов, владелец постоянного двора, дома и мучной лавки. Узнав, что город оставляется русскими войсками, он со словами «Решилась Россия!» сам зажигает свой дом и свою лавку. Княжна Марья, единственная дочь старого князя Николая Андреевича Болконского, только что перенесла тяжелую утрату — потеряла своего нежно любимого отца — и находится в состоянии полной апатии и равнодушия ко всему окружающему. Но вот ей подают обращение французского генерала к жителям занятых русских городов и сел о том, чтобы они, не покидая своих домов, так как им будет оказано должное покровительство французскими властями. Княжна Марья вдруг представляет себе ясно, как французы поселятся в их доме, как генерал займет кабинет ее брата и будет для забавы перебирать и читать его письма и бумаги, как французские солдаты разорят свежую могилу ее отца, чтобы снять с него кресты и звезды, как они будут рассказывать ей о победах над русскими... При одной мысли об этом она содрогается и приходит в ужас. «Ехаты! сейчас же ехаты!» — решает княжна Марья и уезжает из Богучарова.

То же самое происходило в Москве. Толстой объясняет оставление жителями Москвы следующим образом: «Предчувствие того, что Москва будет взята, лежа-

ло в русском московском обществе 12-го года... Те, которые уезжали с тем, что они могли захватить, оставляя дома и половину имущества, действовали так вследствие того скрытого (latent) патриотизма, который выражается незаметно, просто, органически и потому производит всегда самые сильные результаты... Они ехали потому, что для русских людей не могло быть вопроса, хорошо или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего».

Что касается крестьян, то подмосковные крестьяне «жгли свое сено и не давали французам». Выигранное французами Бородинское сражение, говорит Толстой, «не принесло обычных результатов потому, что мужики Карп и Влас, которые после выступления французов приехали в Москву с подводами грабить город и вообще не выказывали лично геройских чувств, и все бесчисленное количество этих мужиков не везли сена в Москву за хорошие деньги, которые им предлагали, а жгли его».

Так держало себя гражданское население.

III

Толстой был превосходным знатоком и быта и психологии русского солдата. Глубокое знание быта и проникновение в психологию русского солдата проявились уже в первых военных рассказах Толстого: «Набег», «Рубка леса», «Севастопольские рассказы». Еще лучше, еще сильнее солдатские сцены в «Войне и мире». С какой любовью, можно сказать, любованьем, описывает Толстой русского солдата и в походах, и на стоянках, и в сражениях. Русский солдат в изображении Толстого всегда спокоен, бодр и весел. Бодрость и веселость не покидают его даже в самых трудных, суровых, исполненных лишений жизненных условиях. Таким рисует Толстой гусар Павлоградского полка весной 1808 г., когда полк стоял в Германии, терпел голод вследствие затруднений транспорта. От голода и болезни полк потерял почти половину своего состава. «Несмотря на такое бедствие, — говорит Толстой, — солдаты и офицеры жили точно так же, как и всегда: так же и теперь, хотя и с бледными и опухшими лицами и в оборванных мундирах, гусары строились к расчетам, ходили на уборку, чистили лошадей, амуницию, таскали вместо корма солому с крыш и ходили обедать к котлам, от которых вставали голодные, подпучивая над своей гадкой пищей и своим голодом».

В таком же бодром, веселом настроении находились русские солдаты и перед сражениями. Толстой рассказывает, как перед Шенграбенским сражением князь Андрей проехал от местонахождения штаба русских войск до передовой линии, и вот что он увидел: «Чем ближе подъезжал князь Андрей к цепи французов, тем самоувереннее становился вид наших войск... Все лица были такие спокойные, как будто всё происходило не в виду неприятеля, перед делом, где должна была остаться на месте по крайней мере половина отряда, а как буд-

то где-нибудь на родине в ожидании спокойной стоянки».

Перед Бородинским сражением на фронт в помощь действующей армии были призваны ополченцы. Пьер Безухов, выехав из Можайска по направлению к Бородину, встречает по дороге обоз с ранеными. Один из раненых, обращаясь к нему, выразил общее настроенное войска такими словами: «Всем народом навалиться хотят. Одно слово — Москва. Один конец сделать хотят».

В Бородинском сражении Пьер в своем штатском платье выходит на курган, на котором была расположена артиллерийская батарея, названная впоследствии батареей Раевского. Этот курган французы считали важнейшим пунктом позиции, и потому на него был направлен усиленный огонь неприятеля. «К десяти часам, — рассказывает Толстой, — уже человек двадцать унесли с батареи; два орудия были разбиты и чаще и чаще на батарею попадали снаряды и залетали жужжа и свистя дальние пули. Но люди, бывшие на батарее, как будто не замечали этого; со всех сторон слышался веселый говор и шутки... Пьер замечал, как после каждого попавшего ядра, после каждой потери все более и более разгоралось общее оживление. Как из придвигающейся грозовой тучи чаще и чаще, светлее и светлее вспыхивали на лицах всех этих людей (как бы в отпор совершающегося) молнии открытого разгорающегося огня».

Таков русский солдат в изображении Толстого. Автор «Войны и мира», писала современная критика, выдвигает перед нами возвышенные простые характеры и такую величавость общих образов, за которую чувствуется неисследимая глубина силы, способной к невероятным подвигам³.

IV

Не только солдаты, но и офицеры русской армии 1812 года были проникнуты чувством патриотизма, побуждавшим их бесстрашно встречать опасность и жертвовать жизнью для избавления своей страны от нашествия чужеземных захватчиков.

После Кутузова любимцем Толстого из высших офицеров русской армии того времени является Багратион. Впервые Багратион появляется у Толстого в Шенграбенском сражении. Он объезжает ряды войск и подъезжает к одной из артиллерийских батарей.

«— Чья рота? — спросил князь Багратион у фейерверкера, стоявшего у ящиков.

«Он спрашивал: чья рота?, а в сущности бы спрашивал: уж не робеете ли вы тут? и фейерверкер понял это.

— Капитана Тушина, ваше превосходительство, — вытягиваясь, закричал веселым голосом рыжий, с покрытым веснушками лицом фейерверкер».

Оценивая общую роль Багратиона в Шенграбенском сражении, Толстой говорит: «Благодаря такту, который выказывал князь Багратион... присутствие его сделало чрезвычайно много. Начальники, с расстроенными лицами подъезжавшие к князю Ба-

гратию. становилась спокойнее, солдаты и офицеры весело приветствовали его и становились оживленнее в его присутствии и видимо шеголялись перед ним своей храбростью.

Когда в разгаре сражения полковой командир упрощает Багратиона отъехать от опасного места, тот ничего не отвечает ему на эти слова. Через некоторое время Багратион, объехав ряды войск, слезает с лошади и впереди всего полка по верховному полю идет в атаку против французов. Эта атака под предводительством Багратиона много способствовала успеху сражения⁴.

Из прочих генералов — участников войны 1812 г. — Толстой с особенной любовью описывает Дохтурова и Коновницына. Он с исключительным вниманием останавливается на этих лицах потому, что, по его мнению, они замалчивались официальной историографией царского времени. «Скромный, маленький Дохтуров, — говорит Толстой, — тот самый Дохтуров, которого во время всех войн русских с французами, с Аустерлица и до 13-го года, мы находим начальствующим везде, где только положение трудно».

О Петре Петровиче Коновницыне Толстой говорит: «Коновницын... всегда находился там, где было труднее всего, спал всегда с раскрытой дверью с тех пор, как был назначен дежурным генералом, приказывая каждому посланному будить себя, всегда во время сражения был под огнем, так что Кутузов упрекал его за то и боялся посылать».

Из типов русских офицеров, не исторических лиц, а нарисованных Толстым на основании его знания военной среды и собственного боевого опыта, самые замечательные — капитан Тушин и князь Андрей Болконский.

Капитан Тушин, командир артиллерийской батареи, — маленький человек с тоненьким голоском и слабыми, неловкими движениями, но храбрый и бесстрашный в сражении. В Шенграбене он без приказа своих начальников обстреливает и зажигает снарядами своей батареи деревню и тем решает исход дела. Его смелость и бесстрашие всодушевляют всех солдат его батареи.

Князь Андрей Болконский — один из самых любимых автором героев его произведения. Устами князя Андрея Толстой часто выражает свои собственные мысли и чувства. Отношение князя Андрея к войне с французами нашло свое полное выражение в его разговоре с Пьером Безуховым в ночь накануне Бородинского сражения. Князь Андрей вполне понимает значение той несоезаемой, но могущественной силы, которая называется духом войска. Он говорит Пьеру: «Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа, а уж менее всего от позиции».

— А от чего же? — спросил Пьер.

— От того чувства, которое есть во мне, в нем, — князь Андрей указал на своего батальонного командира Тимохина, — в каждом солдате».

«Сражение выигрывает тот, — продолжает князь Андрей, очевидно выражая мысли

самого автора, — кто твердо решил его выиграть. Оттого мы под Аустерлицем проиграли сражение? У нас потеря была почти равная с французами, но мы сказали себе очень рано, что мы проиграли сражение — и проиграли. А сказали мы это потому, что нам там незачем было драться: поскорее хотелось уйти с поля сражения. «Проиграли — ну так бежать». Мы и побежали. Ежели бы до вечера мы не говорили этого, бог знает, что бы было. А завтра мы этого не скажем».

Князь Андрей ставит в вину Барклаю де Толли оставление Смоленска. «Он не мог понять, — говорит князь Андрей про Барклая де Толли, — что мы в первый раз дрались там за русскую землю, что в войсках был такой дух, какого никогда я не видал, что мы два дня сряду отбивали французов, и что этот успех удесятирил наши силы. Он велел отступать — и все усилия и потери пропали даром».

В следующих словах князь Андрей выражает свое негодование против чужеземцев, стремившихся подчинить своей власти русский народ: «Французы разорили мой дом и идут разорять Москву; оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники все по моим понятиям... Грабят чужие дома, пускают фальшивые ассигнации, да хуже всего — убивают моих детей, моего отца, и говорят о правилах войны и великодушии к врагам!.. Война — так война, а не игрушка!»

Князь Андрей говорит все это в глубоком волнении. Его глаза лихорадочно блещут, губы дрожат, судороги схватывают его за горло».

Таковы русские офицеры-патристы в войну 1812 года.

Но, разумеется, Толстой не был бы художником-реалистом, правдиво изображающим жизнь, если бы наряду с типами офицеров-патристов он не нарисовал типов офицеров-карьеристов — честолюбцев, лишенных патристического чувства, равнодушных к судьбам своего отечества. Такие типы у него есть. Это Телянин, Берг, Борис Друбецкой и другие. Занятые только устройством своих личных дел, пользующиеся трудным положением, в котором находится страна во время войны, эти люди устраивают свою карьеру и поправляют свои денежные дела, пристравившись к интендантству, к штабам и т. п. Особенно много таких людей было при царском дворе.

«Все эти люди, — говорит Толстой, — давали рубль, красты, чины и в этом ловлении следили только за направлением флюгера царской милости, и только что замечали, что флюгер обратился в одну сторону, как всё это трутневое население армии начинало дуть в ту же сторону».

Про этих людей князь Андрей в своем ночном разговоре с Пьером Безуховым говорит, что люди эти (он разумел штабных) «не только не содействуют общему ходу дел, но мешают ему. Они заняты только своими маленькими интересами».

— В такую минуту? — укоризненно сказал Пьер.

— В такую минуту, — повторил князь Андрей. — Для них это только такая ми-

дуга, в которую можно подкопаться под врага и получить лишний крестик или ленточку».

Но не эти паразиты — злобные паразиты на здоровом народном теле — решали судьбу кампании 1812 г.: судьбу России решили те люди, которые подвергали себя лишениям и опасностям и жертвовали жизнью ради спасения своей родины.

V

Народным вождем народной войны 1812 г. был Кутузов. По многим причинам Кутузов дорог и близок Толстому: и потому, что он русский человек и что «погибель французов было его единственное душевное желание»; и потому, что он бережет кровь русских людей и говорит, что «за десять французов он не отдаст одного русского»; и потому, что царь Александр I назначил его главнокомандующим против своего желания, по общему требованию армии.

Кутузов, по мнению Толстого, воплощает дух всего народа; он «представитель народной войны»; он ставит себе «цель, совпадающую с волей народа». Кутузов был «необходим для спасения и славы России».

«Трудно себе представить, — говорит Толстой, — историческое лицо, деятельность которого так неизменно и постоянно была бы направлена к одной и той же цели, как это было у Кутузова. Кутузов «являет необычайный в истории пример самоотвержения и сознания в настоящем будущего значения события». Он «мог указать так верно значение народного смысла события, что ни разу во всю свою деятельность не изменил ему». «Источником этой необычайной силы прозрения в смысл совершающихся событий лежал в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей истинности и силе его».

Одним из современных Толстому критиков его романа — Н. Шелгунов — дает такую характеристику Кутузова в изображении Толстого: «Гениальность Кутузова выражается в том, что он умеет понять народную душу, народное стремление, народное желание... Кутузов бережет человеческую кровь и щадит солдатскую жизнь... Кутузов всегда друг народа; он всегда слуга своего долга, а долг, по его мнению, в том, чтобы выполнить стремление и желание большинства... Кутузов велик потому, что он отрешается от своего я и пользуется своей властью как точкой силы, концентрирующей народную волю»³.

В противоположность Наполеону Кутузов прост и естественен в обращении. Его речь лишена всякой напыщенности, театральности и искусственного пафоса. Всякая фальшь и искусственная приподнятость сейчас же чувствуются им и причиняют ему страдания. Для Кутузова ополченцы — бородастые мужики, призванные для помощи действующей армии под Бородиным, — «чуждый, бесподобный народ». Но когда начальник его штаба Беннигсен, немец, на русской службе, на военном совете в Филях перед оставлением Москвы горячо

выставляет свой русский патриотизм, Кутузов не может не морщиться, слушая его фальшивые речи.

Кутузов для Толстого — это «зрелая, скромная и потому истинно величественная фигура».

VI

Бородинское сражение, по Толстому, — «лучшая слава русского войска». В каком построении солдаты и офицеры русской армии приняли это сражение, описано в починном разговоре князя Андрея Болконского и других офицеров с Пьером Безуховым накануне этого боя. Князь Андрей говорил Безухову:

«Для меня на завтра вот что: стотысячное русское и стотысячное французское войска сошлись драться, и факт в том, что эти 200 тысяч дерутся, и кто будет злей драться и себя меньше жалеть, тот победит...»

— Вот, ваше сиятельство, правда, правда истинная! — подхватывает слова князя Андрея его батальонный командир Тимохин, — что себя жалеть теперь? Солдаты в моем батальоне, поверьте ли, не стали водку пить: не такой день, говорят».

«Сознание того, что мы хотим и потому должны победить, — писал Толстой в черновиках своего романа, — лежало в душе князя Андрея и во многих людях русского войска. Сознание это было преимущественно у людей, сражавшихся в рядах войска, не у штабных, лишенных прямого участия, и исключительно у русских людей, а не у людей других национальностей, в особенности немцев, бывших в русском войске».

Наполеон начал Бородинское сражение с полной уверенностью в своей победе над русскими. Но уже в половине дня эта уверенность начала колебаться. «С разных сторон продолжали прискакивать адъютанты и все, как бы сговорившись, говорили одно и то же. Все просили подкреплений, все говорили, что русские держатся на своих местах и производят un feu d'enfer (адский огонь), от которого тает французское войско... Наполеон испытывал тяжелое чувство, подобное тому, которое испытывает всегда счастливый игрок, безумно кидавший свои деньги, всегда выигрывавший и вдруг именно тогда, когда он рассчитал все случайности игры, чувствующий, что чем более обдуман его ход, тем вернее он проигрывает».

В противоположность Наполеону Кутузов в течение всего дня Бородинского сражения оставался совершенно спокоен. Он «был доволен успехом дня сверх ожидания». Спокойствие Кутузова во все продолжение Бородинского боя, изображаемое Толстым, подтверждается историками. В своей книге «Описание отечественной войны в 1812 году» Михайловский-Данилевский пишет: «Ни ужасные потери армии, ни остервенение неприятеля, ни исполненная слава Наполеона, наполнявшая ум и воображение каждого, ничто не колебало Кутузова. В молчании следил он ход битвы, сохраняя совершенное спокойствие духа, внимательно выслушивая привозимые к

нему донесения, без торопливости отдавал приказанья».

Несмотря на то что русские войска после Бородинского сражения отступили дальше к Москве, Кутузов, пишет Толстой, «один говорил, что Бородинское сражение есть победа, и повторял это и изустно, и в рапортах, и в донесениях до самой своей смерти». «Несомненно всем существом своим Кутузов чувствовал, что тот страшный удар, в котором он вместе со всеми русскими людьми напряг все свои силы, должен был быть смертелен».

Толстой точно так же считает Бородинское сражение победой русского войска. С чувством национальной гордости он говорит: «Не один Наполеон... но все генералы, все участвовавшие и не участвовавшие солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений (где после вдесятеро меньших усилий неприятель бежал) испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв половину войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения. Нравственная сила французской атакующей армии была истощена. Не та победа, которая определяется... тем пространством, на котором стояли и стоят войска, а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородыным».

Прямым следствием Бородинского сражения, по мнению Толстого, было бегство Наполеона из Москвы, его отступление по разоренной Смоленской дороге, гибель его армии и гибель самой наполеоновской Франции, «на которую в первый раз под Бородыным была наложена рука сильнейшего духом противника».

VII

Большое внимание уделяет Толстой в своем произведении партизанской войне.

Партизанские действия, говорит Толстой, «всегда проявляются в войне, принимающей народный характер». Партизанская война в 1812 г. возникла не по приказанию правительства, не по предписанию главнокомандующего; она возникла в русском народе сама собой, стихийно. «Прежде чем партизанская война была официально принята нашим правительством,—говорит Толстой,—уже тысячи людей неприятельской армии — отсталые мародеры, фуражиры — были истреблены казаками и мужиками, побившими этих людей так же бессознательно, как бессознательно собаки загрызают забеглую бешеную собаку».

В своем произведении Толстой рисует главные типы русских партизан 1812 года. Это прежде всего офицер Василий Денисов, теоретик и практик партизанского движения, утверждающий, что против наполеоновской армии может быть только одна система войны — партизанская. (Некоторыми внешними чертами и фактами биографии Денисова напоминает известного поэта и партизана Дениса Васильевича Давыдова.) Денисов бесстрашен в сражениях; под пулями он едет посредине моста и на угрозы полковника не рывокать спокойно

отвечает: «Э, виноватого найдут». Но Денисов так же смел и перед начальством, как перед неприятелем. В то же время это человек чуткий и способный на глубокие чувства: он не может подавить рыдания при виде убитого в партизанской схватке с французом много юноши Пети Ростова. Впоследствии Денисов — декабрист.

Далее, из типов партизан, нарисованных Толстым, выделяется офицер Долохов — удалая сорви-голова, — с риском для жизни проникающий в лагерь французов и выведывающий там все, что ему нужно, способный на большие жестокости по отношению к тем, кого он считал своими врагами, и на большую нежность к близким людям.

Николец, партизан Тихон Щербатый из под Гжатска представляет тип крестьянина, который, не стерпев разорений и унижений, причиняемых ему и другим крестьянам французами, отправляется истреблять «мародеров». Тихон Щербатый, по определению автора, — «самый полезный и храбрый человек в партии» (отряде). Это типичный представитель русского крестьянства того времени, истреблявшего по частям великую французскую армию. В русском народе всегда было много таких Тихонов, которые не из-за награды или желания отличиться, а в полном сознании правоты своего дела очищали родную землю от вражеского нашествия.

Немецкие разбойники считают партизанскую войну отступлением от правил ведения войны. «Во всех войнах партизана считали и считают убийцей; он и не имеет права, чтобы на него смотрели иначе» — так сказано в официальном немецком издании «Вооруженные силы», описывающем военные действия Германии в 1939—1940 годах⁶. И Наполеон в 1812 г., точь-вточь как Гитлер в наши дни, жаловался на то, что русские ведут войну не по правилам.

Толстой соглашается, что война 1812 г. велась не по правилам. Он говорит: «Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородына и опять отступление, пожар Москвы, ловля мародеров, переимка транспортов, партизанская война, все это были отступления от правил». И несмотря на жалобы Наполеона о неисполнении правил, «дубина народной войны» поднялась со всею своею грозною и величественною силой к, не спрашивая никаких вкусов и правил, с глупою простотою, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погребло все нашествие».

И уже прямо от себя великий русский патриот с воодушевлением провозглашает: «И благо тому народу, который не как французы в 1813 году, отсалютовав по всем правилам искусства и перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передают ее великодушному победителю, а благо тому народу, который в мануту испуганная, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотою и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор,

пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменится презрением и жалостью».

Эти проникнутые глубоким чувством слова Льва Толстого и, в частности, его выражение «глубина народной войны» получили необыкновенное, распространенное в наши дни великой отечественной войны. Они сделались необычайно популярны именно потому, что вполне соответствуют настроению огромных масс нашего народа, не на живот, а на смерть борющегося с германским фашизмом.

VIII

Отступление русской армии перед наступающей французской армией увеличивало силу русского войска. «В русском войске, — говорит Толстой, — по мере отступления все более и более разгорается дух озлобления против врага; отступая назад, оно сосредоточивается и нарастает».

Когда же началось отступление французов от Москвы, вскоре принявшее панический характер, русская армия вела преследование неприятеля в очень тяжелых условиях: «без теплых сапог, без полушубков, без крыши над головой, в снегу при 18° морозе, без Люльного даже количества провианта, не всегда поспевавшего за армией». И в этих-то тяжелых условиях «русские, умиравшие наполовину, сделали все, что можно сделать и должно было сделать для достижения достойной изрода цели».

Горячее патриотическое чувство и огромный художественный талант позволили Льву Толстому более семидесяти лет тому назад написать произведение, которое оказалось в высшей степени современным в наши дни борьбы советского народа с немецкими захватчиками. В нашей прессе последних месяцев находим многочисленные подтверждения этого.

В записной книжке юной героини Советского Союза Зои Космодемьянской, замученной и повешенной фашистами, нашлись целые страницы выписок из «Войны и мира»¹ В. Гранатов в рассказе «Глава из романа»² описывает, как перед началом

атаки политрук Суханов дал своей артиллерийской бригаде прочесть вслух из «Войны и мира» главу о батарее Тушина. Вот как передает автор впечатление, произведенное на слушателей этим чтением: «Красноармейцы подались вперед. Боясь пропустить хоть одно слово, они смотрели в рот Кудряшову. И когда тот делал паузу, в землянке стояла мертвая тишина... Во время чтения этого отрывка красноармейцы оживленно задвигались, их лица расплылись в улыбки. Каждый примерял слова писателя к себе, и каждому казалось, что это написано именно про него, потому что именно так все и бывает при удачной стрельбе». По окончании чтения в батарее раздались замечания:

— Да, умели воевать старички!

— Батарейка — первый сорт!

— Ведь вот поди ж ты, граф Толстой, а как душу солдатскую знал!

Вся батарея под влиянием прослушанного чтения приняла решение: за два часа уничтожить у противника не одну батарею и один дзот, как было приказано, а батарею и три дзота. И решение это было исполнено.

В одном из своих последних сочинений Толстой приводит следующее изречение древнего римского оратора Цицерона: «Нет ничего мучительнее оскорблений человеческого достоинства, ничего унижительнее рабства. Человеческое достоинство и свобода свойственны нам. Будем же хранить их или умрем с достоинством».

Все творение Толстого проникнуто этой любовью к национальной свободе и стремлением сохранить неприкосновенным свое человеческое достоинство. Вот почему чтение и изучение бессмертного творения Толстого особенно поучительно и плодотворно в настоящее время, когда не только народы Советского Союза, но свободолюбивые народы всех стран мира напрягают все свои силы для того, чтобы сокрушить злейшего врага всякой свободы и всех проявлений человеческого достоинства — гитлеризм.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

¹ «Известия» № 65 от 19 марта 1942 г.

² «Правда» от 7 марта 1942 г.

³ «Биржевые ведомости» № 149 за 1870 г.

⁴ Современный Толстому военный критик его романа — генерал Драгомиров — находил, что Багратион изображен Толстым «идеально хорошо». Драгомиров М. «Разбор романа «Война и мир», стр. 27. Киев, 1895.

⁵ «Дело» № 1 за 1870 г.

⁶ «Известия» от 13 марта 1942 г.

⁷ «Правда» от 18 февраля 1942 г.

⁸ «Красная Звезда» от 5 апреля 1942 г.

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОИНЫ

ОТВЕТЫ тов. И. В. СТАЛИНА НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОГО АГЕНТСТВА АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

Московский корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс г. Кэссиди обратился к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР тов. И. В. Сталину с письмом, в котором просил устно или письменно ответить на три вопроса, интересующие американскую общественность.

Тов. И. В. Сталин ответил г-ну Кэссиди следующим письмом:

Господин Кэссиди!

Ввиду занятости и в связи с этим невозможности дать Вам интервью ограничиваюсь дачей краткого письменного ответа на Ваши вопросы.

1. «Какое место в советской оценке текущего положения занимает возможность второго фронта?»

Ответ. Очень важное,— можно сказать,—первостепенное место.

2. «Насколько эффективна помощь союзников Советскому Союзу и что можно было бы сделать, чтобы расширить и улучшить эту помощь?»

Ответ. В сравнении с той помощью, которую оказывает союзникам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы немецко-фашистских войск,—помощь союзников Советскому Союзу пока еще мало эффективна. Для расширения и улучшения этой помощи требуется лишь одно: полное и своевременное выполнение союзниками их обязательств.

3. «Какова еще советская способность к сопротивлению?»

Ответ. Я думаю, что советская способность к сопротивлению немецким разбойникам по своей силе ничуть не ниже,—если не выше,—способности фашистской Германии или какой-либо другой агрессивной державы обеспечить себе мировое господство.

С уважением

И. СТАЛИН.

3 октября 1942 года.

«Правда» от 5 октября 1942 г.

ЕЩЕ ОДНА ГИТЛЕРОВСКАЯ ФАЛЬШИВКА

На днях немецкое командование объявило, что немецкие войска, якобы, окружили и уничтожили южнее Ладожского озера 7 советских дивизий, взяли 12.370 пленных, захватили или уничтожили 244 танка, 307 орудий, 491 миномет и т. д. Это сообщение немецкого командования от начала до конца является беспардонным враньем. Ни южнее Ладожского озера, ни в каком-либо другом месте гитлеровцы не окружили не только ни одной дивизии, но даже ни одного советского полка.

Южнее Ладожского озера, в районе Синявино, в сентябре месяце советские войска предприняли наступательные бои. Целью этой операции являлось оттянуть часть сил немецкой армии с южного участка фронта. Эта цель была достигнута. Несколько немецких дивизий, в том числе 4 пехотные дивизии, стоявшие в Крыму, а именно— 24, 28, 132 и 170,— и предназначенные для операций под Сталинградом и на Тереке, спешно были переброшены в район Синявино и здесь были разбиты или основательно растрепаны советскими войсками. В ходе этих боев были разгромлены 223 и 227 немецкие пехотные дивизии и нанесены большие потери 5 горно-стрелковой, 24, 28, 121, 132 и 170 пехотным дивизиям. Противник потерял убитыми, ранеными и пленными не менее 60.000 солдат и офицеров. За это же время подбито и уничтожено до 200 немецких танков, 244 орудия, до 400 минометов, 730 пулеметов и сбито 260 немецких самолетов.

Наши войска в этих боях потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 21.384 человека. В происходивших боях наши части потеряли 58 танков, 93 орудия, 249 минометов, 77 станковых и 214 ручных пулеметов.

В результате боев в районе Синявино была прорвана оборона противника и захвачен ряд его опорных пунктов, которые, несмотря на все контратаки противника, прочно удерживаются нашими войсками.

Таковы действительные факты, полностью опровергающие новую фальшивку гитлеровских фальшивомонетчиков.

Совинформбюро.

«Правда» от 10 октября 1942 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПОЛНОГО ЕДИНОНАЧАЛИЯ И УПРАЗДНЕНИИ ИНСТИТУТА ВОЕННЫХ КОМИССАРОВ В КРАСНОЙ АРМИИ

Система военных комиссаров, установленная в Красной Армии в годы гражданской войны, возникла на почве некоторого недоверия к командным кадрам, в состав которых были привлечены старые военные специалисты, не верившие тогда в прочность Советской власти и даже чуждые ей. В годы гражданской войны военные комиссары сыграли решающую роль в деле укрепления Красной Армии и отбора командного состава, в деле ее политического просвещения и насаждения воинской дисциплины.

В последующие, после гражданской войны, годы происходил процесс дальнейшего выращивания и воспитания командных кадров. В результате этого и под влиянием успехов и побед советского строя во всех областях жизни, положение с командными кадрами в Красной Армии коренным образом изменилось.

Великая Отечественная война с немецкими захватчиками закалила наши командные кадры, выдвинула огромный слой новых талантливых командиров, испытанных в боях и до конца верных своему воинскому долгу и командирской чести. В суровых боях с врагом командиры Красной Армии доказали свою преданность нашей родине, приобрели значительный опыт современной войны, выросли и окрепли в военном и политическом отношении.

С другой стороны, военные комиссары и политработники повысили свои военные знания, приобрели богатый опыт современной войны, часть из них уже переведена на командные должности и успешно руководит войсками, многие же другие могут быть использованы на командных должностях либо немедленно, либо после известной военной подготовки.

Все эти новые обстоятельства, связанные с ростом наших командных и политических кадров, свидетельствуют о том, что полностью отпала почва для существования системы военных комиссаров. Больше того, дальнейшее существование института военных комиссаров может явиться тормозом в улучшении управления войсками, а для самих комиссаров создает ложное положение.

Таким образом, назрела необходимость упразднить в Красной Армии институт военных комиссаров, установить полное единоначалие и целиком возложить на командиров ответственность за все стороны работы в войсках.

Исходя из этого, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Установить в Красной Армии полное единоначалие и возложить целиком на командиров (начальников) ответственность за все стороны боевой и политической жизни частей, соединений и учреждений Красной Армии.

2. Упразднить в соединениях, частях, штабах, военно-учебных заведениях, в центральных и главных управлениях НКО и учреждениях Красной Армии институт военных комиссаров, а в подразделениях — институт политических руководителей.

3. Ввести в соединениях, частях, штабах, подразделениях, военно-учебных заведениях, в центральных и главных управлениях НКО и учреждениях Красной Армии институт заместителей командиров по политической части.

4. Усилить перевод наиболее подготовленных в военном отношении и получивших опыт современной войны военных комиссаров и политработников на командные должности.

5. Установить для заместителей командиров по политической части и для всех остальных политических работников общие для всех командиров Красной Армии воинские звания и знаки различия.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 9 октября 1942 г.

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ № 307

9 октября 1942 года г. Москва

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПОЛНОГО ЕДИНОНАЧАЛИЯ И УПРАЗДНЕНИИ ИНСТИТУТА ВОЕННЫХ КОМИССАРОВ В КРАСНОЙ АРМИИ

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 года — «Об установлении полного единоначалия и упразднения института военных комиссаров в Красной Армии» приказываю:

1. Освободить от занимаемых должностей комиссаров частей, соединений, штабов, военно-учебных заведений, центральных и главных управлений НКО и других учреждений Красной Армии, а также политруков подразделений и назначить их заместителями соответствующих командиров (начальников) по политической части.

2. Военным Советам фронтов и армий в месячный срок прислать политическим работникам командные воинские звания в пределах предоставленных им прав.

Военным Советам фронтов представить в Наркомат Обороны не позднее 15 ноября 1942 года через Главное Политическое Управление Красной Армии аттестационный материал для присвоения командных воинских званий политическим работникам, начиная со старшего батальонного комиссара и выше.

3. Командирам соединений и Военным Советам армий и фронтов более решительно выдвигать подготовленных в военном отношении политработников на командные должности, особенно в звене — командир роты, командир батальона.

4. Военным Советам фронтов организовать к 20 октября с. г. двухмесячные командные фронтовые курсы, численностью по 150—250 чел. для подготовки командиров рот, из наиболее способных к командной работе политработников. Отбор на курсы произвести по согласованию с Главным Политическим Управлением Красной Армии.

5. Главному Управлению кадров Красной Армии создать при курсах «Выстрел» с 1 ноября с. г. двухмесячные курсы по подготовке из наиболее овладевших военным делом комиссаров и политработников для подготовки из них 200 командиров полков и 600 командиров батальонов. Отбор на курсы произвести Главному Политическому Управлению Красной Армии совместно с Главным Управлением кадров.

6. Заместителям командиров (начальников) по политической части, назначенным настоящим приказом, сохранить прежний оклад денежного содержания.

Народный Комиссар Обороны И. СТАЛИН.

«Правда» от 10 октября 1942 г.

О РАСПРОСТРАНЕНИИ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПОЛНОГО ЕДИНОНАЧАЛИЯ И УПРАЗДНЕНИИ ИНСТИТУТА ВОЕННЫХ КОМИССАРОВ В КРАСНОЙ АРМИИ НА ВОЕННО- МОРСКОЙ ФЛОТ

Президиум Верховного Совета СССР распространил действие своего Указа от 9 октября 1942 года об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии на Военно-Морской Флот.

В соответствии с этим на всех кораблях, в подразделениях, частях и соединениях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях Военно-Морского Флота вводится институт заместителей командиров по политической части.

«Правда» от 10 октября 1942 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ ЗА ЗЛОДЕЯНИЯ. СОВЕРШАЕМЫЕ ИМИ В ОККУПИРОВАННЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Чехословацкой Республики г. Фирлинггер и представитель Французского Национального Комитета г. Гарро передали через Народный Комиссариат Иностранных Дел на имя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина коллективную ноту правительств Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии и Люксембурга и Французского Национального Комитета, подписавших 13 января с. г. «Декларацию о наказании за преступления, совершенные во время войны». В этой ноте выражено пожелание, чтобы со стороны Советского Союза было сделано предупреждение об ответственности за злодеяния, совершаемые гитлеровцами в оккупированных ими странах.

14 октября Народный Комиссар Иностранных Дел В. М. Молотов, по поручению Советского Правительства, направил г-ну Фирлинггеру и г-ну Гарро нижеследующее заявление:

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин, ознакомившись с обращенным к нему призывом представителей стран, временно оккупированных гитлеровской Германией, сделать торжественное предупреждение об ответственности за злодеяния, совершаемые гитлеровцами на захваченных ими территориях, поручил Народному Комиссариату Иностранных Дел довести до сведения правительств Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии и Люксембурга и Французского Национального Комитета нижеследующее заявление Советского Правительства:

Советское Правительство и весь советский народ относятся с чувством братской солидарности и с глубокой симпатией к страданиям и к освободительной борьбе на-

родов оккупированных гитлеровской Германией стран Европы. Бедствия, унижения и мучения, причиняемые этим народам гитлеровской тиранией, тем более понятны народам Советского Союза, что гитлеровские захватчики во временно оккупированных ими советских районах совершают в чудовищных масштабах свои злодейские преступления, — массовые убийства мирных граждан, разрушение городов и деревень, ограбление и разорение населения, зверские насилия над женщинами, детьми и стариками, увод в рабство сотен тысяч людей.

Сообщенные Советскому Правительству в полученном им коллективном обращении сведения о зверствах гитлеровских оккупантов и их сообщников снова подтверждают повсеместный и преднамеренный характер их кровавых преступлений, свидетельствуя о том, что немецко-фашистское правительство и его сообщники, стремясь поработить народы оккупированных стран, разрушить их культуру и унизить национальное достоинство, поставили себе также целью прямое физическое истребление значительной части населения на захваченной территории.

Советское Правительство в то же время констатирует, что германским фашистам не удалось ни методами устрашения и подкупа, ни путем разжигания расовой розни, ни грабежами и голодом, ни кровавыми расправами сломить волю европейских народов к борьбе против оккупантов за освобождение и восстановление независимости своих стран. Не страшась неизбежных жертв, которые несет с собой эта справедливая освободительная борьба, и не зная ни пощады к врагу, ни компромиссов с ним и его пособниками, патриоты в угнетаемых гитлеровцами странах применяют все доступные средства борьбы с захватчиками, вплоть до развертывания народного партизанского движения.

Мужественные борцы за честь, свободу и независимость народов, угнетаемых гитлеровцами, не останавливаются ни перед чем, чтобы нанести гитлеровским оккупантам и германской военной машине максимально возможный ущерб; они срывают военно-промышленное производство на оккупированных территориях, действуя разными методами, от замедления темпов и ухудшения качества работы до забастовок, массового ухода с производства, порчи машин и продукции, диверсионных актов на заводах, электростанциях, шахтах; они организуют бойкот сельско-хозяйственных поставок немецким угнетателям; они срывают мероприятия гитлеровцев по вербовке и увозу в Германию иностранных рабочих, обрекаемых на рабский труд для производства оружия, предназначенного против союзников угнетенных народов Европы; они, борцы против гнета германских разбойничьих империалистов, уничтожают или портят военные и сырьевые запасы оккупантов, они нарушают коммуникации врага, разбирая рельсы, взрывая мосты и пуская поезда под откос, вызывая аварии на торговых судах и военных кораблях, разрывая телеграфную и телефонную связь; они оказывают практическую помощь действиям союзной авиации над оккупированной гитлеровцами территорией; они саботируют мероприятия военных и гражданских оккупационных властей; они наказывают смертью виновников, организаторов и исполнителей гитлеровского насилия и террора, так же как и предателей, помогающих оккупантам. Наиболее ощутимый ущерб нанесен врагу в тех странах, где, наподобие великому движению народных мстителей-партизан, борющихся против оккупантов на временно оккупированных гитлеровцами советских территориях, верные патриоты бесстрашно вступили на тот же путь вооруженной борьбы с захватчиками, как это имеет место в особенности в Югославии.

Не подлежит сомнению, что успешное развитие этой славной освободительной борьбы во всех ее проявлениях станет одним из самых важных условий окончательного разгрома общего врага и приблизит час возмездия, к которому столь справедливо призывают представители оккупированных гитлеровской Германией стран.

В нотах Народного Комиссара Иностранных Дел В. М. Молотова от 25 ноября 1941 года — О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных, от 6 января с. г. — О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях и от 27 апреля с. г. — О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных ими советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления, — направленных всем правительствам, с которыми Советский Союз поддерживает дипломатические отношения, Советское Правительство возложило «всю ответственность за бесчеловечные и разбойничьи действия немецких войск на преступное гитлеровское правительство Германии» и заявило, что «гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные злодеяния, совершенные против народов СССР и против всех свободолюбивых народов». Советское Правительство сообщило также, что его органы «ведут подробный учет всех этих злодейских преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия».

Ознакомившись ныне с полученной информацией о чудовищных злодеяниях, совершенных и совершаемых гитлеровцами по приказу правительства и военных и гражданских властей Германии на территории Франции, Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии и Люксембурга, и предавая поступившую от представителей этих стран информацию широкой гласности, Советское Пра-

вительство настоящим вновь заявляет во всеуслышание, со всей решительностью и непреклонностью, что преступное гитлеровское правительство и все его пособники должны понести и понесут заслуженное суровое наказание за злодеяния, совершенные ими против народов Советского Союза и против всех свободолюбивых народов на территориях, временно оккупированных немецкой армией и ее сообщниками.

Советское Правительство одобряет и разделяет выраженное в полученной им коллективной ноте законное стремление обеспечить передачу в руки правосудия и привлечение к ответственности виновных в указанных преступлениях и приведение в исполнение вынесенных приговоров. Советское Правительство готово поддерживать направленные к этой цели практические мероприятия союзных и дружественных правительств и рассчитывает, что все заинтересованные государства будут оказывать друг другу взаимное содействие в розыске, выдаче, предании суду и суровом наказании гитлеровцев и их сообщников, виновных в организации, поощрении или совершении преступлений на оккупированной территории.

Советское Правительство согласно с заявлением Президента Соединенных Штатов Америки г. Рузвельта, сделанным им в его речи 12 октября, по вопросу о наказании «нацистских лидеров, конкретно ответственных за бесчисленные акты зверств», а именно, что «клика лидеров и их жестоких сообщников должна быть названа по имени, арестована и судима в соответствии с уголовным законом». Всеми человечеству уже известны имена и кровавые злодеяния главарей преступной гитлеровской клики — Гитлера, Геринга, Гесса, Геббельса, Гимmlера, Риббентропа, Розенберга и других организаторов немецких зверств из числа руководителей фашистской Германии. Советское Правительство считает, что оно, так же как и правительства всех государств, отстаивающих свою независимость от гитлеровских орд, обязано рассматривать суровое наказание этих уже изобличенных главарей преступной гитлеровской шайки, как неотложный долг перед бесчисленными вдовами и сиротами, родными и близкими тех невинных людей, которые зверски замучены и убиты по указаниям названных преступников. Советское Правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии.

Возобновляя в данный момент свое предупреждение о всей тяжести ответственности, которую должны понести преступные гитлеровские правители и все их пособники за совершаемые ими чудовищные злодеяния, Советское Правительство считает своевременным подтвердить выраженное в его официальных заявлениях убеждение в том, что гитлеровское правительство, признающее только грубую силу, «должно быть сломлено всесокрушающей силой свободолюбивых народов», ибо «интересы всего человечества требуют, чтобы как можно скорее и раз навсегда покончить с шайкой оголтелых убийц, именуемой правительством гитлеровской Германии».

Народный Комиссар Иностранных Дел В. МОЛОТОВ.

г. Москва, 14 октября 1942 года.

«Правда» от 15 октября 1942 г.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Великая отечественная война. Литературно-художественный сборник.
Огиз. Государственное издательство художественной литературы.
М. 1942. 580 стр. 15 руб.

Великая отечественная война советского народа против фашистских захватчиков нашла яркое отражение и в художественной литературе. Беспрецедентный в истории героизм советского народа и его Красной Армии, защищающих жизнь и честь родины, борющихся за избавление всего человечества от фашистского варварства, вдохновляет художников, вливает в них новые творческие силы. Возвышенным и благородным целям этой всенародной отечественной войны, героям ее фронта и тыла советская художественная литература начиная с первых дней войны посвятила уже немало волнующих страниц, зовущих на дальнейшие подвиги во имя любви к родине, будящих ненависть и презрение к подлому врагу.

Рецензируемый сборник составлен из литературно-художественных произведений, написанных в первые 11 месяцев войны.

Особая ценность художественных произведений, включенных в сборник, заключается в том, что многие из них написаны прямыми участниками войны. Овеянные в буквальном смысле слова грохотом великой битвы, эти художественные произведения действуют особенно сильно. «Правда искусства глубоко волнует,— правильно замечает редакция в своем предисловии.— Своей силой оно способно вдохновить бойца на битву, поднять его на сокрушение и уничтожение врага. Эту задачу может выполнить только тот писатель и поэт, который сам охвачен пафосом борьбы. Только писатель-боец, поэт-воин». В этом смысле можно сказать, что рецензируемый сборник представляет собой новое дополнительное оружие для разгрома врага. Этот характер его нашел свое отражение также и в том, что всю непосредственную работу по его составлению и редактированию провели политработники Красной Армии — бригадный комиссар А. Баев и батальонный комиссар С. Щукин.

Сборник состоит из семи разделов. В качестве эпиграфа каждому из них предпосланы соответствующие выдержки из вы-

ступлений товарища Сталина о великой отечественной войне.

I раздел составлен из очерков и стихотворений, в которых воспеты благородные освободительные цели отечественной войны против фашистских извергов. «Не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игмом германского фашизма» (И. Сталин) — таков эпиграф, предпосланный I разделу. Стихотворение «Вождю» А. Суркова, очерки «Родина», «Кровь народа» Алексея Толстого, «Поэма любви и гнева» великого певца Казахстана Джамбула и ряд других произведений проникнуты глубокой любовью к советской родине, к вождю советского народа Иосифу Виссарионовичу Сталину, ведущему нас через суровые испытания и напряженную борьбу к победе над заклятым врагом всего человечества.

В дни кровавой борьбы с фашизмом родина стала нам особенно дорога. Образно и ярко рисуя прошлое нашей страны, культуру, А. Толстой заканчивает свой очерк словами, полными непобедимой веры в нашу победу над фашистскими ордами: «Земля отцов и дедов немало поглотила полчищ наезжавших на нее насильников. На Западе возникали империи и гибли. Из великих становились малыми, из богатых — нищими. Наша родина ширилась и крепла, и ничто не могло пошатнуть ее. Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет» (стр. 9).

Не покорить фашистским людоедам такую страну, как наша, — страну Пушкина и Толстого, Менделеева и Павлова, Мусоргского и Бородина; не подчинить ни силой, ни хитростью советских рабочих и крестьян, которые идут в бой «за нашу культуру, за книги, за право мыслить, творить, совершенствовать мир» (стр. 23), — писал Илья Эренбург в своем очерке «Выстоять» в те грозные часы осени 1941 г., когда враг рвался к Москве. За нашу родину под водительством Сталина мы будем биться с врагом до конца.

«Сталин зовет нас в труды и в бою

Биться с врагом за отчизну свою!» —

восклицает А. Джамбул, выражая настроение всех патриотов нашей родины.

Центральное место в сборнике занимает раздел II, посвященный героизму нашей славной Красной Армии. Воспитанные сталинской эпохой, верные нековым традициям нашего народа, герои Красной Армии являют непревзойденные в истории образцы мужества и отваги. Смелость, презрение к смерти, готовность вступить в бой с численно превосходящими силами противника — их основная черта. И именно эта смелость часто позволяет им выходить с победой из, казалось бы, безвыходных положений.

«Смелыми Сталин гордится.

Смелого любит народ.

Смелого — пуля боится.

Смелого — штык не берет» —

поется в «Песне смелых» А. Суркова (стр. 70).

Комиссар дивизии в рассказе К. Симонова «Третий адъютант» непоколебимо убежден, что смелых убивают реже, чем трусов.

Своей исключительной отвагой и смелостью славились морские полки, державшие оборону Одессы. Достойные потомки героев обороны Севастополя во время Крымской кампании 1856 г., они в течение ряда месяцев сдерживали бешеный натиск врага в условиях, когда на одного советского воина приходилось не менее шести врагов. Л. Соболев в одной из своих одесских записей «Черная туча» рассказывает, как два батальона морской пехоты, получив задание держать посадку, закрывавшую доступ к позиции, выгодной для обстрела Одессы, не отступили ни шагу несмотря на непрерывные атаки превосходящих сил врага: «Две недели подряд на эту посадку одна за другой накатывались волны атакующих румын (в иную атаку до восьми волн!), — накатывались и разбивались о твердость и выдержку советских моряков, как о скалу» (стр. 94).

Командир батальона полковник Осипов поучал своих бойцов: «Окружением маленьких пугают... Не все ли равно, где бить врага: сзади, с боков или спереди? Только не зевайте, высматривайте, откуда лезет. Крепче держитесь, товарищи, по-флотски держитесь!» И он со знанием дела разъяснял им выгодные стороны их трудной позиции, учил выдержке и хладнокровию во время атаки врага. «Подпуская ближе, не нервничай, — говорил полковник. — Они лезут, а ты посиживай, посматривай, выбирай цель, — и тогда только бей, когда его проклятую рожу разглядишь, а на ней — страх» (стр. 94—95). И моряки стойко держались под ураганным минометным и артиллерийским огнем, под ливнем пуль атакующих автоматчиков, а подпустив их вплотную,

носили врагов яростным огнем и уничтожали штыком. Румыны безмерно боялись одетых в черные брюки и черные бушлаты моряков; они прозвали их «черной тучей».

Герои Красной Армии, не задумываясь, отдают свою жизнь для победы над врагом. Презрение к смерти — это порожденное высоким патриотизмом чувство, исконно свойственное русскому народу, руководило и сержантом Мирошниченко, незабываемый подвиг которого воспел Ив. Молчановым в стихотворении «Презрение к смерти». Сержант должен был взорвать мост. В самый последний момент он обнаружил, что шнур перебит осколком снаряда. Немцев нельзя было допустить на мост — и сержант зажег запал спичкой:

«Был смысл решения ярам и прост:

Тот победит, кто смел!

Сержант

Взорвал себя и мост.

Но мост к победе — цел!» (стр. 283).

Смелость и мужество бойцов Красной Армии сопровождаются величайшей сообразительностью и находчивостью. Русский солдат всегда отличался сметкой и инициативой, которые так высоко ценил в нем великий Суворов, боровшийся против пруссачества в русской армии, против превращения солдата в автомат, не умеющий рассуждать, лишенный инициативы. Когда сержанта Жабина (рассказ Алексея Толстого «Смельчаки») спросили, как ему все-таки удалось столько дней пробыть с двадцатью пятью красноармейцами в фашистском тылу и уйти невредимыми, он ответил: «У фашистов сплошного фронта нет, — они наступают очертя голову, узкими клиньями, и — если у тебя котелок варит — всегда можно проскочить» (стр. 103, 106).

Конница генерала Доватора (рассказ В. Ставского «Казачи») совершает свой доблестный рейд в тыл врага, рейд, который вызвал панику в рядах немцев и во время которого было уничтожено свыше трех тысяч фашистов. Сколько выдержки и находчивости, сколько боевого умения и личного бесстрашия было проявлено в этом рейде каждым из его участников! Ведь дважды надо было прорваться через фронт и действовать против численно превосходящего врага, вооруженного танками и минометами!

В борьбе с ненавидимым врагом герои фронта проявляют упорство и непоколебимую настойчивость. Летчика Прохора (рассказ Ник. Шпанова «Слепень») полковник называет слепнем за его исключительное умение навязать бой врагу и довести его до конца даже тогда, когда «единственным

ясно выраженным желанием немца бывает «удрать», удрать во что бы то ни стало». Артиллерист Кряжев (рассказ Кирилла Левина «Наблюдательный пункт»), заняв наблюдательный пост, корректировал огонь нашей артиллерии. Неприятель приближался. Надо было его сокрушить во что бы то ни стало и отбросить от водного рубежа. Только одна мысль владела Кряжевым — уничтожить пытающихся переправиться через реку гадов: «Теперь он сам находился под огнем своих орудий, но не было времени думать об этом. Жадно прощупывал он глазами каждый уголок того берега, и где только замечал нетронутое местечко, направлял туда огонь. Вся картина сокрушительного удара нашей артиллерии развернулась перед его глазами, и в эту минуту все его внимание и силы направлялись на то, чтобы сделать этот удар еще сокрушительнее, смертельнее» (стр. 220).

Тема III раздела сборника — тыл германской армии во временно оккупированных фашистами советских районах, «новый тыл в чужой стране, разрушаемый к тому же нашими партизанами» (И. Сталин). Советские люди ненавидят фашистов, они жертвуют своей жизнью, чтобы уничтожить презренных извергов. В рассказе Ванды Василевской «В хате» бабка Анисья, на глазах у которой фашисты зверски замучили двух раненых красноармейцев, облила ночью керосином солому, на которой фашисты спали в ее избе, крепко заперла дверь и окна, подожгла солому. В пламени вместе с ней погибли и фашисты. Нельзя без волнения читать рассказ В. Ильенкова о рядовом колхознике Фегисе Зябликове, которого любовь к родине и ненависть к врагу сделали подлинным героем. Будучи арестован вместе с группой своих односельчан фашистами, он называет себя коммунистом, чтобы спасти жизнь товарищей.

Героические подвиги совершают партизаны, оказывая большую помощь Красной Армии. Если врагу удастся их захватить живыми, они держатся с изумительной стойкостью, подобно Николаю Большакову (очерк П. Павленко, Б. Изакова «Смерть Николая Большакова»): «Он приоткрыл глаза, оглядел издевающихся над ним палачей и, вздохнув, снова закрыл глаза, приготовившись вытерпеть все, что будут творить над ним... Не бесчувственное тело пытали немцы, а живую и крепкую душу» (стр. 338). Ни слова врагам не удалось вырвать у героя-партизана.

Ник. Тихонов в стихотворении «Киров с нами» дает картину великого города Ленина, который под бомбежками и ору-

днейным обстрелом продолжал свою работу на оборону:

«И Киров остался меж ними,
Сражаясь, в работе спеша,
Лишь вспомнят могучее имя,
И мужеством крепнет душа» (стр. 364).

Трудовому героизму, героизму в тылу, посвящены стихи и очерки V раздела сборника, которому предпосланы слова товарища Сталина о том, что наша армия действует в своей родной среде, пользуется непрерывной поддержкой своего тыла, имеет обеспеченное снабжение людьми, боеприпасами, продовольствием и прочно верит в свой тыл. К сожалению, материалов, которые должны явиться иллюстрацией этих слов товарища Сталина, в разделе мало. Этот раздел сборника по содержанию беднее других разделов. Часть материалов, помещенных в нем, говорит не о крепости нашего тыла, не о его помощи фронту, а характеризует тыл врага. Такие рассказы, как «Учительница из Жашкова» Б. Галина, «Варежки» В. Ильенкова, «По тылам» Юрия Слезкина, правильнее было бы отнести в III раздел: в них речь идет о советских патриотах, которые в тылу врага ведут с ним беспощадную борьбу.

Хороши рассказы Гайдара и Яновского о советских детях.

Материалы VI и VII разделов рисуют отвратительное лицо врага, те «новые порядки», которые он насаждает во временно оккупированных им советских районах. Ненавистью, презрением к фашистским гадам дышат очерки и фельетоны Ильи Эренбурга, М. Шолохова, Бориса Ямпольского, стихи А. Суркова, М. Слободского и др., посвященные этой теме. Очерк Мих. Шолохова «Военнопленные» показывает фашистских извергов, попавших в плен и ждущих в страхе расплаты за свои злодеяния. Это жалкие трусы, которым чужды высокие чувства мужества, товарищества. Но на временно оккупированной советской территории эти представители грабьармии имеют возможность распоясаться вовсю. Борис Ямпольский в очерке «Зеленая шинель» описал факты, свидетелем которых он был сам или о которых ему пришлось слышать от очевидцев; их нельзя читать без чувства страстной ненависти к врагу. «Немец в зеленой шинели — разбойник и грабитель... И молчание в хате, когда входит зеленая шинель. Он, как собака, лает, но никто не по-

нимает чужеземца. Все молчат. Он рыщет, как хорек, по всей хате, заглядывает в печь, нюхает горшки, лезет в погреб, на чердак, тащит сало, яйца, муку, поднимает половицы, отбивает замки, копается в семейных сундуках, лает — все требует что-то по-своему» (стр. 528). Варвар, уничтожающий культуру, насилующий девушек, грабитель, автомат, расстреливающий стариков, детоубийца, зверь — вот облик фашиста, прекрасно обрисованный в стихах М. Слободского.

Сатирический очерк Дживелегова «Пикрошоль Четвертый», фельетон Зоценко «Чучело» и стихи М. Слободского и Безыменского зло высмеивают идейное убожество гитлеризма и бредовые планы Гитлера о завоевании всего мира.

Сборник богато иллюстрирован. Открывается он портретом товарища Сталина. Рисунки с натуры художников В. Хвостенко, Н. Жукова, В. Смирнова и А. Лаптева воспроизводят типы бойцов и командиров

славной Красной Армии, образы героических партизан и партизанок, а также отдельные моменты боевой жизни фронта великой отечественной войны. На рисунках с натуры художников Н. Жукова, И. Жаркова и П. Соколова-Скала изображены пленные фашисты. Глубокое омерзение вызывают лица этих представителей «высшей расы», свидетельствующие о вырождении, о полном отсутствии интеллектуальной жизни.

Сборник хорошо оформлен, напечатан на хорошей бумаге крупным, четким шрифтом (к сожалению, он не лишен отдельных опечаток: см. стр. 116, 266).

Сборник «Великая отечественная война», несомненно, заслуживает положительной оценки. Он воспитывает чувство советского патриотизма, дает яркую, образную, правдивую картину того, чем является великая отечественная война.

В. Ольгина

Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году.

Одиз: Госполитиздат. 1942. 239 стр. 4 руб.

В серии «История гражданской войны в документах» вышла новая книга — сборник документов о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году. Этот сборник значительно отличается от сборника «Крах германской оккупации на Украине», вышедшего в 1936 г. и давно ставшего библиографической редкостью. Сборник 1936 г. содержит документы, взятые из переписки германских оккупационных властей на Украине. Новый сборник включает многочисленные материалы архивов СССР из фондов истпарта ЦК КП(б)У, Совета народных комиссаров, различных украинских газет, фондов «Державной канцелярии Рады народных министров», «Киевского повитового комиссара УНР», губернских старост, волостных управлений и т. д. Включены в сборник также и некоторые материалы редакции «Истории гражданской войны», имеющие актуальное значение для современного момента.

При составлении сборника использованы фонды Центрального архива Октябрьской революции (ЦАОР), Центрального архива Красной Армии (ЦАКА), Центрального государственного исторического архива УССР, а также исторические архивы ряда областей Украины. Кроме того в новый сборник вошла часть документов, опубликованных в сборнике «Крах германской оккупации на Украине» (издательство «История гражданской войны». 1936).

290 документов сборника расположены в хронологическом порядке по следующим пяти разделам: 1. Вторжение германских империалистов на Украину. 2. Вооружен-

ный отпор германскому нашествию на Украину. 3. Реставрация буржуазно-помещичьего строя и колоннальный грабег Украины оккупантами. 4. Партия большевиков — руководитель отечественной войны против германских оккупантов. 5. Изгнание оккупантов и восстановление советской власти на Украине.

Сборник документов открывается статьей товарища Сталина «Украинский узел», опубликованной в «Известиях ВЦИК» 14 марта 1918 года. В этой статье товарищ Сталин разоблачает подготовку немецкими империалистами нашествия на Украину, их захватнические планы на Востоке, планы грабежа Украины и отмечает подъем освободительной отечественной борьбы украинских рабочих и крестьян против позорного немецкого ига, «которое ничуть не лучше старого, татарского».

Перейдя в феврале 1918 г. в наступление, немецкие империалисты поставили своей целью свержение советской власти, уничтожение государственной независимости нашей родины и превращение Советской России в колонию германского империализма. Грозная опасность нависла тогда над нашей родиной. В смертельной схватке с первыми оккупантами — немецкими империалистами — решалась судьба великих завоеваний Октябрьской социалистической революции. 21 февраля 1918 г. в связи с наступлением немцев Ленин и Сталин объявили социалистическое отечество в величайшей опасности. Вольшевицкая партия и советское правительство призвали рабочих и крестьян страны к беззаветной защите

те Республики советов против полчищ империалистической Германии. В воззвании говорилось: «Священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита Республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии... Социалистическое отечество в опасности! Да здравствует социалистическое отечество!»¹.

На призыв партии и правительства защищать социалистическое отечество, «защищать каждую позицию до последней капли крови» рабочие и крестьяне ответили массовым вступлением в ряды формирующейся Красной Армии. На борьбу с немецкими оккупантами устремились передовые советские люди, готовые отдать все свои силы, свою жизнь для защиты великих завоеваний Октябрьской революции и власти советов.

Первые отряды Красной Армии героически отразили нашествие германских войск и в решительных боях под Нарвой и Псковом приостановили их продвижение на Петроград. Именно поэтому день отпора немецким империалистам — 23 февраля 1918 года — стал днем рождения Красной Армии. Получив отпор на петроградском направлении, немцы подписали брестский мир с Советской Россией. Но в то же время полчища немецких империалистов, воспользовавшись предательством Центральной Рады, продолжали двигаться на Украину. «Богатая, плодородная Украина являлась всегда предметом их вожделения. В аннексионистских планах Германии Украина как плодородная житница, как дорога на восток занимала центральное место» (стр. 5). Заодно с ними устремились в югозападном направлении и австро-венгерские империалисты. Они сообща с немцами решили грабить Советскую Украину.

Аннексионистские планы германских империалистов на Востоке не ограничивались порабощением Украины. Австрийский генерал Альфред Краус в своем донесении начальнику генерального штаба Австро-Венгрии пространно сообщает о дальнейших территориальных вожделениях германских империалистов. Альфред Краус пишет, что Германия хочет «навсегда закрепить за собой самый безопасный путь на Месопотамию и Аравию, через Баку и Персию. Эта возможность особенно заманчива для германцев сейчас, когда они оккупировали Украину». И далее австрийский генерал подчеркивает, что «главные интересы Германии направлены через Украину и Крым на Индию» (стр. 26).

Но расчеты немецкого командования завоевать Украину потерпели крах. Украинский народ оказал упорное сопротивление немецким захватчикам.

В организации вооруженного отпора германскому нашествию на Украину огромную роль сыграла директива товарища Сталина Народному секретариату Украинской республики — первому украинскому советскому правительству. По поручению Совнар-

кома товарищ Сталин призвал киевлян, не теряя ни одной минуты, мобилизовать все жизнеспособное население, организовать оборону Киева и отстаивать его «до последней капли крови» (стр. 30). «Удержать банды германцев во что бы то ни стало» — таков был приказ товарища Сталина.

Созданные по директивам партии рабочие отряды самоотверженно дрались за каждый населенный пункт. Защитники города Херсона две недели обороняли свои рубежи. Немецкие захватчики почувствовали силу народного сопротивления на Украине. В своих листовках, сбрасываемых вместе с бомбами на города, немцы грозили жителям: «Каждое лицо, захваченное с оружием в руках, будет расстреляно, а каждый дом, в котором будет найдено оружие, будет сожжен».

Вторжение германских империалистов на Украину сопровождалось установлением зверского оккупационного режима, широким применением террора, военно-полевых судов и расстрелов. Немцы захватывали вооруженной силой хлеб, скот, государственное имущество и отправляли все награбленное в Германию. В 1918 г. «немецкий империализм разоблачил себя до конца в том, что он был хищником»². В д. Юровка, Будаевской волости, немецкие оккупанты, «наводя страх и ужас на все население волости» (стр. 14), забрали у жителей все более или менее ценное имущество.

Немецкие хищники скоро испытали на себе силу ненависти и вражды украинского народа. Полковник фон Штольценберг 10 марта 1918 г. телеграфировал из Киева своему начальству в Берлин: «Враждебное отношение крестьянского населения, которое при реквизиции фуража и хлеба не останавливается перед вооруженными выступлениями против наших войск, продолжает расти... Следует учесть для дальнейших операций, что в связи с создавшимся положением в любой момент могут возникнуть открытые военные столкновения хотя бы и в форме партизанской войны» (стр. 16).

Расчеты немцев на Украину как открытую для них даровую житницу не оправдались. «Продовольственная кампания в богатой Украине оказалась по общему признанию крахом»³, — писал Ленин в июне 1918 г. о провале продовольственных планов германских империалистов на Украине.

Несмотря на захват территорий как в Восточной, так и в Западной Европе, германский империализм подходил все ближе к грани неизбежного разгрома.

В момент наивысших военных успехов кайзеровской Германии Ленин писал: «Чем дальше одерживает свои победы Германия, тем яснее становится для всех, даже для многих представителей из крупной буржуазии Германии, что война безысходна»⁴.

Против германского вторжения советский народ поднял непримиримую освободительную отечественную войну. «Против иноземного ига, идущего с Запада, — писал товарищ Сталин 14 марта 1918 г., — совет-

ская Украина подымает освободительную отечественную войну, — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине» (стр. 10). По всей стране развертывалась освободительная борьба против немцев, выдвинувшая из народной гущи таких легендарных героев, какими были Щорс, Боженко, Киквидзе и другие.

Партия большевиков организовала и возглавила отечественную войну украинского народа против германских оккупантов. Партийные организации Киева, Николаева и других городов Украины бросили все свои силы на борьбу с иноземными захватчиками. Мобилизуя народные массы на отечественную войну против немецких оккупантов, Николаевский комитет партии большевиков в своем воззвании призывал: «Не исполняйте законов и распоряжений, изданных в интересах немецких палачей и украинских капиталистов и помещиков! Не платите податей и налогов! Не давайте своих сыновей в армию! Сделайте невозможным пребывание пришельцев на Украине. Долой власть насильников! Да здравствует власть рабочих и крестьян!» (стр. 139—140).

Большое значение имела подпольная работа коммунистов в занятых немцами районах. Я. М. Свердлов, приветствуя от имени ЦК РКП(б) I конференцию коммунистических организаций оккупированных областей, говорил: «Работа в оккупированных местах и тесная связь с ними имеют огромное значение. Наша цель — сплочение всех этих организаций. Необходимо, чтобы всегда чувствовалась связь с нашей партией, исходя из общих партийных задач» (стр. 191).

Подпольные большевистские организации Киева, Полтавы, Чернигова, Одессы, Луганска и других городов проводили большую агитационно-пропагандистскую и военную работу среди населения, организовывали стачки рабочих, выпускали газеты и листовки, создавали боевые дружины на фабриках и заводах, создавали партийные ячейки и ревкомы в крупных деревнях, вели пропаганду среди оккупационных войск.

Все сильнее и сильнее горела почва под ногами германских оккупантов. Негодование народа нарастало с каждым часом. В день годовщины Великой Октябрьской социалистической революции на Украине происходила всеобщая забастовка. Тов. Мануильский, сообщая об однодневной забастовке в Киеве, писал наркоминделу Чичерину: «В связи со слухами о предстоящем якобы в Киеве выступлении в Киев были стянуты немецкие войска в большом количестве. По городу в этот день разъезжали броневики и дефилировала немецкая артиллерия» (стр. 198).

Но угрожающие военные парады не могли спасти немецких захватчиков от народной мести. Департамент державной варты сообщал 9 ноября 1918 г. харьковскому губернскому старосте: «Настроение рабочих крайне враждебное к существующему строю и определенно большевистское. Железнодорожные служащие открыто говорят, что взрывы мостов и другие выступления есть только прелюдия грядущего восстания. Что касается оружия, то такового очень много находится на руках у рабочих Харькова и его пригородов, доказательством чего могут служить результаты обысков в целых кварталах, где было конфисковано большое количество разного рода оружия, составляющего лишь незначительную часть имеющегося на руках у революционных элементов» (стр. 199).

Крах немецкой оккупации на Украине начался задолго до ноябрьской революции в Германии. Всеукраинская железнодорожная забастовка, происходившая в июле 1918 г., и вооруженные восстания украинских рабочих и крестьян в августе и сентябре сильно подорвали германский оккупационный режим на Украине.

17 ноября 1918 г. Совнарком создал реввоенсовет украинского фронта во главе с товарищем Сталиным. Под ударами Красной Армии и партизанских отрядов немецкие оккупанты бежали с украинской земли. Советская власть была восстановлена. Созданное временное рабоче-крестьянское правительство во главе с тов. Ворошиловым и тов. Артемом подготовило созыв Всеукраинского съезда советов — полномочного хозяина Советской Украины.

Очень удачно сборник заканчивается текстом приветствия председателя ВЦИК Я. М. Свердлова III съезду советов Украины. В этом приветствии подчеркивается, что «ни с одной частью старой Российской империи нынешняя Советская Российская Республика не связана так тесно, как она связана с Украиной. На всех фронтах, где приходилось Советской власти бороться с нашествием полчищ империализма, рабочие и крестьяне России проливали свою кровь рядом с рабочими и крестьянами Украины. Ни с одной частью Советская Россия так тесно не связана, как с Советской Украиной. Общая кровь, пролитая в общей борьбе, спаяла эти две Советские Республики единым величайшим стремлением. До сих пор они вели борьбу с империализмом, и будем надеяться, что и впредь борьбу они будут вести плечом к плечу» (стр. 226).

К сборнику приложены примечания и указатель источников. В примечаниях даны наряду с другими фактическими справками иностранные характеристики различных органов печати на Украине в 1918 году.

«Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году» значительно дополняют издаваемые раньше материалы и документы по изучению гражданской войны в СССР.

«Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году» значительно дополняют издаваемые раньше материалы и документы по изучению гражданской войны в СССР.

В целом сборник производит положительное впечатление. Он подготовлен к печати продуманно, на должном научном уровне. Как исключение встречаются отдельные досадные опечатки. Например известно, что Полтава была взята советскими войсками 19 января 1919 г., между тем телеграмма

временного рабоче-крестьянского правительства Украины товарищу Сталину о взятии Полтавы датирована в сборнике 20 января 1918 года.

★

Разбойничья банда гитлеровской Германии не учла исторические уроки 1918 г., ввязалась в новую военную авантюру, которая завершится полным и окончательным

разгромом германских империалистов. По своим зверствам и насилиям гитлеровские выродки превзошли своих предшественников, основательно побитых на Украине в 1918 году. Украинский народ имеет свой особый счет к немцам, и он не пожалеет сил, чтобы навсегда похоронить немецких оккупантов.

В. Галкин

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

¹ Ленин «Из эпохи гражданской войны», стр. 30. Партиздат. М. 1934.

² Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 61.

³ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 80.

⁴ Там же.

СЫТИН В.— А. В. Суворов. Госкиноиздат. М. 1942. 32 стр.

За последнее время наша литература обогатилась рядом новых работ о великом русском полководце А. В. Суворове. Советский читатель проявляет особенный интерес к этим книгам, показывающим яркий, мужественный облик великого русского полководца, вдохновляющий нас в борьбе против немецкого фашизма.

Понятно, что к книге, рассчитанной на массового читателя, должны быть предъявлены ныне повышенные требования. К сожалению, рассматриваемая нами брошюра о Суворове не отвечает этим требованиям и обладает весьма существенными недостатками. Автор не сумел показать А. В. Суворова, зовущего последующие поколения самоотверженно служить своей отчизне. А ведь великий полководец русского народа писал: «Потомство мое прошу брать мой пример: до издыхания быть верным отечеству, убежать роскоши, корыстолюбия и искать славы через истину и добродетель, которые суть моим символом».

В книге о Суворове следовало показать, что полководческое искусство Суворова во многом опередило его век (XVIII). Надб было подчеркнуть, что Александр Васильевич сорок лет водил войска во славу любимой России и все эти годы он учился искусству побеждать врагов своей родины.

Брошюра о Суворове не дает ответа на основной вопрос: на какие рычаги опирался наш великий предок, поднявший отечественное военное искусство на громадную

высоту, превративший русскую армию в одну из лучших в мире? А необходимо было показать, что величайший русский полководец использовал национальные качества русской армии. Денис Давыдов метко охарактеризовал Александра Васильевича, как военачальника, который «положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение»¹. Благодаря этому Суворов «удесятерил пользу, приносимую повиновением, сочетав его в душе нашего солдата с чувством воинской гордости и уверенности в превосходстве его над всеми солдатами в мире, — чувством, которого следствию нет пределов»².

Известно, что Суворов был прекрасным воспитателем бойцов. Он требовал быстроты и наглядности обучения. Рассматривая каждого воина прежде всего как защитника отчизны, гениальный полководец считал, что все бойцы должны сознавать цели войны, задачи подготовляемой операции. Сознательное выполнение своих обязанностей в бою — залог победы, учил Суворов. Автор же упрощенчески сводит эти требования великого полководца к утверждению, что «Суворов требовал от офицеров и солдат понимающих приказов» (стр. 9). Обращает на себя внимание «открытие» В. Сытина: «Впервые в истории (?) он (Суворов.— Е. Б.) стал обучать солдат практике военного дела» (стр. 9). Возникает вопрос: что же тогда делали Петр I и ряд других выдающихся полководцев своего времени?

Непонятно, почему в брошюре дважды

рассматриваются одни и те же вопросы (см. главу «Глазмер, быстрота, натиск», стр. 11 и др., а также главу «Наука побеждать», стр. 21 и др.). В этих разделах автор хотел показать сущность военного искусства Суворова. Но с поставленной задачей он не справился. Следовательно отметить, что Александр Васильевич в качестве основной формы боя утверждал наступление и атаку. Даже в условиях окружения частям предлагалось быстро прорвать кольцо окружения, не переходя к обороне. Наступательная стратегия великого русского полководца требовала быстроты маневрирования и сосредоточения превосходящих по численности сил на решающем направлении: «Быстрое неослабное и безостановочное нанесение неприятелю удара за ударом приводит его в замешательство, лишает его всех способов отравляться»³.

В тексте встречается много неясностей, недоговорок. Так например говорится, что штурм Очакова «не удался» (стр. 16), но не сказано, что в конечном счете Суворов взял крепость. Описывая штурм Фокшан, автор пишет: «Русские ударили через лес во фланг, австрийцы — по фронту. Победа осталась за ними». За кем: за австрийцами? В примечаниях оговорено, что «Австрия тогда вступила в военный союз с Россией», но автор ни словом не обмолвился о том, что Австрия не желала поражения Турции, опасаясь укрепления России на Балканах. Не отмечено и то, что в бою при Рымнике одни русские речными исходом боя. Неуместно применяется термин «точная модель укрепления» (стр. 18).

Материал, собранный в главе «Наука побеждать», не дает сколько-нибудь серьезного представления о новаторстве величайшего теоретика-полководца. Приведенные автором цитаты частью переврааны. Неизвестно, почему «Наука побеждать» характеризуется как «военный учебник» (стр. 22). Необходимо отметить, что Суворов вопреки принятой в XVIII в. стратегии истощения противника выступил с утверждением, что целью кампании является не захват населенных пунктов, а разгром и уничтожение живой силы. В главе даже не упомянуты основные принципы наступательной стратегии Суворова, изложенные им в плане операций, составленном в конце 1798 — начале 1799 г.⁴, и в письме к Александру Карачаю. Вообще не охарактеризованы тактические проблемы Суворова. Известно, что он, утверждая принцип совместных действий стрелковых частей и подкреплявших их колонн, обязательно выделял сильный резерв, заранее определял военное искусство своего врага, определял он и полководческое искусство Наполеона. Суворов был враг шаблонов. Боевые порядки, строи он варьировал в соответствии с условиями обстановки. Войска его применяли линейное построение, карре, колонну, а нередко — рассыпной строй. Широко использовал полководец-новатор мощные маневры, демонстрации, стремясь ввести противника в заблуждение (бой при Нови не рассмот-

рен автором с этой стороны). Надо было подчеркнуть, что великий русский полководец, воплотивший в себе характерные черты своего народа, всегда звал вперед, к победе, пренебрегая опасностью. Большое внимание уделял он вопросам управления боем. Но обо всем этом нет даже намек в брошюре. Вместо этого автор почему-то счел необходимым упомянуть о том, что в 1799 г. предполагалось доверить командование русской экспедиционной армией в Европе Аракчееву (стр. 24). Вопреки историческим фактам Сытин именуется армией того времени русско-австрийской (стр. 25, 27). Недостаточно показан Суворов как человек. Не описано его заботливое отношение к крепостным⁵.

Неопытный читатель так и не поймет, чем дорог Суворов нам сегодня, почему его «Наука побеждать» жива и сегодня. Не случайно имя Суворова популярно и сейчас в Великобритании. Известно, что в 1799 г., когда Россия действовала совместно с Англией против французских войск, весь британский народ рассматривал великого русского полководца как единственного военачальника, могущего привести коалицию к победе. Английский представитель при русской армии Вилгем писал, что «единственный, кто может вывести нас из создавшегося положения, — это фельдмаршал Суворов. Он посылает нам в долину... сильное подкрепление, без помощи которого... мы пролегли бы лето, кусая себе пальцы, под победный клич врага»⁶.

Назначение Суворова командующим в швейцарскую кампанию вызвало следующее замечание британского статс-секретаря лорда Гренвилла: «Его (Суворова.— Е. Б.) прибытие (в Швейцарию.— Е. Б.) положит, я надеюсь, конец всей этой путанице и освободит Швейцарию, как он уже это сделал в отношении Италии»⁷. Величайший английский флотоводец Нельсон в своем письме от 1799 г. к Суворову выразил восхищение его искусством, его качествами. В этом послании, идущем от самого сердца великого человека Англичин, говорится: «Многооблачный князь и брат! В Европе нет человека, который любил бы Вас, как я. Все восхищаются Вашими великими и достопамятными подвигами. Это делает и Нельсон. Но он Вас любит за Ваше презрение к богатству... Только в сем отношении осмеливаюсь испрашивать себе именованного брата... Я знаю, что мои заслуги не могут равняться с Вашими... Нынешний день сделал меня самым гордым человеком в Европе: некто, видевший Вас в продолжение нескольких лет, сказал мне, что нет двух человек, которые бы наружностью своей и манерами так походили друг на друга, как мы. Мы непременно друг другу друзья, и я Вас убедительно прошу никогда не лишать меня дорогого и наименованного любящего Вас брата и искреннего друга».

Не показан Александр Васильевич и как пламенный патриот, особенно ненавидевший немецкую армию. Не показано и отно-

пленные русских бойцов к своему «солдатскому генералу».

В целом брошюра не создает мужественного образа страстного патриота своей

родины, готового отдать жизнь за нее до последней капли крови.

Е. Берков

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Давыдов Д. «Военные записки», стр. 41. М. 1910
- ² Там же, стр. 44—45.
- ³ Центральный военно-исторический архив (ЦВИА). Военно-учебный архив, д. № 2827. Ч. 1-я, л. 24. 1799.
- ⁴ См. Фукс С. «История генералиссимуса, князя италийского, графа Суворова-Рымнинского». Т. II, стр. 1—9. М. 1811.
- ⁵ См. Алексеев В. Письма и бумаги А. В. Суворова. Т. I. Спб. 1916.
- ⁶ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Фонд Воронцовых, перепл. 1244, № 349. Перевод. 1799.
- ⁷ Там же, перепл. 1262, лл. 607—608. 1799.

ТИХОМИРОВ М. *Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв.* Госполитиздат. 1941. 67 стр. 40 коп.

Великому русскому народу на протяжении веков много раз приходилось иметь дело с немецкими захватчиками.

Внешнеполитическая история нашего народа прежде всего характеризуется его героической борьбой за независимость и честь отчизны. Девиз русского народа с замечательной силой выразил еще в XIII в. Александр Невский в словах: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет. На этом стояла и будет стоять русская земля».

Рецензируемая книга проф. Тихомирова написана на основе глубокого анализа источников и литературы вопроса. Разоблачая попытки фашистских разбойников пера изобразить действия немецких насильников в Восточной Европе как «культурно-цивилизаторские подвиги», автор констатирует: «История завоевания Прибалтики является тяжелой страницей, наполненной описаниями убийств, грабежей и насилий, которые принесли с собой немецкие захватчики в Прибалтику».

Немцы своими разбойно-грабительскими действиями вызывали безграничную ненависть к себе. Наряду с враждой к немцам развивались добрососедские отношения между прибалтийскими народами и русскими. В книге приводятся данные из исторических источников, которые говорят о тесных русско-эстонских, русско-латвийских и русско-литовских связях (стр. 6—7).

Немцы стремились не только к владычеству, но и к полному порабощению ранее вольных народов Прибалтики. Те же цели они ставили при нападениях на русские земли. Именно поэтому прибалтийские народы вели непрерывную борьбу против немецких завоевателей и в этой борьбе постоянно обращались к русским с просьбой о помощи. Характерно в этом отношении восстание 1220 г.: «По всей Эстонии и Эзелю прошел тогда призыв на бой... с тевтона-

ми... Русских же из Новгорода и из Пскова эсты призвали себе на помощь» (стр. 20).

Покорив огнем и мечом латышей и эстов, псы-рыцари повели усиленное наступление на русские и литовские земли. В битве при Сауде литовцы наголову разбили войска Ордена. Обнаглевшие меченосцы, замечает Маркс, налегавшие «на стекающуюся со всех сторон крестоносную сволочь, при своем последнем магистре Фолькуине предприняли крестовый поход против Литвы; этих псов жестоко отдули, и сейчас же после поражения им грозило нападение со стороны литовцев, датчан и русских»¹.

Вторая четверть XIII в. — самое критическое время в борьбе русского народа с немецкими насильниками. Псы-рыцари нанесли удар по Пскову и Новгороду. В такой ответственный момент русский народ выдвинул Александра Невского, выдающегося полководца, политика и дипломата своего времени.

Автор рецензируемой книги правильно указывает, что в исторической литературе Александр Невский нередко изображался в виде удалца, который внезапным нападением разрешает все трудности и одерживает победу. Но это изображение очень далеко от исторической правды. В Александре Невском сочетались таланты полководца, дипломата и государственного деятеля. Перед татарами он отстаивал русскую землю дипломатическими средствами, а против псов-рыцарей действовал мечом.

Автор по-новому освещает вопрос о нападении Биргера. Возражая против традиционного утверждения о том, что Биргер предупредил новгородцев о своем вторжении в русские земли, автор предполагает, что поход Биргера явился неожиданностью для новгородцев (стр. 28).

М. Тихомиров отмечает важное значение и серьезные последствия Невской победы:

борьбе с лезви-рыцарями (стр. 28). В отличие от многих пособий по истории в рецензируемой книге борьба Пскова, Новгорода и других городов рассматривается не изолированно, а в общей связи с борьбой русского народа в целом с иноземными захватчиками (стр. 32).

Нам кажется, что описание самого хода Ледового побоища автором дано недостаточно ярко. Учреждение нашим правительством военного ордена Александра Невского, которым награждаются командиры Красной Армии за подвиги и полководческое искусство, усилило интерес нашего народа к военному искусству великого нашего предка. Книга только выиграла бы, если бы автор развил эту сторону темы и, в частности, изложил ход Ледового побоища несколько обстоятельнее.

Совершенно правильна оценка автора значения Ледового побоища. В истории борьбы с немецкими захватчиками эта битва является величайшим событием. На льду Чудского озера Тевтонскому ордену была нанесена в 1242 г. глубокая рана, от которой он уже не мог оправиться.

Автор показывает, что в результате ряда столкновений, кончившихся поражением немцев, после взятия Ландскроне закончился самый тяжелый период в борьбе русского народа с немецкими завоевателями. По мере усиления Руси в XIV—XV вв. северозападные ее границы становятся все более недоступными для любителей грабить чужие земли и чужое имущество (стр. 40).

Параллельно с усилением военной и политической мощи русского государства Тевтонский орден, эта ассоциация «егодлев и прохвостов», начинает разлагаться. Немецкие насильники, поработившие народы Прибалтики, не могли миролюбиво поделить добычу; они как коршуны-стервятники рвали ее друг у друга и дрались между собой за лучшие куски.

В 1323 г. при попытке захватить Псков, немцам был дан опять сокрушительный отпор. Как указывает источник, они бежали «со стыдом и срамом» (стр. 43).

В 1410 г. армия Тевтонского ордена была разгромлена около Грюнвальда. С этого

времени владичество псов-рыцарей в Прибалтике начинает быстро клониться к упадку. Нужно отметить, что решающую роль в Грюнвальдской битве сыграли русские войска. Приязнь на себя главные удары, проявив исключительную стойкость, они определили исход сражения. Незадатные руководители тогдашней Польши и Литвы не сумели воспользоваться плодами победы союзных войск, для того чтобы изгнать Тевтонский орден из Прибалтики.

Проанализировав целый ряд русско-немецких столкновений, автор приходит к следующему правильному выводу: немцы могли завоевать Прибалтику, пользуясь ее раздробленностью, могли в XIII в. угрожать Русской земле, ослабленной татарами, но они были бессильны против объединенной России, с которой им вскоре пришлось иметь дело во время Липовской войны. Результатом этой войны было падение могущества Тевтонского ордена в Прибалтике (стр. 52).

В главе «Причины победы русского народа» автор анализирует вопрос, почему русский народ оказывал немцам столь упорное сопротивление и наносил столь сокрушительные удары. В Русской земле, говорит он, немцы имели дело не с разрозненными племенами, а с большой страной, никогда не терявшей своего единства. Несмотря на то что Русь долго оставалась в удельном состоянии, здесь против «крестоносцев» выступали не разрозненные племена, как в Прибалтике, а единый народ, объединенный общей культурой, языком, а также горячей, беспредельной любовью к родине.

В заключительной главе М. Тихомиров дает характеристику тех летописков, на основании которых мы можем судить о героической борьбе русского народа с немецкими захватчиками.

Книга М. Тихомирова — положительное явление в исторической литературе. Она воспитывает в читателе чувство ненависти к современным немецким варварам, продолжающим разбойно-грабительскую политику тевтонских псов-рыцарей.

И. Ивакин

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

¹ К. Маркс «Хронологические выписки». Архив Маркса и Энгельса. Т. V, стр. 343.

KOEHLEH HANSJURGEN. *Inside the Gestapo, Hitlers shadow over the World.* 310 p. London. 1940.

КЕЛЕР ГАНСЮРГЕН. *За кулисами гестапо.*

В сентябре 1941 г., в разгар наступления фашистских полчищ на Москву, Гиммлер — руководитель германской тайной полиции и начальник СС (черная сотня Гитлера) — опубликовал инструкцию по истреблению советского населения.

В основу инструкции в качестве образца положены казни и пытки, практиковавшиеся в средние века. Гиммлер отмечает, что лишения свободы в те времена было редким явлением; чаще всего применялись обезглавливание, повешение, колесование,

четвертование, закапывание живьем в землю, сажание на кол, утопление, сжигание, обвешивание на смерть...

Проходя по временно захваченным районам Советской страны, фашистские полчища выполняют эту инструкцию: сожженные и презабитые на куски красноармейцы, заживо погребенные партизаны, поруганные, изнасилованные и удушенные женщины и девушки, искалеченные дети, трупы рабочих и крестьян на телеграфных столбах отмечают путь армии «третьей империи».

Раньше чем превратить всю Европу в концентрационный лагерь, Гитлер и Гиммлер вместе с Гейдрихом звергли в застенках гестапо германский народ. В Германии нет человека, кроме самих палачей, который бы без содрогания слышал слова «Ораниенбург», «Дахау», где мужчины и женщины пытками доводят до сумасшествия и самоубийства, где истребляют людей десятками тысяч. Здесь гестапо и черная сотня Гитлера — СС — накопили тот подлый опыт, который они затем перенесли в Европу, а позже — на территории Советского Союза, временно попавшие в руки фашистских варваров.

Организация и методы деятельности гестапо тщательно скрываются фашистами от взоров культурного мира. Однако имеется ряд свидетельских показаний, принадлежащих людям, непосредственно участвовавшим в кровавой и шпионской работе германской тайной полиции. К числу таких людей принадлежит и Хансюрген Келер.

Скрывшись в Швейцарии от своих бывших коллег по гестапо, Келер написал воспоминания о своей прошлой деятельности в качестве агента германской тайной полиции.

Аппарат германской государственной тайной полиции организован следующим образом: главой ее является Гиммлер, он же шеф СС и командующий «Голубой дивизией»; наружкой унифицированной полицией командует генерал Далмеге; начальником берлинского гестапо и руководителем службы безопасности СС является Гейдрих.

Гестапо имеет три департамента.

Первый департамент занимается административно-финансовыми вопросами и руководит местными группами тайной полиции, находящимися в каждой населенной местности.

Второй департамент ведет шпионскую и подрывную работу среди нелегальных и легальных организаций Германии и вне ее; кроме того он ведет наблюдение за членами фашистской партии и ее учреждениями.

При гестапо имеются две специальные организации: «комисариат специального назначения», выполняющий задачу по охране фашистских лидеров, и команда, находящаяся при «службе безопасности СС», состоящая из профессиональных убийц.

После поражения в войне 1914—1918 гг. десятки тысяч молодых людей, носивших кайзеровскую форму, потеряли свое положение, состояние; молодые люди юнкерских

семейств, отпрыски прусских помещиков, были выбиты из колеи. Всю свою злобу они обратили против германского народа. Были организованы бесчисленные общества, союзы, добровольческие отряды, лиги места. В промежутках между путчами они занимались убийствами: Роза Люксембург и Карл Либкнехт, Эрбергер, Ратенау и тысячи неизвестных стали их жертвами. Когда начали формироваться штурмовые отряды, большинство членов тайных обществ перешло в гитлеровские организации. К числу наиболее опытных и квалифицированных убийц принадлежат Сост и Дитрих — руководители специальной команды.

Мы узнаем из книги, что глава террористической группы Сост вместе с другим бандитом, Теодором Шультце, председательствует в секретном трибунале СС. Этот трибунал не имеет постоянного местопребывания. Подсудимые никогда не присутствуют на суде. Председатель выслушивает обвинения и приговаривает к смерти. Через несколько дней находят труп на берегу реки, в ресторане, на улице. «Комисариат специального назначения» и террористическая группа подчиняются непосредственно Гейдриху. «Это ужасная группа убийц под прессом железной дисциплины, обладающая не большей щепетильностью, чем стая прожорливых волков... их называют гейдриховскими убийцами» (стр. 38).

Третий департамент занимается вопросами так называемой «государственной измены» и шпионажем за границей. Даже внутри гестапо это учреждение занимает особое изолированное положение. Его деятельность считается сугубо секретной, и поэтому в распоряжении третьего департамента имеется своя стража, и стальные двери преграждают доступ в его помещение. Третий департамент действует в контакте с начальником военного шпионажа адмиралом Канарисом (пятый департамент военного министерства).

В Третьем департаменте имеется также отдел промышленного и экономического шпионажа, в котором Келер работал длительное время. «Мы следили за промышленным развитием всего мира... сегодня промышленный и экономический отдел гестапо имеет в своем составе не менее 800 служащих. Но кроме того он имеет в своем распоряжении мировую организацию... Я с полной ответственностью заявляю, что все германские подданные, находящиеся за границей, вынуждены и обязаны принимать участие в промышленном шпионаже в пользу Германии. Германские фирмы, фабрики, отделения, агентства, бюро путешествий, банки, пароходные компании рассматривают себя как составную часть германской экономической войны» (стр. 173).

Особую роль в промышленном и экономическом шпионаже играют учреждения под названием «Немецкая портовая служба», «Академическая служба обмена студентами», «Союз немцев за границей».

Келер приводит следующий пример. В Амстердаме организуется небольшое ком-

мерческого агентств. В своем распоряжении это агентство не имеет ничего, кроме спящих французских и английских торговых палат. Агентство обращается с циркулярным письмом к английским и французским предприятиям с просьбой представить предложения по экспортным каденциям. Через некоторое время агентство накапливает громадный материал. Технические эксперты, анализируя предложения, получают представление об оборудовании, производственной мощи и производственных планах предприятий. Ведется дальнейшая переписка с предложением уточнить качество продукции. Эксперты агентства, т. е. агенты гестапо, посещают предприятия. Примерно через шесть месяцев готова картотека предприятий Западной Европы.

Другой прием — посылка агентов по продаже новейшей системы огнетушителей действующих автоматически. Огнетушители действительно хороши, продаются по нежданно дешевым ценам и находят широкий сбыт. Затем появляются техники фирмы, которые фотографируют завод, устанавливая там широкие связи.

При отделе промышленного и экономического шпионажа существует специальная организация — по подготовке саботажа и диверсий во время войны. Особое внимание, отмечает Келер, обращалось на военные или предназначенные выполнять военные задания заводы и фабрики. Специальные эксперты гестапо изучали производственные планы и оборудование предприятий, высказывая наиболее уязвимые и чувствительные точки, поражение которых могло бы остановить или вывести из строя предприятие. На чертежах предприятия также пункты обозначались с величайшей точностью. «Пригоршня песка в турбине или линямо могла сыграть решающую роль и надолго испортить ее. В одном месте небольшой детонатор вызывал пожар. Бомба с часовым механизмом могла вывести из строя сотню рабочих и остановить конвейер на продолжительное время» (стр. 176).

Деятельность Келера в отделе экономического шпионажа была прервана посылкой его в Австрию. В это время (1937 г.) фон Папен был послан «стрельей империи» в Австрию, куда был назначен в 1934 году. В лице фон Папена Гитлер приобретал там человека, который подготовил бы почву для аннексии Австрии, и в то же время он избавлялся от своего вице-канцлера, названного ему стариком Гиденбургом.

Первым делом фон Папена было установление дружественных отношений с Шушницом. Папен уверял Шушницга и австрийскую печать, что Австрию со стороны Германии не только ничего не угрожает, но даже более того: «третья империя» ставит своей задачей обеспечить независимость Австрии. Вскоре был заключен соответствующий австро-германский договор. Затем Папен принял меры к обожествлению итальянского ставленника — руководителя австрийской добровольной военной организации князя

Штаремберга. В австрийском государственном аппарате Папен завербовал себе агентов в полиции, в армии, в министерствах, в верховном суде, в собственной канцелярии канцлера Шушницга, среди интимнейших его друзей и советников. Среди последних был, между прочим, статс-секретарь по иностранным делам Гвидо Шамидт, который таким образом стремился обеспечить свои поместья в Судетах на случай оккупации Чехословакии немецкими войсками. Агентом Папена стал также ближайший друг канцлера барон Фрейлих-сталь, который был осведомлен во всех деталях о деятельности Шушницга. Таким образом Папен подготовлял почву для захвата Австрии.

Было одно, сравнительно мелкое обстоятельство в австрийских делах, которое сильно беспокоило фюрера. В связи с этим Келер и был послан в распоряжение фон Папена. Дело закончилось в следующем: в руки Шушницга попала коллекция документов, компрометиовавших Гитлера с точки зрения прохождения им военной службы и ставивших под сомнение его арийское происхождение. В бытность генерал-Шлейхера военным министром он приказал выяснить все, что касалось пребывания Гитлера в германских войсках. Оказалось, что вопреки утверждениям нацистской литературы и прессы, превозносивших «окопного солдата мировой войны», Гитлер никогда в окопах не был. Будучи австрийским подданным, Гитлер уклонился от явки по мобилизации в Линц и поступил в 16-й Баварский стрелковый полк в Мюнхене. С этим полком он прибыл на западный фронт, где прослужил всю войну в качестве посыльного при штабе полка. В его задачу входило главным образом бытовое обслуживание офицеров в качестве денщика. Допросы, полученные генералом Шлейхером, указывали, что «вопреки романтическим легендам, будто Гитлер сражался в окопах, установлено, что он не провел там ни одного дня» (стр. 144). Генерал Шлейхер также выяснил, почему Гитлер после четырех лет службы при штабе полка, от которого зависело провозвестие, дослужился лишь до ефрейтора: оказывается, что призванные унтер-офицерского звания должны бы Гитлера возместили оставаться при штабе и повлекло бы немедленную посылку в окопы.

В документах Шлейхера установлено была и подделка награждения Гитлера «железным крестом» первого класса. Чтобы получить такую награду, ефрейтор Гитлер должен был бы совершить чудеса храбрости. Нацистская пропаганда распространяла слухи о том, что Гитлер с револювером в руках ввел в плен 12 французских солдат с пулеметами. Тщательный просмотр дневника военных действий 16-го Баварского стрелкового полка не только не подтверждает такого подвига Гитлера, но не обнаруживает даже упоминания имени его в аналах части. Специальное расследование с адресом всех сослуживцев Гитлера установило, что Гитлер получил

крест не во время войны, а по окончании ее.

«Фельдмаршал Людендорф, связи которого с фюрером были хорошо известны, дал Гитлеру железный крест первого класса через некоторое время после войны» (стр. 145). Есть основания полагать, что это награждение произошло после того, как Гитлер провел в центре советской Баварии — Мюнхене — шпионскую работу и затем в следственной комиссии подвел под смертные приговоры немало лучших сынов Баварии.

Шлейхер не успел опубликовать своих документов: 30 июня 1934 г. он и жена его были убиты агентами Гитлера; но документы, компрометирующие Гитлера, были заблаговременно переданы тогдашнему канцлеру Австрии — Дольфусу. Последний, поскольку Гитлер был родом из Австрии, стал выяснять происхождение этого человека. Непонятно было, откуда взялось это имя — Гитлер, — в то время как отца его звали Шиккельгрубер. Нужно отметить, что сам Гитлер тщательно избегал всяких бесед о своем прошлом. Это обстоятельство часто вызывало подозрения даже у ближайших его сотрудников. Гесс, чтобы успокоить штаб фюрера, несколько раз заявлял, что хотя о прошлом Гитлера нет опубликованных сведений, в нем, в этом прошлом, нет ничего компрометирующего Гитлера. На основании поданных свидетельств о рождении, протоколов и других документов австрийская полиция выяснила, что отец Гитлера Алонз Шиккельгрубер был внебрачным сыном служашки в доме венских Ротшильдов. В документе о его рождении указало: «Отец неизвестен». Алонз Шиккельгрубер переименовал свою фамилию, которая в Австрии считается неприличной, на девичью фамилию своей тещи. В Австрии среди крестьян нет фамилии Гитлер; она распространена среди галицийских евреев.

Таким образом, документы Дольфуса бросали тень на арийское происхождение Гитлера и доказывали, что он, вероятно — о, ужас! — еврейского происхождения как по линии неизвестного деда, так и по материнской линии.

Миссия Келера по изъятию этих документов из сейфа Шушница увенчалась успехом. Чтобы облегчить доступ к документам, хранившимся в личном сейфе Шушница, агенты гестапо убили жену Шушница.

Все окружение австрийского канцлера было подобрано фон Папеном. Гестапо сумело ввести в дом Шушница своего агента — княгиню Чернии-Фугер фон Бабенгаузен, племянницу бывшего министра иностранных дел Австро-Венгрии. Когда требовалось удалить кого-нибудь из окружения или из государственного аппарата, то Чернии или Гвидо Шмидт заявляли Шушницу: «Этого человека видели вчера у фон Папена, он агент нацистов — вы не можете держать его на службе». И все. Шушник улыбался с благодарностью» (стр. 158).

После оккупации Вены германскими войсками фон Папен был переведен в Турцию. Сегодня господин фон Папен кует заговоры против нейтралитета Турции.

Записки Келера освещают лишь небольшую часть деятельности гестапо, но и этого достаточно, чтобы лишней раз убедиться в беспримерной мерзости и подлости, составляющих «стиль» фашистского империализма.

Раздавить фашистскую гадину, излечить мир от гитлеровского кошмара — задача всех свободолюбивых народов мира, воодушевляемых примером СССР, ведущего героическое единоборство с гитлеровской деспотией.

А. Г.

SHUMAN F. L. Europe on the Eve. Crises of Diplomacy. 1933—1939.

ШУМАН Ф. Европа накануне. Кризис дипломатии. 1933—1939.

Рецензируемая книга вышла в 1939 г. в Соединенных Штатах. В ней описываются на основании большого, тщательно подобранного и проверенного материала та борьба за сохранение мира любой ценой, которая велась демократическими государствами Европы и Соединенными Штатами в течение шести лет, предшествовавших началу войны, и подготовка агрессии, которая одновременно велась в фашистских государствах.

Книга эта отличается от множества вышедших обзоров предвоенной европейской и американской дипломатии, с одной стороны, серьезной документацией и строго науч-

ным подходом к трактовке материала, а с другой — что заслуживает быть особо отмеченным — тем обстоятельством, что автор излагает дипломатическую историю в теснейшей связи с внутривнутриполитической борьбой в западноевропейских государствах.

Счастливым сочетанием у автора серьезной научной школы, способности к кропотливому научному собирательству с публицистической формой изложения придает рецензируемой книге особую ценность и выделяет ее из длинного ряда историко-дипломатических работ, посвященных тому же периоду.

Некоторые части книги, например главы, рассказывающие о трагическом бесплодии конференций по разоружению, о событиях, предшествовавших захвату Австрии Германией, описывающие послевоенное разложение капиталистического общества, из которого как продукт распада вырос фашизм, заслуживают перевода на русский язык для ознакомления с ними широких кругов наших читателей.

Прекрасно даны автором портреты фашистских деятелей, «маленьких цезарей», как он их называет; очень убедительна его характеристика немецкого бюргерства и проделанной им эволюции, приведшей к превращению лавочников в страстных приверженцев «тоталитарной» войны.

Очень интересны разделы книги, посвященные предвоенной французской дипломатии, рассказывающие, как правящая верхушка Франции стала на путь бесчестия и позора, который привел ее к поражению в войне и порабощению Гитлером. Шуману особенно удалось характеристики политических деятелей Франции.

На всем протяжении книги Шуман показывает, как фашизм в критические для него минуты, когда его вооруженные силы еще не были подготовлены, находил поддержку в трусливости, нерешительности своих противников, в пленении их словами «мир», «общее урегулирование», «разоружение», не говоря уже о прямом предательстве.

В общем плане работы Шумана о кануне войны законно отведено большое место таким фактам агрессии, как наступление Японии на Китай, нападение Италии на Абиссинию, фашистский мятеж в Испании, борьба за Австрию и т. д.

2 февраля 1932 г. в Женеве собрались на конференцию по разоружению 232 представителя 57 стран. Предложенный конференцией проект соглашения, бывший плодом более чем четырехлетней работы подготовительной комиссии, представлял собой, по словам Шумана, «документ с пустотами, подлежащими заполнению», и «протокол разногласий, подлежащих устранению». Между тем в это время в Шанхае японский флот производил чудовищную бомбардировку наземной части города, еще невиданную с тех пор, как в 1918 г. замолкли пушки на европейском театре войны.

Непринятие предложенного Соединенными Штатами плана совместного выступления с целью призвать Японию к порядку знаменовало неудачу конференции по разоружению и привело к призыву западными державами японской агрессии против Китая. В конечном счете это означало провал попыток обеспечить коллективную безопасность. Урок этот, как справедливо указывает Шуман, не прошел даром для Гитлера и Муссолини.

Кулуарные интриги, способствовавшие провалу конференции, пишет Шуман, до сих пор окутаны тайной. Но автор не сомневается в том, что международные магнаты металлургии сыграли в Женеве немаловажную роль. В разгар депрессии они печали

источники увеличения прибылей, возобновив гошку вооружений. Шуман приводит данные о том, что Альбер Тома, являвшийся представителем Франции в Международном бюро труда, получив соответствующие улики, заявил Брюннингу в Женеве в мае 1932 г., что он по возвращении в Париж раскроет заговор королей металлургии. Он отправился во французскую столицу с портфелем, наполненным документами. Но раньше, чем он успел выступить, его нашли убитым в кафе одного глухого района. Портфель исчез.

Яркими красками рисует рецензируемая книга другой этап фашистской агрессии, развернувшейся на сей раз в Центральной Европе, именно венский путч 1934 года. Фашистский переворот в Германии усилил в Австрии позиции сторонников ее независимости и расширил их фронт за счет присоединения к нему части социал-демократов и клерикалов. Таким образом была облегчена задача Парижа и Малой Антанты противодействовать пангерманским проектам на Дунае. Но эта возможность была упущена. Трагедия Австрии после 1933 г. заключалась, по мнению Шумана, в том, что люди, на которых была возложена задача сохранения ее независимости и целостности, не желали прийти к соглашению с единственной политической группой, способной организовать сопротивление, и опереться на единственный класс, способный образовать прочный заслон против нацистской агрессии. Канцлер Дольфус был слишком предан интересам собственников, чтобы опереться на демократию. Он был слишком предан интересам церкви, чтобы сотрудничать с левыми. Католицизм и собственность создали местный вариант клерикального фашизма и повернулись в сторону фашистской Италии, нища уже защиты Австрии против германского фашизма. Под давлением своих сомнительных союзников Дольфус пошел на то, чтобы раздавить в Австрии демократию. Дольфус и его помощники своими руками уничтожили тех, без поддержки которых в борьбе с Берлином они неизбежно должны были потерпеть поражение.

Много места уделено у Шумана также истории итальянской агрессии в Абиссинии. В связи с этим он дает исчерпывающую характеристику Лавалля и тех общественных группировок, которые готовы были во имя своих классовых интересов идти на предательство интересов национальных.

«Не будет преувеличением сказать, — утверждает Шуман, — что Барту — единственный французский министр иностранных дел за роковой пятилетний период, с января 1933 г., обладавший талантом, даром предвидения и хваткой реального политика... Он правильно считал, что государство Гитлера неуклонно будет восстанавливать грандиозную военную машину для отмены пришедшего в 1918 г. вердикта и для установления гегемонии Германии над Европой. Он понимал, что первоочередной целью Берлина был отрыв от Франции ее союзников на востоке Европы и уничтожение их и что всякая французская уступка этой политике означала бы конец рес-

публики как великой державы и, может быть, даже как самостоятельного государства. Он понимал, что нацистская угроза может быть устранена только дипломатической изоляцией Германии при помощи укрепления уз между Францией, Польшей и Малой Антантой, вовлечения СССР в блок государств, противодействующих нацистскому империализму, и, если возможно, при помощи обеспечения английской и итальянской поддержки против Германии... Здесь мы видим в первый и последний раз отчетливую и правильно разработанную французскую программу противодействия угрозе со стороны Третьей империи».

Сделку Лавала с Муссолини от 7 января 1935 г. Шуман рассматривает как решающий момент в трагической истории итальянского нападения на Абиссинию: «Лаваль отвернулся от Москвы и предпочел ей Рим в качестве союзника против Берлина; он уплатил назначенную Римом цену, которая сводилась к предательству Лиги наций и всей системы коллективной безопасности, укреплявшейся Барту; уплатив эту цену, он открыл двери для отказа со стороны Германии как от версальского договора, так и от локарнского пакта, а затем он обнаружил, хотя и не испугался этого (потому что был слеп до конца), что Муссолини, присвоив добычу, предложенную ему Лавалем, присоединился к Гитлеру против Франции. Когда Лаваль пришел к власти, Франция была сильна и уважаема, когда он ушел от власти, Франция стала слаба и презираема».

Между тем вся серия германских официальных и полуофициальных сообщений и заявлений васы 1935 г. о строительстве военно-воздушного флота, о введении обязательной всеобщей воинской повинности и т. д. не вызвала сколько-нибудь угрожающей для Германии реакции ни в правящих кругах, ни в правительственной прессе демократических стран.

Это самоубийственное безумие, говорит дальше Шуман, было в известной мере плодом темных связей Лавала с крайними правыми и французскими фашистскими организациями, которые, получая субсидии из Рима и Берлина, в любой момент готовы были в интересах представляемых ими классов и иностранных фашистских диктаторов продать безопасность Французской республики. Сделку Лавала с Муссолини, лишившую Абиссинию права на жизнь, эти круги приветствовали как неоценимую поддержку в борьбе с Народным фронтом и с Французской демократией.

В июне Муссолини получил заверение Лавала, что все попытки Абиссинии приобрести вооружение во Франции потерпели неудачу. Власти в Джибути создавали всевозможные препятствия для железнодорожных отгрузок в Абиссинию. Затем прекратилась выдача Абиссинии транзитных лицензий через Французское Сомали. Был наложен запрет на английские вывозные лицензии для Абиссинии. Между тем колоссальные транспорты итальянского вооружения и войск беспрепятственно двига-

лись к абиссинским границам. Держатели акций Общества Суэцкого канала получали громадные дивиденды: Муссолини платил 3,25 дол. за каждого перевезенного через канал солдата и по 2 дол. за каждую тонну груза. Суэцкий канал оставался открытым даже для декларированного Италией транспорта сотен тонн отравляющих газов. В это же время негус не мог получить ни государственных займов, ни вооружения из государственных арсеналов демократических стран, ни частных кредитов для приобретения его на частных предприятиях. Экспорт оружия в Абиссинию был английским правительством и рядом других правительств запрещен. Небольшие грузы, приобретавшиеся Абиссинией за наличный расчет, часто задерживались, как указывалось выше, французскими властями в Джибути.

В эти дни в Женеве, как пишет Шуман, рабочие трудились на строительстве нового великолепного дворца для Лиги наций, которая умерла, отступая шаг за шагом перед фашистской агрессией. Шуман приводит слова, в шутку сказанные одним из рабочих английскому журналисту: «Это мы строим казарму для немцев; они займут ее, когда придут сюда». А другой рабочий подхватил: «Правильно! В следующий раз они пройдут через Швейцарию. Уже все предусмотрено».

В испанском вопросе классовые интересы правящих групп в западных странах опять возобладали над национальными и государственными задачами. Гитлеру, говорит Шуман, неуклонно помогали его противники. Содействуя ему, они обеспечивали свою собственную гибель, сохраняя при этом ложное представление, что они покупают себе мир и безопасность.

Таким образом, у нацистской политической стратегии оказались в области дипломатии возможности, о которых вначале сами фашисты не могли и мечтать.

Наша рецензия ни в какой мере не исчерпывает всего содержания рецензируемой книги, а только пытается characterize метод изложения и трактовку материала автором, трактовку неизменно острую, согревшую публицистическим жаром и страстью гражданина.

Автор нигде не отрывает дипломатии от внутренней политики, а ту и другую он не отрывает от живых людей, которые гноят их. Давая свой социально-исторический анализ новых форм европейской воинствующей деспотии и «усталой» демократии, он не упускает из виду индивидуальные особенностей политических деятелей, оставивших свой след в предвоенной истории Европы.

Книга эта заслуживает внимания советского читателя, который найдет в ней большой интересный материал и попытку синтезировать его. Некоторый импрессионизм изложения искупается богатством фактических данных и пронизывающим всю работу очевидным сочувствием автора к СССР и его позиции на международной арене предвоенного периода.

«MISSION TO MOSCOW» by the Former U. S. Ambassador to Russia
Joseph Edward Davies. New York. 1941.

«Миссия в Москву» Джозеф Эдвард Дэвис, бывший посол
США в СССР.

Джозеф Эдвард Дэвис возглавлял миссию США в СССР с 16 ноября 1936 г. по 9 июня 1938 года. Это был период крайнего обострения международной обстановки. Летом 1936 г., как известно, началась интервенция Германии и Италии в Испанию с целью поддержать мятеж Франко; в 1937 г. усилилось вторжение японских милитаристов в Китай; в 1938 г. гитлеровская Германия ликвидировала независимость Австрии и Чехословакии. Эти грозные события были началом вползания во вторую мировую войну. Таким образом, пребывание Дэвиса в СССР в качестве посла США совпало с чрезвычайно сложной международной обстановкой, предвлявшей к дипломату особенно серьезные требования. Надо отдать должное Дэвису: он как дипломатический представитель великой демократической республики с честью выполнил свою задачу. Дэвис обнаружил глубокое понимание сущности международных событий, дал трезвую оценку политических деятелей, с которыми ему прямо или косвенно приходилось соприкасаться. Президент Рузвельт высоко оценил дипломатическую работу Дэвиса, отмечая, что последний проявил выдающуюся способность «к оценке ближайших событий и к определению с исключительной точностью возможного их воздействия на дальнейшее развитие» (стр. 488).

Рецензируемая книга представляет сборник довольно разнообразных документов, относящихся к периоду пребывания Дэвиса во главе американской миссии в Москве. Книга состоит из систематизированных записей его дневника, извлечений из его докладов, а также из корреспонденции Дэвиса к президенту Рузвельту, министру иностранных дел Хэллу и его заместителю Уэллсу, к секретарю президента Эрли, сенаторам Тафтлингу, Питмену, советнику президента Гарри Гокинсу и многим другим политическим деятелям США.

Джозеф Дэвис, строго говоря, не является профессиональным дипломатом. До своего назначения на пост посла США в СССР Дэвис подвизался главным образом наприще юриста. Он служил адвокатом и юрисконсультантом в нескольких банках и в некоторых хозяйственных корпорациях в период с 1901 по 1912 и с 1918 по 1936 год. С 1913 по 1915 г. Дэвис был командиром корпорации, а с 1915 по 1918 г. — председателем комиссии федеральной торговли. С июля 1938 г. по январь 1940 г. г. е. после его отъезда из Москвы, Дэвис был послом США в Бельгии. После этого он был переведен в Вашингтон для работы в качестве специального помощника министра иностранных дел США по делам, связанным с чрезвычайными обстоя-

тельствами». Таким образом, перед нами представитель деловых кругов США.

По своим политическим взглядам Дэвис является членом демократической партии и состоит в рядах ее прогрессивного, левого крыла. Яркой личной чертой Дэвиса, выгодно выделяющей его из круга заурядных политических деятелей Америки, являются его искренность и широта взглядов. Во время пребывания в СССР Дэвис со всей возможной прямотой говорил о своих классовых, политических и партийных взглядах и симпатиях. В предисловии к рецензируемой книге он писал:

«Как я заявил в свое время мистеру Сталину, президенту Калинину и другим советским лидерам, я решительно не являюсь коммунистом. Я называюсь капиталистом. Я горжусь этим названием, но я считаю, что более точным словом было бы слово «индивидуалист». «Я являюсь убежденным сторонником эволюции и противником революции». «Я придерживаюсь, — писал он далее, — прогрессивных политических взглядов и являюсь убежденным последователем Вудро Вильсона и «new deal» (нового курса) Франклина Рузвельта». Такова та политическая автохарактеристика, которую дает себе Джозеф Дэвис. Однако не в пример многим и многим другим политическим деятелям Дэвис, знакомясь с действительностью в СССР, описывал ее без всякого предвзятого мнения.

В цитированном уже предисловии Дэвис писал: «Я поехал в Россию... будучи совершенно свободным от всякого предвзятого мнения и с совершенно открытым сердцем. Доклады, которые я посылал в государственный департамент (министерство иностранных дел США.— Н. С.), письма, которые я отправлял домой, записки в моем дневнике— все это отражает совершенно искренние впечатления, которые производили на меня обстановка, личность, события такими, как я их наблюдал. Я всегда стремился быть справедливым и объективным».

И это не фраза. Дэвис с исключительной добросовестностью изучал действительность Советского Союза, причем он все хотел видеть сам, своими собственными глазами. Только что приехав в СССР, в феврале 1937 г. Дэвис «осматривает» мушкетеры по стране Советов, чтобы лично ознакомиться с достижениями в области промышленного строительства. Под впечатлением всего виденного Дэвис в своем письме президенту Рузвельту от 5 марта 1937 г. дал восторженную оценку экономическим достижениям СССР:

«Совершенно очевидно, что за последние 10 лет, в результате пятилетних планов, имело место исключительно бурное

развитие гидроэнергостроительства, индустрии, средств транспорта и связи, социальное и культурное строительство, а также развитие армии» (стр. 416).

Дэвис отметил при этом роль народных масс Советского Союза, активно участвовавших в деле выполнения и перевыполнения пятилетних планов: «Не подлежит сомнению, что жизнь здесь течет весьма активно и что народ совершает большое движение вперед». Дэвис был твердо убежден в дальнейшем прогрессе СССР и в повышении его удельного веса в международной жизни. В письме к заместителю американского министра иностранных дел Уэллсу от 26 марта 1938 г., касаясь этого вопроса, Дэвис писал:

«Резервы живой силы здесь колоссальны. Страна обладает такими ресурсами не только наличными, но и потенциальными, что неизбежно будет оказывать огромное и все растущее влияние на положение в Европе и во всем мире» (стр. 218).

«Будущее поколение, по моему мнению, — отвечает Дэвис в другом месте книги, — будет свидетелем огромнейшего влияния советского народа не только на Европу, но и на все страны мира» (стр. 310).

С проницательностью подлинного демократа Дэвис вскрыл социальную подоплеку этого прогресса в неизбежном будущем развитии Советского Союза:

«Ничто... не может остановить непрерывного использования и развития огромнейших ресурсов и богатств этой страны. Устремления молодежи этой страны дана свобода. Для просвещения предоставлены широкие возможности. Научное образование и другие его виды широко распространяются, и образование становится всеобщим. Кастовые или классовые препоны, мешавшие успеху личности, уничтожены. Сила этой сравнительно молодой страны и народа, подымающегося «от сохи», будет неизбежно укрепляться и развиваться» (стр. 309). Разумеется, Дэвис как дипломат главное внимание в своей книге уделяет вопросу о международном положении, об удельном весе СССР в мировой политике и внешнеполитической линии Советского Союза. Дэвис справедливо подчеркивает силу советского правительства и Красной Армии.

«Мое мнение таково, — заявляет он, — что советское правительство и его армия значительно сильнее, чем это признано в некоторых европейских кругах» (стр. 432). Советский Союз, отмечает Дэвис в другом месте, «сможет дать очень серьезный отпор в случае международного вооруженного конфликта» (стр. 312).

Он вновь и вновь возвращается к мысли о роли могучего оплота демократических сил мира, которую сыграл Советский Союз в будущей смертельной схватке демократий с темными силами фашизма. В письме к Милларду Тайдингсу от 14 апреля 1938 г. Дэвис писал: «Я не уверен в том, что демократические державы мира когда-нибудь не будут очень рады воспользоваться дружбой, мощью и миролюбием советского пра-

вительства в случае нового мирового кризиса» (стр. 311).

Дэвис с глубоким возмущением осудил политику попустительства агрессии, которую проводили в период 1936—1938 гг. реакционные круги Англии и Франции. В письме к Стефену Т. Эрли от 4 апреля 1938 г., касаясь пресловутой политики невмешательства и одновременного шельмования СССР, Дэвис отмечал:

«Демократические державы Европы как будто умышленно играют на руку фашистам в своем стремлении совершенно изолировать эту великую страну от остального мира... Очень жаль, что это так, но это правда» (стр. 312).

Смело и трезво Дэвис опроверг дикие бредни реакционных кругов в этих демократических странах, пытавшихся оправдать «мюнхенский» внешнеполитический курс жуэпелом «красного империализма», «угрозы коммунизма» и другими фантастическими измышлениями, заимствованными из «идейного» арсенала фашистских мракобесов.

«Я лично считаю, — заявил он в письме к Эрли, — что... коммунизм не является реальной угрозой для мира» (стр. 313). Дэвис правильно оценил внешнюю политику Советского Союза, как последовательную и упорную борьбу за сохранение мира, как усилия против развязывания войны. В письме к министру иностранных дел США Корделлу Хэллу от 1 сентября 1937 г. Дэвис подчеркивал мирный характер советской внешней политики. «В действительности Россия... преданный поборник мира» (стр. 216). Дэвис предвидел возможность и взаимовыгодность сближения СССР и США, причем реальную основу этого сближения он усматривал в общем стремлении этих двух держав к сохранению мира в борьбе с нарастающей военной угрозой. «По моему мнению, — заявляет он в депеше президенту от 6 июня 1938 г., — общим для Соединенных Штатов и СССР является то, что обе страны являются искренними сторонниками международного мира и это остается в силе в течение длительного времени» (стр. 415).

Дэвис справедливо показал, что укрепление дружественных отношений между СССР и США будет весьма полезно для всех миролюбивых государств. «Развитие дружественных отношений, — подчеркивает он, — между обеими странами может принести огромную пользу для всего мира» (стр. 418). Дэвис с глубочайшей тревогой следил за нарастающим военной опасностью в связи с агрессией держав оси, возглавляемых гитлеровской Германией. По существу, он целиком солидаризировался с внешнеполитической позицией СССР. С большим сочувствием Дэвис отнесся к героической борьбе Красной Армии и советского народа после вероломного нападения немецко-фашистских полчищ на Советский Союз.

В первые дни вероломного нападения немецко-фашистских орд на СССР он высказал твердое убеждение в силе и стойкости отпора Красной Армии этим полчищам,

«Масштаб сопротивления Красной Армии, по моему мнению, — подчеркнул Дэвис, — будет поразителен и изумит весь мир» (стр. 475).

Наблюдая в свое время ход политических процессов в СССР в период 1936—1938 гг., Дэвис как юрист тогда же убедился в непрекращаемой правильности обвинения и приговора троцкистско-бухаринским бандитам, совершившим тяжкие злодеяния против советского народа и правительства. С особой силой Дэвис отметил правомерность и своевременность защитных мер советского правительства уже после нападения гитлеровских полчищ на СССР в июне 1941 года. На вопрос об агентах «пятой колонны» в СССР Дэвис во время своего доклада в Чикаго 25 июня 1941 г. ответил: «Их нет ни одного: они были расстреляны».

«Теперь совершенно ясно, — пишет он далее о процессах 1936—1938 гг. против троцкистско-бухаринских агентов фашизма, —

что это была часть энергичных защитных мероприятий советского правительства от внешнего нападения» (стр. 280).

Книга Дэвиса — ярчайшее свидетельство иностранца о правильности того пути, по которому шел и идет Советский Союз. В США и других странах английского языка книга Дэвиса получила широкую популярность. Достаточно указать на такое почти беспрецедентное явление, как подготовку в Голливуде специального кинофильма по книге Дэвиса. Насколько известно, в практике США еще не было случая, чтобы по мемуарной работе бывшего посла когда-либо готовилась кинокартина.

Книга Дэвиса — большой вклад в современную мемуарную литературу. Она помогает делу упрочения коалиции соединенных стран, ведущих борьбу за сокрушение держав фашистской оси.

Н. Солин

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Basch A. *The new economic warfare*. New York Columbia University. 1941. XVI. 190 p.

Б а ш А. Новая экономическая война.

Автор описывает методы экономической подготовки, проводившейся фашистской Германией перед началом войны, и рисует борьбу между Германией и ее противниками на рынках нейтральных стран. В книге подчеркиваются планы фашистской Германии установить свое господство над мировой экономикой. В основу книги положен курс лекций, прочитанных автором в Колумбийском университете.

Great Britain. Air ministry. *Bomber command; the air ministry account of bomber command's offensive against the axis. September 1939 — July 1941*. London. H. M. Stationary office. 1941. 124 p.

Великобритания. Министерство авиации. Командование бомбардировочной авиации. Отчет министерства авиации о наступательных операциях английских бомбардировщиков против держав оси с сентября 1939 г. по июль 1941 года.

Книга представляет текст официального отчета британского правительства о ходе воздушных операций над Англией и европейским континентом и об участии британской бомбардировочной авиации в военных операциях.

Uncensored Germany; letters and news sent secretly from Germany to the German freedom party. London. 1940. VI, 108 p.

Германия без цензуры: Письма и сообщения, присланные нелегально из Германии в адрес друзей свободной Германии.

В книге помещены наиболее интересные выдержки из подпольной информации о внутреннем положении фашистской Германии. Описываются положение отдельных классов германского населения, безжалостная эксплуатация, голод и бесправие трудящихся, режим войны, бедствия широких слоев крестьянства, бесчинства гестапо; дается также характеристика нарастающего возмущения германского народа против фашистской системы.

Gavin C. J. *Britain and France; a study of twentieth century relations, the Entente cordiale*. London. 1941. 303 p.

Гэвин К. Британия и Франция; очерк взаимоотношений в XX веке, со времени сердечной Антанты.

Характеристика политических взаимоотношений между Англией и Францией на протяжении последних десятилетий. В книге кратко обрисованы история Антанты (договор 8 апреля 1904 г.) и последующая эволюция англо-французских отношений. Послевоенному периоду посвящена незначительная часть книги. Много внимания автор уделяет предложению британского правительства, выдвинутому в июне 1940 г., об унии между Англией и Францией. В книге высказывается уверенность, что после освобождения Франции от фашистского ига связь между Францией и Англией примет более органический характер.

China information committee. *China after four years of war, prepared under the auspices of the China information committee*. Chungking. 1941, IV, 182 p.

Китай. Информационная комиссия. Китай после четырех лет войны.

Книга является официальным изданием информационной комиссии китайского правительства, посвященным истории японско-китайской войны за четыре года. После

краткого описания причин войны — японской агрессии — в книге дается изложение основных этапов войны, а также важнейших кампаний и операций. Обрисованы также экономическая деятельность китайского правительства, создание отечественной военной промышленности, внутренняя и внешняя политика правительства.

Knarlund P. *The British empire, 1815—1939*. New York. 1941. XX, 850 p.

Кнарлунд П. *Британская империя, 1815—1939*.

Капитальный труд по истории Британской империи от окончания войн с Наполеоном до начала нынешней войны. Автор дает очерк заселения и политического устройства заморских владений Англии, оформление доминионов, излагает историю имперских конференций и описывает эволюцию структуры Британской империи. В книге дан также материал об участии заморских владений Англии в войне 1914—1918 гг. и о влиянии доминионов на внешнюю политику Англии после войны. В конце книги дана большая библиография вопроса (24 стр.). К книге приложено несколько карт. Автор является известным исследователем внешней и имперской политики Англии; его перу принадлежит, в частности, работа «Внешняя политика Гладстона» (Нью-Йорк, 1935) и др.

Magalhaes S. *Contro el hitlerismo, por la integridad de los paises americanos*. Montevideo. 1940. 131 p.

Магалаэс С. *Против гитлеризма, за независимость американских народов*.

В настоящей книге автор, известный политический деятель Бразилии, разоблачает гитлеровские планы проникновения в Латинскую Америку. Он описывает махинации германской разведки, шпионаж, подрывную деятельность гитлеровских агентов с дипломатическими документами и без них, особенно в Бразилии, провал германской фашистской пропаганды в странах Латинской Америки. Настоящее издание книги вышло в Уругвае в испанском переводе.

Marshall S. L. A. *Armies on wheels*. New York. 1941. 251 p.

Маршал С. *Армии на колесах*.

Новая книга известного американского публициста и военного обозревателя дает анализ основных кампаний нынешней войны в Западной Европе. Автор характеризу-

ет германскую тактику и делает общие замечания о тактике и стратегии в нынешней войне, подчеркивая роль мотора и транспорта в войне. В книге дан ряд иллюстраций и схем отдельных сражений. Книге предпослано предисловие известного военного теоретика генерал-майора Фуллера.

Spencer Fr. *Battles of a bystander*. New York. 1941. 260 p.

Спенсер Ф. *Битвы глазами постороннего*.

Книга содержит мемуары австрийского журналиста о войне 1914—1918 гг. и послевоенном периоде. В книге излагаются события на различных фронтах и факты внутренней политической жизни Австро-Венгрии и Германии. Много места уделено истории ноябрьской революции в Германии.

Czechoslovak republic. Ministry of foreign affairs, department of information. *Two years of German oppression in Czechoslovakia*. London. 1941. 151 p.

Чехословацкая республика. Министерство иностранных дел. Департамент информации. *Два года германского гнета в Чехословакии*.

В книге даны материалы о результатах двухлетнего хозяйничанья германских фашистов в Чехословакии. Описываются всестороннее и систематическое ограбление страны, проводимое гитлеровцами, присвоение ими предприятий военного характера, разрушение отраслей промышленности, ве имеющих военного значения, вывоз сырья и продовольствия, высылка рабочих на тяжелые работы в Германию, режим голода и угнетения, бесчинства гестапо, система расстрелов заложников.

Schuman F. L. *Design for power; the struggle for the world*. New York. 1941. 324 p.

Шуман Ф. *Притязания на власть; борьба за мировое господство*.

В своей новой книге автор, известный американский историк международных отношений последних предвоенных лет, анализирует предисторию войны, рисуя планы столпа и дает очерк безудержных притязаний германского фашизма на мировую гегемонию. В книге дается характеристика основных районов противоречий между державами и намечается направление, в котором германский фашизм намерен расширяться. К книге приложено несколько карт.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Сектор славяноведения Института истории Академии наук СССР (с 22 июня 1941 г. по 1 июля 1942 г.)

Сектор славяноведения Института истории АН СССР объединяет специалистов по истории южных и западных славян и по истории Византии, поскольку история южных славян в средневековый период тесно переплетается с историей Византийской империи.

В условиях второй отечественной войны сектор славяноведения развернул большую научно-исследовательскую и общественно-политическую деятельность. Ведя борьбу с фашистскими извращениями истории славян, сектор подготовил к печати сборник статей, посвященных вопросу образования славянских государств.

Акад. Б. Д. Греков, который уже много лет вел борьбу против норманизма, господствовавшего в русской буржуазной историографии, написал очерк «Образование Русского государства». Проф. З. Р. Неедлы составил очерк «Образование Чешского государства». Статья акад. Н. С. Державина посвящена очерку «Образование Болгарского государства». Акад. Ю. В. Готье и чл.-корр. АН СССР В. И. Пичета дали статьи об «Образовании Сербского и Польского государств».

Сектор славяноведения, стремясь познакомиться советскую общественность с основными моментами истории южных и западных славян, готовит к печати серию очерков по истории славянских народов под общей редакцией З. Р. Неедлы и В. И. Пичеты. Н. С. Державин и Р. Караколов готовят к печати «Очерк истории болгарского народа с древнейших времен до наших дней»; Д. С. Густинич — «Очерк истории хорватского и словенского народов»; З. Р. Неедлы — «Очерк истории чешского народа» и «Очерк истории словацкого народа»; Д. И. Влахов — «Очерк истории Македонии»; В. И. Пичета — «Очерк истории Польши»; Л. В. Разумовская — «Историю прибалтийских славян»; Б. Горянов — «Очерк истории Черногории»; чл.-корр. АН СССР С. К. Боговлянский — «Очерк истории сербского народа». Все вышеназванные очерки должны быть подготовлены к печати к концу 1942 года.

Помимо этого сотрудники сектора славяноведения продолжали работать над специальными проблемами: Б. Горянов был занят подготовкой к печати исследования на тему «Революция зилотов в Фесалониках»; Н. С. Лебедев готовит к печати моногра-

фию на тему «Византия и монголы», а также исследование на тему «Работы Б. Г. Василевского по изучению истории Византии и славян»; В. И. Пичета работал над монографией «История польского восстания 1830—1831 годов»; Н. С. Державин был занят составлением второго тома истории Болгарии с начала XIX в., а проф. З. Р. Неедлы работал над книгой «Чехи и русские»; Л. С. Разумовская подготовила к печати диссертацию на тему «Немецкая колонизация в Польше»; Д. С. Густинич исследовал историю национально-освободительной борьбы славянского и хорватского народов; С. К. Боговлянский подготовил к печати монографию «Дипломатические отношения России и Сербии в XVIII веке» (по неизданным документам).

Сотрудники сектора, а также и ряд лиц, не входящих в него, прочитали на заседаниях сектора ряд научных докладов: В. И. Пичета — «Польские славянофилы в начале XIX века»; Н. С. Лебедев — «Византия и монголы» и др.; Б. Горянов сделал отчет о подготовленной к печати работе «Очерк истории Черногории»; источники: историография «История восстания зилотов в Фесалониках и попытки демократизации византийского абсолютизма при Андронике Коммене»; Л. В. Разумовская — «Работы польских историков о городском строе Польши в период раннего средневековья»; Д. С. Густинич — «Развитие феодального строя в Хорватии» и «Борьба хорватского народа за свою национальную свободу»; Р. Караколов — «Историко-философские взгляды Д. Благоева»; А. Л. Попов — «Политика царского правительства накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг.»; Н. П. Франц — «Сербия во время оккупации германским фашизмом»; Ю. В. Готье — «Законодательство Стефана Душана»; Н. Нарцов — «Происхождение молдавского государства»; Герберт — «Польская историография с 1918 по 1939 г.»; А. К. Целозальникова — «Начало чешского возрождения».

Кроме того В. И. Пичета прочитал несколько докладов в других секторах Института и научных учреждениях, а именно: «Политические планы Наполеона относительно России в 1812 году»; «Положение великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой после Люблинской унии 1569 года»; «Фашизм и славянство»; «Вскрывающая борьба славянских народов с германскими захватчиками»; «Новое о Петре I».

З. Р. Неядлы прочитал доклады: «Общность исторического развития славянских народов»; «Гус и гуситы»; «Славяне»; «Связи между славянами»; «История чешского театра»; «Современная чешская драматургия»; «Чешская опера» и др.

Часть прочитанных докладов была напечатана в журналах: «Историк-марксист», «Исторический журнал», «Вестник АН СССР», «Советская наука», «Большевик» и др.

Отзываясь на борьбу славянских народов с германским и итальянским фашизмом, сектор славяноведения дал для советской печати ряд статей. В. И. Пичета напечатал статьи «Вековая борьба польского народа с немецкими захватчиками» («Исторический журнал» № 9 за 1941 г.), «Александр Невский — великий русский полководец» (Ташкент, 1942), «Единый фронт народов против фашистской Германии» («Под знаменем марксизма» № 8 за 1941 г.), «К истории славяноведения в СССР» («Историк-марксист» № 3 за 1941 г.), «Единый фронт славянских народов» (октябрь 1941 г.), «Славянские народы в борьбе против немецких захватчиков» («Большевик» № 18 за 1941 г.), «Борьба польского народа с немецкой агрессией» и др. З. Р. Неядлы дал статьи: «К истории славяноведения до XVIII в.» («История марксист» № 2 за 1941 г.), «Гуситы и русские» («Исторический журнал» № 10—11 за 1941 г.), «Фашизм и славяне» («Военно-исторический журнал», 1941), «Борьба чешского народа

с немецкой агрессией». Н. С. Державин написал брошюру «Героическая борьба народов Чехословакии с немецкими варварами» (М. и Л. 1942), подготовил к печати большой труд «История Болгарии с древнейших времен до конца XVIII века» и ряд других.

Н. П. Франц напечатал: «Сербия в войне 1914—1918 годов» («Исторический журнал» № 12 за 1941 г.) и брошюру «Сербия под гнетом германских оккупантов первой и второй империалистических войн» (М. 1942).

Д. С. Густинич напечатал: «Национальное движение словенцев накануне и в период войны 1914—1918 гг.» («Историк-марксист» № 5 за 1941 г.), «История словенского народа» («Вестник АН СССР» № 9 за 1941 г.), «Партизанская борьба в Югославии» («Казахстанский большевик»), «История хорватского народа» («Исторический журнал» № 1—2 за 1942 г.), «Национально-освободительная борьба хорватского народа» («Исторический журнал» № 7 за 1942 г.).

Д. И. Влахов напечатал брошюры «Война греческого народа против итальянского фашизма», «Гитлеризм — заклятый враг славянских народов», «Гитлеровская Германия — злейший враг народов Югославии». Р. Караколов напечатал ряд статей в популярной печати по вопросу о борьбе болгарского народа с фашизмом.

*Чл.-корр. АН СССР В. Пичета,
А. Целовальникова.*

Институт истории и археологии Академии наук УССР

В связи с разбойничьим вторжением гитлеровских банд на Украину Институт истории и археологии, как и все институты АН УССР, вынужден был эвакуироваться в глубокий тыл. Часть научных работников, вступив в ряды Красной Армии, борется против озверелого врага; оставшийся научный коллектив развернул работу на новом месте — в г. Уфе.

Институт истории и археологии АН УССР имеет два отдела: истории (заведующий отделом — проф. Н. Н. Петровский) и археологии (заведующий отделом — чл.-корр. АН УССР Л. М. Славия). Отдел истории состоит из трех групп: эпохи феодализма (заведующий группой — канд. исторических наук К. Г. Гуселистый), эпохи капитализма (заведующий группой — канд. исторических наук Ф. А. Ястребов) и группы советского периода и великой отечественной войны (заведующий группой — канд. исторических наук Н. И. Суварунско).

За последние год отечественной войны научными сотрудниками института написано несколько работ: «Борьба нашего народа против немецких захватчиков в прошлом», автор — директор института, д-р исторических наук проф. Н. Н. Петровский. Кроме того проф. Петровский закончил

монографию (30 п. л.) «Воссоединение украинского народа в Украинском советском государстве», где показываю, как на протяжении веков украинский народ боролся за воссоединение в украинском государстве, за объединение с братским, единокровным русским народом.

Профессор Н. Петровский, Ф. Лось, Ф. Шерстюк, В. Дядиченко, Н. Ткаченко написали брошюры, в которых даны мужественные образы наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Мизина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Брошюры приняты для печати Укрзадатом.

В. Дядиченко и Ф. Шерстюк написали брошюру «Народные ополчения и партизанское движение в борьбе русского и украинского народов против иноземных захватчиков (XVII—XIX вв.)». Н. Суварунско написал две брошюры: «Повстанческое движение на Украине в 1919 г.» и «Борьба советских партизан против фашистов в великой отечественной войне 1941 г.».

В журнале «Українська Література», выходящем в Уфе, напечатаны статьи К. Гуселистого «Разгром венгерских захватчиков на Украине в XIII столетии», «Колли-

ивщина и восстание Пугачева» и «Даниил Галицкий»; В. Дядиченко «Борьба украинского народа против шведских оккупантов (1708—1709 гг.)»; Н. Супруненко «Борьба украинских партизан против Деникина» и «Ленин и борьба украинского народа за социальное и национальное освобождение»; Н. Петровского «Колывищина 1768 года» и «Из героического прошлого Киева»; чл.-корр. АН УССР Л. Славива «Древние памятники Украины».

В недавно вышедшем I томе трудов январской сессии Отделения общественных наук АН УССР опубликована статья проф. Н. Петровского «Киевская Русь — общий начальный период истории русского, украинского и белорусского народов».

В июле этого года вышел из печати сборник «Борьба украинского народа против немецких захватчиков». В нем показано, как начиная с давних времен украинцы вели борьбу с немецкой агрессией. Чл.-корр. АН УССР Л. Славива написал брошюру «Против расовой теории немецкого фашизма».

Наряду с этим институт продолжает работать над большими трудами, начатыми еще в Киеве. Уже сдан в печать I том четырехтомного курса истории Украины для высших учебных заведений. Остальные три тома будут закончены в 1943 году. В первой половине 1942 г. написан и сдан в печать краткий очерк истории Украины (12 п. л.), авторы — акад. К. Воблый, чл.-корр. АН УССР Л. Славива, проф. Н. Петровский, старшие научные сотрудники К. Гуслистый, В. Дядиченко, Ф. Шерстюк, Ф. Лось, Н. Супруненко; под редакцией Л. Славива, К. Гуслистого и Ф. Ястребова. В ближайшее время эта работа выйдет из печати. Кроме того институт готовит работу по истории украинской культуры. К написанию этой книги привлечены историки, писатели и работники искусств. Книга выйдет под редакцией чл.-корр. АН УССР С. Маслова, канд. исторических наук К. Гуслистого и поэта М. Рыльского.

Для IV класса начальной школы институт prepares издание учебника истории Украины; автор — проф. Н. Петровский. Л. Славива пишет пособие для высших учебных заведений «Очерки археологии Украины». Книга будет сдана в печать в 1943 году.

Продолжается начатая в Киеве работа по выпуску отдельных очерков по истории Украины. В 1943 г. будут окончены: вып. V — «Украина во второй половине XVII столетия», вып. IX — «Украина во второй половине XIX столетия» и вып. XI — «Украина в период столыпинской реакции».

По тематическому плану института на 1942 г. предусмотрен выпуск ряда брошюр и статей, освещающих деятельность героев украинского народа, самоотверженно борющихся за родную землю, за свободу своего народа: Даниила Галицкого, Петра Сагайдачного, Северина, Наливайко, Богдана Хмельницкого, Ивана Богуна, Максима Кривоноса, Ивана Сирко, Семена Палия, Ивана Гонга, Максима Зализняка, Олекса Довбуша, Устима Кармалюка, Лукьяна

Кобилыца, Тараса Шевченко, Ивана Франко, Афанасия Матюшенко, Николая Шорса, Василия Боженько, Александра Пархоменко, Григория Котовского.

По истории революционного движения и Октябрьской революции на Украине запланировано четыре издания: «Тарас Шевченко в революционном движении 30—50-х гг.» (20 п. л.), автор — Ф. Ястребов; «Октябрьская революция 1917 г. на Украине» (3 п. л.), автор — Н. Супруненко; «Очерк по истории аграрной революции на Украине в 1917 г.» (20 п. л.), автор — М. Рубач.

В юбилейный сборник «25 лет советской власти на Украине» проф. Н. Петровский пишет статью «Борьба украинского народа против социального и национального гнета». Сдан в печать I том «Научных записок» института, который содержит 13 статей и специальный отдел документов великой отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков.

Д-р философских наук проф. О. Трахтенберг пишет монографию «Мировоззрение Григория Саввича Сковороды».

В области археологии институтом в 1942 г. будет закончена работа «Материалы для составления археологической карты Украины». Кроме того научные сотрудники Е. Лагодовская, Л. Дмитров, Д. Блитель подготавливают работу «Обзор археологических памятников Башкирии».

Большое значение институт придает изучению великой отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Организована специальная группа работников, занимающаяся сбором и систематизацией соответствующих материалов. Ведется работа по составлению летописи великой отечественной войны. Кандидат исторических наук М. Рубач написал статью «Великая битва за Москву», которая была опубликована в журнале «Українська Література» № 3—4 за 1942 год. В настоящее время эта статья перерабатывается и расширяется до 3 печатных листов и выйдет отдельной брошюрой.

Институт принимал участие в научных сессиях Академии наук УССР. На сессии в январе 1942 г. проф. Н. Петровский выступал с докладом на тему «Киевская Русь — общий начальный период истории русского, украинского и белорусского народов». На сессии, посвященной Т. Шевченко, в марте 1942 г. канд. исторических наук К. Гуслистый прочитал доклад «Колывищина в произведениях Т. Г. Шевченко». На сессии в июле выступали с докладами канд. исторических наук П. Супруненко на тему «Украина накануне и в дни великой отечественной войны» и канд. исторических наук Ф. Лось на тему «Участие украинцев в борьбе России против Пруссии во время Семилетней войны (1756—1762)».

Коллектив научных сотрудников института ведет большую общественную работу. С начала отечественной войны по сентябрь 1942 г. научными сотрудниками прочитано в госпиталях для раненых бойцов, в ча-

стях Красной Армии, в учреждениях и на предприятиях до 300 лекций. Кроме того научные работники сотрудничают в газетах «Комуніст», «Советская Украина», «Литература і мистецтво», «Красная Башкирия», «Кызыл Башкортостан».

Так в суровые дни великой отечественной войны работает коллектив института.

С исключительной заботой партия и правительство создали в глубоком тылу все

необходимые условия для плодотворной работы научных сотрудников Академии наук УССР. Наша обязанность — выполнить возложенные на нас задачи, двигаться вперед украинскую советскую науку и культуру. Напрасны потуги гитлеровских головорезов задушить ее. Украинская культура живет, будет жить и процветать на благо родины.

Ф. Шерстюк

Исторический факультет Ленинградского государственного университета в дни отечественной войны

С первого же момента предательского нападения германских фашистов на Советский Союз Ленинград стал жить напряженной, боевой жизнью. Война, однако, не нарушила нормальную работу исторического факультета. Здесь в последнюю неделю июня заканчивались государственные экзамены; почти ежедневно собирался Ученый совет, чтобы пропустить все скопившиеся диссертации, заседали кафедры, подводя итоги истекающего учебного года, обсуждая программы и планы работ на предстоящий год; в деканате шла подготовка к новому приему.

Но война ворвалась в этот размеренный строй жизни со своими властными требованиями. Уже 22 июня, к 13 часам, на историческом факультете закончилось формирование команд МПВО. 26 июня первая группа студентов выехала на спецстроительство на Карельский перешеек. 29—30 июня началось формирование народного ополчения. Свыше 100 студентов, преподавателей, аспирантов в первые же дни войны были мобилизованы в армию и флот, свыше 200 человек дал исторический факультет народному ополчению. В последующие недели и месяцы, по мере того как нарастала непосредственная угроза самому Ленинграду, все большее число студентов и преподавателей факультета пополнило различные военные формирования университета: 16—17 июля — истребительный студенческий батальон; 20—22 августа — рабочий батальон. Свыше 200 студентов ушли в военные госпитали или стали дружинниками. Оставшиеся на месте, независимо от возраста, серьезно изучали военное дело, средства противопожарной и противохимической защиты.

Для города Ленина наступали критические дни, требовавшие предельного напряжения сил. Враг нагло лез вперед, не считаясь с потерями. От гула все более близкой канонады дребезжала стекла на недавно еще тихих улицах Васильевского острова. В ночь на 10 сентября на крышу небоскреба упали первые зажигательные бом-

бы. Вскоре поблизости начали взрывать и артиллерийские снаряды.

В этих условиях 1 августа начался новый учебный год. В этот день студенты нового набора собрались в первый раз в аудиториях, но не для слушания лекций, а для того чтобы коллективно отправиться на оборонное строительство. Студенты старших курсов и все способные к физическому труду преподаватели факультета были заняты на этих работах уже с 15 июля. Но исторический факультет не приостанавливал ни на минуту своей научно-учебной жизни. Чередование оборонной и академической работы с первых дней учебного года сделалось суровым законом факультетской жизни, отраженным в расписании: неделя на спецстроительстве, неделя занятий на факультете.

В августе для студентов, едва переведенных на пятый курс и выпускаемых теперь досрочно, начались государственные экзамены.

Перед экзаменационным столом теперь появлялись молодые люди в морской форме или форме командира Красной Армии, обвешанные оружием, получавшие свои дипломы буквально в промежутках между двумя сражениями. Начиная с сентября выпускник (а нередко и диссертант, недавно закончивший у нас аспирантуру) приезжал на экзамен или на защиту диссертации прямо с передовых позиций и через несколько часов отправлялся обратно. Для этого ему достаточно было воспользоваться услугами городского трамвая: фронт проходил близко от черты города, да и самый город являлся уже фронтом.

При всем том ритм учебной жизни факультета, построенной на столь необычных основаниях, не нарушался, не сменялся, ни на один день: в положенные часы, по звонку в аудиториях собирались поредевшие группы студентов, входил профессор, начиналась лекция. По сигналу воздушной тревоги с места срывались только дежурные МПВО. Ухо настолько свыклось с шумной работой тяжелых зениток, с рывками гулом отдаленных фугасных разрывов, с дребезжанием стекол, что и лектор и его слушатели продолжали свое дело как ни в чем не бывало.

Правда, иногда занятия все же срывались. Но для этого нужны были самые исключительные обстоятельства. Вот, например, в разгар занятий поступило известие, что тяжелая фугасная бомба пробила многэтажное здание студенческого общежития. В убежище, под обломками здания, заживо погребены женщины и дети. Весь наличный состав студентов тотчас же сменяет книги и тетради на заступы и кирки. В течение нескольких дней, пока идут спасательные работы, аудитории и кабинеты пусты.

Нервы ленинградцев оказались из более крепкого материала, чем на это рассчитывали гитлеровские бандиты. Одна наша студентка, пролежав почти трое суток под обломками, уже через 48 часов после того, как ее, полуживую, вытащили, явилась сдавать очередной зачет.

Таковы были учебные будни факультета в осажденном городе.

Особенно тяжело стало поддерживать деловой ритм этих будней с наступлением зимних холодов. Стали трамваи, прекратилась подача электрического тока. В предутренней тьме, озаряемой вспышками оружейных выстрелов, через глубокие сугробы необранного снега спешили профессора и студенты со всех концов города к зданию университета. Иногда на факультете мы застаивали с утра весьма неудобную картину: за почь все стекла выбиты воздушной волной от упавшей вблизи бомбы; по аудиториям свободно гуляет свежий ветер, сорвавшийся с просторов Балтики или соседней Невы. Пока идет срочное застекление, чернила успели замерзнуть. С декабря температуру насквозь простуженного здания невозможно было поднять даже до нуля. Лектор читал в калошах и шубе с поднятым воротником. Ему прилежно внимали закутанные в платки и шали энтузиасты учебы.

Зимняя сессия в январе — начале февраля показала, что усилия обеих сторон не пропали даром. Вопреки ожиданиям кое-каких скептиков, уровень знаний не снижился пропорционально снижению температуры. Скорее наоборот: чем труднее было работать, тем упрямее вгрызались студенты в свои учебники и литературу.

А между тем делать это приходилось стиснув зубы и покрепче затянув пояса на отощавших животах. Кто не пробовал обходиться целый день 125 граммами хлеба и «пустым» дрожжевым супом, тот никогда не поймет условий жизни и учебы в Ленинграде в суровые зимние месяцы 1941—1942 года.

В этих же условиях не только продолжалась, но и развивалась научная и научно-популяризаторская работа факультета, почти полностью повернутая и приспособленная к потребностям обороны. В августе совет университета утвердил на истфаке новую кафедру — истории славянских народов, — которую возглавил акад. Н. С. Державин. С сентября к чтению новых курсов по славяноведению приступил только что окончивший у нас аспирантуру моло-

дой талантливый славист Г. И. Иодко (безвременно погиб весной 1942 г.). Были видоизменены программы курсов и планы научной работы на всех кафедрах факультета. Историки СССР сосредоточили свое внимание на героических периодах истории русского народа и других народов Советского Союза, на их борьбе с немецкими «псами-рыцарями» в XIII в., на походах Ивана Грозного против Ливонского ордена, на Отечественной войне 1812 г., на военных операциях 1914—1917 гг. и на истории разгрома интервентов в 1918—1920 годах.

Декан факультета проф. В. В. Мавродин опубликовал в 1941 г. брошюры «Ледовое побоище» (Ленполитиздат), «Когда и как мы били немцев» (там же), «Ленинград» (там же), «Историческая борьба славян с германцами» (изд-во ЛГУ), «Грюнвальд» (там же). К моменту эвакуации университета тот же автор сдал в печать брошюру «Брусиллов» и очерк «Гвардия», посвященный истории царской гвардии, Красной Гвардии и героической советской сталинской гвардии. Проф. Н. А. Корнатовский напечатал за тот же период брошюры: «Крах немецкой оккупации на Псковщине» (Леноблиз), «Грудью на защиту Петрограда» (там же), «Партизанская война в тылу врага в 1918—1920 гг.» (Ленполитиздат) и свыше десятка газетных статей. Проф. С. Б. Окунь избрал темой своей брошюры, опубликованной Ленполитиздатом, «Предательство Пруссии в 1812 году». Доцент А. Л. Фрайман издал в Обллитизде свои две небольшие работы: «Фашистские злодееды» и «Отечественная война украинского народа против немецких захватчиков». Другие члены кафедры истории народов СССР занялись вплотную изучением жизни и деятельности великих русских полководцев и флотоводцев — Суворова, Кутузова, Нахимова.

Западники, независимо от их специальности, обратились к наиболее актуальным темам: к истории и предистории германского фашизма, к освободительной борьбе европейских народов против гитлеровского и фашистского империализма в 1918 г., к истории революционных традиций французского народа и пр.

Проф. О. Л. Вайнштейн совместно с проф. М. Гужовским и Н. Полетика написал брошюру «Железом и кровью. Судьбы гитлеровской империи в зеркале истории» (Ленполитиздат), вышедшую недавно вторым изданием, проф. А. И. Молок — брошюру «Боевые традиции парижских рабочих». В журнале «Пропаганда и агитация» и в газетах «На страже родины», «На защиту Ленинграда» напечатаны его статьи «Народ, разгромивший Наполеона, разгромит и Гитлера», «Крах Наполеона», «Лев и котенок». С участием А. И. Молока проф. О. Л. Вайнштейн подготовил большую брошюру «Демagogия в политике германского фашизма», в которой проф. Молок написал главы о гитлеровской демagogии в крестьянском вопросе и в международной политике (Ленполитиздат). Проф. С. И. Ковалев и О. Л. Вайнштейн сдали а

печатать работу «Разоблачение фашистской «женщины» исторического процесса». Доцент В. Г. Брюшини напечатал в том же издательстве брошюру «Крах империи Вильгельма II» и подготовил для «Исторического журнала» статью «Кризис власти в Германии накануне ноябрьской революции 1918 года». Доцент М. О. Рабинович опубликовал очерк, посвященный борьбе порабощенных народов против немецко-фашистского ига.

В июле — ноябре 1941 г. вышли из печати (в изд-ве ЛГУ) четыре очередных выпуска «Ученых записок» исторического факультета. Один из этих выпусков включает статьи и материалы по археологии, другой — по истории СССР, последние два выпуска посвящены вопросам истории средних веков и нового времени. В основных своих частях эти сборники подготовлены были еще до начала войны.

Профессора и преподаватели исторического факультета, естественно, включались и в ту большую пропагандистскую работу, которую развернула дом Красной Армии и Флота, Ленинградский дом ученых, партийные организации. Лекции и доклады читались: в госпиталях и военных школах, на боевых кораблях Краснознаменного Балтийского флота, в военных частях, размещенных в городе и вне его, на линии фронта и в блиндажах передовых позиций. Общее число лекций и докладов, прочитанных работниками исторического факультета с начала войны и до эвакуации университета, вряд ли может быть учтено. О размерах этой лекторской работы может дать представление хотя бы тот факт, что один только проф. А. И. Молок за этот период прочитал в военных и военно-морских частях свыше ста лекций.

Оборонная тематика, выдвинутая самой жизнью на первый план, не устраивала, однако, стремления наших историков продолжать систематически и ранее начатые исследовательские работы. Особенно много, учитывая обстановку, делали в этом отношении аспиранты, обязанные закончить свои кандидатские диссертации к весне 1942 г., и некоторые доценты, готовившие докторские диссертации. Так, доцент И. В. Арский (ныне боец РККА на ленинградском участке фронта), работая урывками, успел значительно расширить документацию по своей теме «Происхождение национальных государств в средние века». Доцент В. И. Ходяков (погибший весной 1942 г.) почти закончил свой учебник по всеобщей истории средних веков. Доцент Н. Г. Сладкович продолжал работать над темой «Кризис русского дворянства после 1861 г.», доцент В. А. Овсянкин — над «Гражданской войной в Сибири», ассистент А. Г. Захаренко — над «Историей Прибалтики во время Северной войны»; доценту И. Г. Гуткиной было нетрудно совместить свои политико-пропагандистские занятия с работой над темой «Народная война в Испании против вторжения Наполеона»; доцент Г. В. Ефимов успешно пишет свою книгу «Новая история Китая». Аспирант И. П. Кивиринен после эвакуации довел

до конца свою кандидатскую диссертацию «Германо-финские отношения во время первой мировой войны». Аспирант В. С. Алексеев-Полков, будучи мобилизован для работы в главном штабе, успел все же начерно закончить свою работу «Германская социал-демократия в дни франко-прусской войны и Парижской коммуны». То же относится и к ряду других наших аспирантов, не находившихся в Действующей армии.

Исторический факультет даже в исключительно тяжелых условиях зимы 1941—1942 г. организовал защиту некоторых уже законченных диссертаций. В декабре 1941 г. ассистент К. И. Раткевич (погибла весной 1942 г.) защитила в Ученом совете факультета кандидатскую диссертацию «Вестфальское королевство». Памятна всем участникам также защита диссертации тов. Гронским, военным юристом 1-го ранга, прибывшим для этой цели в Ленинград с фронта. Защита происходила в январе, в подвальном помещении исторического факультета, при неверном свете древней лампы. Члены Ученого совета, диссертант и его официальные оппоненты жалась к железной печурке, так как на расстоянии двух шагов от нее температура была на несколько градусов ниже нуля. Тов. Гронский представил работу на весьма интересную тему — «Революционное движение в Прибалтике при царизме», — написанную на основании архивных материалов Таллина и Риги, материалов, ныне, вероятно, навсегда утраченных для науки. Защита прошла успешно, и диссертант был единодушно удостоен кандидатской степени.

Так работал исторический факультет, так работали и все другие факультеты Ленинградского университета и института в осажденном городе Ленинграде. Гитлеровцы рассчитывали устрашить нас своими бандитскими налетами, деморализовать и сломить волю к сопротивлению, расстроить всю нашу работу. Добились же они только того, что стократно возросла наша ненависть к подлому врагу.

Ряды преподавателей исторического факультета, не говоря уже о студентах и аспирантах, сильно поредели. Доценты и кандидаты исторических наук Агеев, Копанов, Ефименко, Щукарев и другие наши товарищи пали смертью храбрых на волостях к Ленинграду, некоторые профессора и доценты умерли, не выдержав лишения, на которые всех нас обрекла осада. Но те, кто остались жить, продолжали выполнять свой долг, каждый на своем посту. Так шли дни и недели, оставляя в каждом из нас неизгладимые следы.

II

В феврале началась эвакуация Ленинградского университета в Саратов, куда его работники и студенты прибыли четвергем партиями в течение марта. Уже через четыре дня после прибытия на новое место состоялось первое заседание исторического факультета с научным докладом. Еще через пять — шесть дней факультет

приступил к регулярным занятиям в аудиториях и кабинетах Саратовского государственного университета. Таким образом, несмотря на очень сложные условия эвакуации второй семестр 1941/1942 учебного года не был потерян.

Как занятия со студентами, так, и особенно, научная работа нашего факультета были организованы в тесном контакте с преподавательским коллективом Саратовского государственного университета. Саратов принял лекторов очень радушно, дав им возможность в кратчайший срок восстановить свои силы и работоспособность.

Своим гостеприимным хозяевам из СГУ мы отплатили прежде всего тем, что вступили с ними в социалистическое соревнование. Объединившись с ними, мы организовали серию открытых заседаний двух исторических факультетов, на которых ставились научные доклады. Эти «субботники», как их называли, привлекали подчас обширную аудиторию студентов, учителей, военных политработников Саратова. Доклады вызвали весьма оживленные прения. Интерес довольно широких кругов саратовской общественности к этим совместным заседаниям объясняется в немалой степени актуальной тематикой докладов. Дебютировал проф. А. И. Молок (ЛГУ), сделавший доклад на тему «Революция 1830 г. во Франции как переломный этап в истории Европы». Затем последовал доклад проф. Н. Л. Рубинштейна (СГУ) «Образование народного ополчения в начале XVII века». Тот же докладчик и проф. М. А. Гукковский (ЛГУ) выступили на совместном заседании двух университетов, посвященном Ледовому побою: первый осветил это событие на основании главным образом материалов русской истории, второй — по материалам западноевропейским. Доцент Дербов (СГУ) доложил на следующем очередном «субботнике» итоги своих изысканий по истории гибели Ливонского ордена. Далее, проф. О. Л. Вайнштейн (ЛГУ) познакомил многочисленную аудиторию с материалами и выводами подготовляемой им работы «Идеологические истоки германского фашизма». Доцент В. Г. Брюнн (ЛГУ) сделал доклад «Кризис власти в Германии осенью 1918 года». Проф. Н. Л. Рубинштейн сообщил «Новые материалы о С. Соловьеве», проф. М. А. Гукковский завершил серию докладов в истекшем учебном году сообщением о «Левых течениях в итальянском гуманизме».

Показательны также публичные защиты диссертаций, представленные Ученым советом истфака ЛГУ после эвакуации. Окончивший нашу аспирантуру И. Г. Козлов защитил диссертацию на тему «Разложение хозяйства крупного русского феодала в 20—50-х годах XIX века». Научный работник Ю. А. Оснос удостоен кандидатской степени за свое историко-культурное исследование «Школьная реформа в РСФСР в 1918 году». (В сентябре защитили свои диссертации аспиранты ЛГУ Волин, Квяриштен и Штокмар.)

В апреле начал работать в Саратове лек-

торий Ленинградского университета. Лекторий, рассчитанный на самые широкие круги советской интеллигенции, ставит перед собой исключительно задачи научной популяризации. Через лекторий шла в основном и научно-пропагандистская работа наших историков — в Доме Красной Армии, в частях Красной Армии, военных школах, госпиталях и пр.

Что касается научно-исследовательской работы, то, к сожалению, далеко не по всем разделам истории и не по всем темам она может осуществляться в Саратове. В достаточно благоприятных условиях находятся еще историки СССР, имеющие возможность пользоваться местными архивными сокровищами. Но историкам Запада или стран Востока, лишенным обширных ленинградских книгохранилищ, новейшей иностранной журнальной и монографической литературы, приходится, конечно, очень трудно. Этой категории исследователей, если им не удалось вывезти с собой из Ленинграда ранее накопленные материалы, остается только перестраивать свои научные интересы и тематику в соответствии с наличными книжными и архивными фондами. Подобная перестройка диктуется и потребностями переживаемого нами времени.

Таковы объяснения, которые следует предложить на первый взгляд неспрому перечню работ, подготовляемых или уже сданных в печать преподавателями истфака ЛГУ после эвакуации до конца 1941/1942 учебного года.

Проф. Мавродин продолжает работу над своей монографией «Киевская Русь» и статьей «Русские на Дунае». Проф. Корнатовский готовит две статьи: «Разгром германских войск под Москвой» и «Две отечественные войны советского народа». Доцент Овсянкин заканчивает брошюру «Партизанское движение в великой отечественной войне советского народа», продолжая вместе с тем и работу над докторской диссертацией «Гражданская война в Сибири». Доцент Н. А. Воронкова пишет статью «Борьба на подступах к Петрограду в 1919 г.»; доцент Сладкевич — статью «Крах империалистических планов Германии в первой мировой войне», а также упоминавшуюся выше диссертацию; ассистент Захаренко продолжает начатые до эвакуации работы о Прибалтике и о книге А. Д. Меншикова как военном и политическом деятеле; Е. М. Косачевская готовит кандидатскую диссертацию «Галицкая Русь в первой половине XIX в.»; аспирантка А. Уткин, археолог по специальности, в Саратове вынуждена была изменить тему своей диссертации и заняться «Палеолитом Среднего Поволжья».

Таковы данные по кафедре истории народов СССР. По другим кафедрам имеем следующую тематику: проф. Вайнштейн опубликовал в 1942 г. статью «Национальная демагогия германского фашизма» («Известия Академии наук» № 2), сдал в Саратовский облигиз брошюру «Внутреннее положение гитлеровской Германии» и продолжает работу «Идеологические истоки

гитлеризма». Проф. Молок сдал в то же издательство брошюру «Борьба поработенных народов Европы против немецко-фашистского ига» и перешел теперь к новой теме — «Рост и укрепление международных связей Советского Союза»; он намеревается дать в этом году также две статьи: «Вальми» (к 150-летию этой битвы) и «Вольные стрелки (франтиреры) в 1870—1871 годах». Проф. Гукковский готовит также брошюры: «Искусство побеждать» (очерки крупнейших в истории боев против захватчиков и поработителей народов), «Исторические корни оси Рим — Берлин», а также статью «Левое крыло итальянского гуманизма». Доцент Гуткина продолжает свою работу по истории народной войны в Испании против Наполеона I и готовит по ценным архивным материалам статью о русско-английских отношениях в 1811—1812 годах. Доцент Брюлин сдал в печать брошюру «Черные дни германской армии в 1918 году» и работает над статьей «Антивоенное движение в Германии в 1913 году». Доцент Ефимов близок к окончанию «Новой истории Китая» и подготовил статью «Первые шаги германского империализма в Китае». Доцент Чураков сдал в печать брошюру «Крах немецких захватнических планов в Сирии и Иране» и занимается теперь историей завоевания Алжира Францией. В начале нового учебного года состоится защита диссертаций аспирантами истфака, закончившими или заканчивающими свои работы: В. Штокмар «Произведения Джонатана Свифта как исторический источник», И. Квярайнен «Германо-финские отношения в первую мировую войну», Алексеев-Попов «Германская социал-демократия в дни франко-прусской войны», Волин «Дрезденский партейтаг и борьба с ревизионизмом в германской социал-демократии».

Этот список значительно удлинится, когда некоторые из наших запоздавших товарищей привезут с собою в Саратов свои готовые или начатые в Ленинграде работы. Сверх того в научном плане истфака имеются коллективные темы, которые уже осуществляются совместно с саратовскими историками и будут готовы в течение 1942 года. Так, например, к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции подготовлены: «Очерки Октябрьской революции в Саратовской области» (авторы — Корнатовский, Воронкова, Косачевская, Юраго и Холопова — от ЛГУ; Деренковский, Осипов, Афанасьев, Розен — от СГУ); сборник «Историческая наука в СССР за 25 лет» (Рубинштейн — от СГУ; Вайнштейн, Молок, Ефимов — от ЛГУ); сборник «Народно-освободительные движения в Европе» (Молок и Гукковский — от ЛГУ; Рубинштейн, Морозова, Пумпян-

ский, Гендель, Деренковский — от СГУ). Намечены и другие коллективные темы. Таким образом, наше сотрудничество с саратовскими историками, вызванное обстоятельствами военного времени, растет и крепнет, обретая все новые и новые формы.

Ленинградский университет в ближайшее время возобновляет выпуск своих «Ученых записок», где найдут себе место почти все названные выше статьи исследовательского характера. Кооперация издательских средств ЛГУ и СГУ позволит обеспечить и печатание наших сборников.

Наряду с научной и пропагандистской работой профессорско-преподавательскому коллективу истфака необходимо будет с нового учебного года значительно расширить учебную и научно-методическую работу. В связи с недавним правительственным решением о восстановлении пятилетнего срока обучения явилась возможность и необходимость в подготовке большого числа новых специальных курсов, семинаров, факультативных курсов и пр. Как ни сжаты сроки, как ни отличны условия такой подготовительной работы в Саратове от ленинградских условий мирного времени, работники истфака ЛГУ, соревнуясь со своими саратовскими товарищами, вытратят эту задачу и дадут нашей стране новые кадры высококвалифицированных историков.

В порядке подготовки к новому учебному году кафедры истфака переработали также программы общих исторических курсов применительно к текущим задачам исторической подготовки. В общих курсах значительно усилены элементы истории славянских народов, военной истории, народно-освободительных движений, культурных и политических связей России с нашими союзниками в борьбе с гитлеризмом и т. д. Мы поставили перед собой также задачу помочь саратовской средней школе, учительству области, Институту усовершенствования учителей всеми знаниями и опытом, которыми мы располагаем.

Мы преодолели немало препятствий и понесли серьезные потери. Это еще больше закалало нас, еще теснее сплотило, как и всех советских людей, вокруг великого знамени партии Ленина — Сталина. Наш маленький коллектив историков, подобно всем большим и малым коллективам Советской страны, охвачен спранным желанием делать возможно лучше то, что он умеет, и учиться тому, чего он не умеет, но что необходимо сегодня или завтра для славы нашей великой матери-родины, для дела ее полной победы над черной ратью гитлеровских палачей и наемных убийц.

Проф. О. Вайнштейн

Куйбышевский государственный педагогический институт

В «Историческом журнале» уже сообщалось о той большой научной и популяризаторской работе, которую ведет коллектив историков Куйбышевского государственного педагогического института. Работа эта значительно расширилась за последнее время. Историки попрежнему тесно связывают свою литературную и лекторскую работу с задачами борьбы советского народа против германского фашизма. Научная конференция, созванная пединститутом совместно с городским агитпунктом в связи с 700-летием Ледового побоища, собрала значительную аудиторию. Доклады научных работников института — доцентов В. Стального и А. Когана — осветили ряд вопросов, связанных с осуществлением бредового немецкого плана «Drang nach Osten» в глубокой древности, раскрыли перед слушателями образы народных героев прошлого, показали самоотверженную борьбу русских против германской агрессии. Стенограммы этих научных докладов были широко использованы агитаторами и пропагандистами города, учителями, представителями воинских частей.

На второй научной конференции исторического факультета педагогического института были заслушаны сообщения, характеризующие германскую агрессию в период первой мировой войны. Ряд докладов, поставленных на этой конференции, был основан на тщательной разработке архивного материала.

По инициативе коллектива научных работников истфака, одобренной областным комитетом ВКП(б), будет издан антифашистский научный сборник. В настоящее время сборник уже сдан в набор. Он содержит в себе статьи доцента А. Когана «Методы немецкого завоевания Прибалтики», «Русские в борьбе с германской аг-

рессией в конце XII и начале XIII века»; старшего преподавателя Н. Яковлева «Суворов — в борьбе с прусской военной»; доцента Е. Медведева «История Брусильовского прорыва» и др.

Работники истфака ведут также большую научно-популяризаторскую работу. В связи с опубликованием Указа Президиума Верховного Совета СССР о введении военных орденов Александра Невского, Александра Суворова, Михаила Кутузова прочитано свыше 80 лекций о славных русских полководцах в городском агитпункте, на предприятиях, в частях Красной Армии. К 130-летней годовщине со дня Бородинской битвы историки пединститута подготовили также ряд лекций и докладов.

В настоящее время вышла из печати популярная книжка одного из работников института, рассказывающая о героических делах великих русских полководцев: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова.

Новый учебный год коллектив историков Куйбышевского пединститута встретил с большим подъемом; каждый из работников стремится построить свой курс в соответствии с великими задачами священной отечественной войны советского народа против германского фашизма. В выполнении этой задачи большую роль сыграла работа историков зимой этого года над методическими указаниями по составлению учебника истории СССР для средней школы, которую историки проводили по заданию ЦК ВКП(б).

А. Коган

В Бухарском областном музее.

Бухарский областной музей организовал выставку, посвященную героическому прошлому русского народа и великой отечественной войне против германского фашизма.

Материал выставки в основном составлен из графических объектов: иллюстраций, фото, зарисовок, эскизов, диаграмм, текстов и т. д.

Богатейшие фонды музея разрешали сделать дополнение к выставке. Из коллекций бывшего эмира бухарского были отобраны соответствующие объекты художественного значения и оружие.

Всего выставка содержит около 400 экспонатов.

Выставка имела 42 темы и довольно

полно и красочно отражала героическое прошлое русского народа. Большой ущерб выставке был нанесен переездом музея из цитадели (Арк), где он помещался, целиком занимая огромную площадь наиболее древней части города Бухары, в крайне непригодное помещение — в бывшее медресе Кукельдаш. В медресе выставку пришлось значительно сократить. Весь вещевой материал был из-за недостатка помещения совсем снят с экспозиции. Выставка разместилась в бывшем помещении мечети при медресе, где она функционирует и до сих пор.

Т. Гелак

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Отдел культурного сотрудничества стран Западного полушария при Панамериканском союзе, находящийся в Вашингтоне (Division of Intellectual co-operation of the Pan-American union), опубликовал справочник о журналах, выходящих в странах Латинской Америки, — «Latin American journals dealing with the social sciences and auxiliary disciplines» (Washington, 1941). В справочнике приведены все издания, посвященные различным отраслям социальных наук, в том числе истории, географии, библиографии, лингвистике, статистике и т. д. Приводим некоторые данные о выходящих в этих странах наиболее значительных изданиях исторического характера.

В Мексике выходят три журнала, специально посвященных истории. «Boletín del archivo general nacional» помещает главным образом материалы из мексиканского национального архива. За последние годы здесь напечатаны материалы из эпохи испанских завоеваний, проливающие свет на некоторые подробности истории испанского владычества в Америке и первых шагов испанских конкистадоров. Созданное в 1939 г. в Мексике историческое общество Centro de estudios históricos G. Estrada начало издание журнала «Investigaciones históricas», посвященного главным образом внутренней истории Мексики — ее экономической и политической истории. Наряду с этим в журнале большое место занимают вопросы археологии и антропологии. Журнал «Revista de historia de America», выходящий в г. Мехико с марта 1938 г., является органом панамериканского института истории и географии. В этот институт входит несколько стран Латинской Америки. Журнал разрабатывает исторические вопросы, главным образом из эпохи, когда Мексика являлась колонией Испании. Освещается также период освободительных войн против испанского владычества. Много места в журнале уделяется истории индейских племен на территории Мексики и Центральной Америки. В журнале публикуются статьи, документы, обзоры на испанском, португальском, французском и английском языках. В одном из последних номеров журнала помещены статьи по истории мексиканской национальной библиотеки и национального архива. Наконец, журнал «Archivo histórico diplomático mexicano» занимается главным образом дипломатической и конституционной историей Мексики. Здесь систематически публикуются извлеченные из архивов протоколы мексиканского парламента за двадцатые годы прошлого века.

В Гондурасе выходят два исторических журнала. «Boletín de la biblioteca y archivos nacionales» выходит с 1939 г.; он публикует в основном архивные материалы из эпохи колониальной истории. Журнал «Revista del Archivos y bibliotecas

nacionales» с 1927 г. стал органом гондурасского историко-географического общества. Здесь печатаются статьи и материалы по истории, географии, археологии и истории литературы Гондураса.

Журнал «Revista de los archivos nacionales», выходящий в Сан-Хосе (Коста-Рика) с 1938 г., помещает материалы главным образом из истории послеколониального периода. За последние годы в журнале помещено значительное число материалов по истории периода 1840—1860 годов.

В Гватемале выходят два исторических журнала. «Anales de la sociedad de geografía e historia» помещает материалы по истории и географии Центральной Америки; журнал начал выходить в 1938 году. «Boletín del Archivo general del gobierno», также выходящий с 1938 г., публикует главным образом архивные материалы. Выходящий в Панаме «Boletín de la Academia pan-americana de la historia» в 1939 г. прекратил издание за недостатком средств.

«Boletín del archivo general de la nación», выходящий в Сан-Доминго с 1938 г., дает много материалов за период самостоятельного существования республики, начиная с 1844 г. (после отделения Сан-Доминго от Гаити). В Венесуэле выходят два исторических журнала. «Boletín de la Academia nacional de la historia» является органом венесуэльской Исторической академии и публикует материалы по всем разделам исторической науки. Журнал «Boletín del archivo nacional», выходящий с 1938 г., помещает главным образом архивные материалы. В журнале уделяется очень много внимания национально-освободительной войне. В последние годы в журнале помещено много новых данных о личности Боливаре, дающих ценный материал для его биографии.

В Сант-Яго (Чили) выходит журнал «Revista chilena de historia y geografía». Кроме исторических вопросов в журнале освещаются вопросы географии, а также материалы по истории естественных наук. «Revista del archivo nacional de Peru», выходящий с 1936 г. в Лиме (Перу), помещает материалы главным образом из истории колониальной эпохи.

◆ В июне 1941 г. в Канаде начаты раскопки старинного форта св. Марии вблизи Онтарио. Форт был построен в 1639 г. французскими миссионерами-иезуитами, работавшими среди индейского племени гуронов. После разгрома и покорения последних федерацией ирокезских племен форт был осажден ирокезами и после взятия сожжен (1649 г.). Раскопки ведут две организации: Археологический музей Онтарио и Общество монахов-иезуитов Верхней Канады. При раскопках обнаружено большое число предметов быта, которые сданы в музей в Торонто. Изучение материальных остатков, обнаруженных при раскопках, должно дать

дополнительные сведения по истории ранних европейских поселений в Америке и их торговли с индейцами. Форт св. Марии играл крупную роль как торговый пункт.

◆ Осенью 1941 г. в Лондоне (провинция Онтарио, Канада) состоялась годовая сессия канадской католической исторической ассоциации при Торонтском университете. Из числа важнейших докладов, зачитанных на сессии, следует указать: «Британское правительство и ирландский епископат в 1799—1815 гг.» (проф. Макдугалл); «Из истории раннего католицизма в Лондоне» (Диггэн); «Эдмунд Борк» (Альфред); «Наполеон и церковь» (Симар) и др.

◆ Музей канадской провинции Нью-Брунсуик, находящийся в главном городе провинции — Фредериктоне, — пополнился новыми материалами по ранней истории приморских провинций Канады. Большую группу материалов передал музею недавно умерший известный канадский ботаник и историк д-р Кэнонг, много работавший над изучением ранней истории Канады. В числе материалов, поступивших в музей, архивные материалы, рукописи, карты, планы путешествий и т. п.

◆ Англо-американское издательство Макмиллан вскоре после начала нынешней

войны начало издание истории войны в виде отдельных выпусков, из которых каждый охватывает период в несколько месяцев. Общее название серии — «Oxford periodical history of the war». Автором серии является Эдгар Маккини. Последние выпуски, вышедшие в свет: № 8 за апрель — июнь и № 9 за июль — сентябрь 1941 года.

◆ В Калифорнии несколько лет назад начата публикация архивных документов из архивов штата. Недавно вышел очередной том публикации — «Налоги и финансовые агенты округа Сан-Диего» («Tax and financial officers of San Diego county»). Настоящий том издало Общество архивных работников Южной Калифорнии (Southern California historical record society).

◆ Ассоциация историков среднеамериканских штатов опубликовала путеводитель по основным архивам штата Нью-Йорк. В путеводителе помещены данные по 10 архивохранилищам штата, не считая архивов города Нью-Йорка, для которых уже имеется справочная литература. Название путеводителя — «Guide to the major depositories of manuscript collections in New York State». В книге даны перечень и краткая спецификация 750 тыс. рукописных материалов, находящихся в этих хранилищах.

СОДЕРЖАНИЕ

XXV ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Доклад председателя Государственного комитета обороны товарища И. В. Сталина на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1942 года	3
ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ № 345 от 7 ноября 1942 года	13

СТАТЬИ

Костомаров Г. — Октябрьские дни 1917 года в Москве	15
Богданов М. — Минский совет рабочих и солдатских депутатов в октябрьские дни 1917 года	23
Галкина П. — Борьба за Октябрьскую революцию в Иваново-Вознесенске	33
Тарасов А. — Установление советской власти в Казани	42
Державин Н., акад. — Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения	49

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Ефимов А., проф. — Советские документальные публикации по новой истории за 25 лет	57
Софкинов П. — Советские архивы в период великой отечественной войны	61
Каменецкий Б. — Материалы о политических и культурных отношениях России и Англии в XVI—XIX вв. в русских изданиях	66
Гусев Н., проф. — Русские патриоты в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»	68

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	75
---------------------------------------	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

История СССР	
Ольгина В. — «Великая отечественная война». Литературно-художественный сборник. Галкин В. — «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году». Берков Е. — Сытин В. А. В. Суворов. Ивашин И. — Тихомиров М. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV веках	80
История нового времени	
Г. А. — Koehler Hansjurgen Inside the Gestapo. London. 340 p. Келер Хансюржен. За кулисами гестапо. Ф. С. — Shuman F. L. Europe on the Eve, Crises of Diplomacy. 1933—1939. Европа накануне. Кризис дипломатии. — Семин Н. «Mission to Moscow» by the Former U. S. Ambassador to Russia, Joseph Edward Davies. New York. 1941. «Миссия в Москву» Джозеф Эдвард Дэвис, бывший посол США в СССР	88

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР.	
Пичета В., чл.-корр. АН СССР, и Целовальникова А. — Сектор славяноведения Института истории АН СССР, Шерстюк Ф. — Институт истории и археологии АН УССР. Вайнштейн О., проф. — Исторический факультет Ленинградского государственного университета в дни отечественной войны. К. А. — Куйбышевский государственный педагогический институт. Геллах Т. — В Бухарском областном музее	100
Историческая наука за рубежом	109

Редакционная коллегия: { Ем. Ярославский, Б. М. Волгин, И. А. Кудравцев, И. И. Микин, А. М. Панкратова, С. И. Голиар.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Тел. Д 3-31-04.

Л61731.

Изд. № 1064.

Заказ 2839.

Тираж 39.000

Подписано к печати 28/X 1942 г.

68 000 печ. зп. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

CONTENTS:

J. STALIN—XXV ANNIVERSARY OF THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION. Speech Delivered by the Chairman of the State Committee of Defence, at the Joint Meeting of the Moscow Soviet of Working People's Deputies and Representatives of Moscow Party and Public Organizations to Celebrate the 25-th Anniversary Great October Socialist Revolution November 6, 1942. **ORDER OF THE DAY OF THE PEOPLE'S COMMISSAR OF DEFENCE** No. 345. **NOVEMBER 7, 1942, MOSCOW.** **ARTICLES:** Kostomarov G. The October days of 1917 in Moscow. Bogdanov M. The Minsk Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies during the October days of 1917. Galkina P. The struggle for the October Revolution in Ivanovo-Voznesensk. Tarasov A. The establishment of Soviet power in Kazan. Derzhavin N., Akad. Sciences of the USSR, The historical Lore of the Slavs and the directions of Slavonic studies in the Soviet Union. **REPORTS AND PUBLICATIONS:** Efimov A., Prof. The publication of Soviet documents on the new history during the last 25 years. Sofinov P. Soviet archives during the Patriotic War. Kamenetsky B. Material on political and cultural relations between Russia and Great Britain in the XVI—XIX centuries. Gusev N., Prof. Russian patriots in Leo Tolstoy's „War and Peace“: **DOCUMENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR. REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY. BIBLIOGRAPHICAL NOTES. CHRONICLE.**

SOMMAIRE:

J. STALINE—XXVe ANNIVERSAIRE DE LA GRANDE RÉVOLUTION SOCIALISTE D'OCTOBRE. Rapport présenté par le Président du Comité d'Etat pour la Défense de l'U. R. S. S., à la séance solennelle du Soviet des Députés des Travailleurs de Moscou, élargie aux organisations sociales et du Parti de cette ville, le 6 Novembre 1942. **ORDRE DU JOUR DU COMMISSAIRE DU PEUPLE A' LA DÉFENSE DE l'U. R. S. S.** No 345, **MOSCOU, LE 7 NOVEMBRE 1942.** **ARTICLES:** Kostomarov G. Les journées d'Octobre 1917 à Moscou. Bogdanov M. Le Soviet de Minsk des députés ouvriers et soldats dans les journées d'Octobre 1917. Galkina P. La lutte pour la Révolution d'Octobre, Ivanovo-Voznesensk. Tarasov A. L'établissement du pouvoir soviétique à Kazan. Derzhavine N., acad. La science historique chez les Slaves et les tâches de la slavistique soviétique. **COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS:** Efimov A., prof. Les publications documentaires soviétiques sur l'histoire moderne au cours des 25 dernières années. Sofinov P. Les archives soviétiques durant la guerre nationale. Kamenetzki B. Documents sur les rapports politiques et culturels entre la Russie et l'Angleterre aux XVIe—XIXe siècles. Goussev N. prof. Les patriotes russes dans le roman de Léon Tolstoï „La Guerre et la Paix“. **DOCUMENTS DE LA GRANDE GUERRE NATIONALE. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. NOTICES BIBLIOGRAPHIQUES. CHRONIQUE.**

INHALT:

J. W. STALIN—DER XXV. JAHRESTAG DER GROSSEN SOZIALISTISCHEN OKTOBERREVOLUTION. Rede des Vorsitzenden des Staatlichen Verteidigungskomitees der Sowjetunion in der Festsitzung des Moskauer Sowjets der Deputierten der Werktätigen gemeinsam mit den Partei- und gesellschaftlichen Organisationen der Stadt Moskau, 6. November 1942. **BEFEHL DES VOLKSKOMMISSARS FÜR LANDESVERTEIDIGUNG DER SOWJET-UNION,** Nr. 345, **MOSKAU, 7. NOVEMBER 1942.** **ARTIKEL:** Kostomarov G. Die Oktobertage des Jahres 1917 in Moskau. Bogdanow M. Der Sowjet der Arbeiter- und Soldatendeputierten von Minsk in den Oktobertagen 1917. Galkina P. Der Kampf für die Oktoberrevolution in Ivanovo-Woznesensk. Tarasow A. Die Errichtung der Sowjetmacht in Kazan. Derzhawin N., Akad. Die Geschichtswissenschaft bei den Slawen und die Aufgaben der sowjetischen Slawenforschung. **MITTEILUNGEN UND PUBLIKATIONEN:** Efimow A., Prof. Sowjet-Veröffentlichungen von Dokumenten über neue Geschichte im Verlauf von 25 Jahren. Sofinow P. Sowjet-Archive in der Periode des vaterländischen Krieges. Kamenetzki F. Materialien über die politischen und kulturellen Beziehungen zwischen Russland und England im XVI—XIX. Jahrhundert. Gussjew N. Prof. Russische Patrioten in L. N. Tolstois Roman „Krieg und Frieden“. **DOKUMENTE DES GROSSEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. BIBLIOGRAPHISCHE BEMERKUNGEN. CHRONIK.**

Цена 3 руб.

2935

Ак
589

11

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№

52-55